

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Котельникова Анастасия Николаевна

**«КОНТРТЕКСТ» КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ
ДОМИНАНТЫ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ
ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Нестерова Наталья Михайловна

Пермь – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ КАК ОБЪЕКТ	
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	14
1.1. Проблема понимания в философии и философской герменевтике.....	15
1.2. Проблема понимания в психологии мышления.....	24
1.3. Проблема понимания в лингвистике и психолингвистике: попытки моделирования процесса	36
Выводы по главе 1.....	49
ГЛАВА 2. ПОНИМАНИЕ И СМЫСЛ КАК ЕГО РЕЗУЛЬТАТ.....	
2.1. Смысл как научное понятие. Подходы к его определению.....	52
2.2. Доминантность – интегративный принцип функционирования смысла: теория А.А. Ухтомского	63
2.3. Смысл и его материальные носители.....	77
Выводы по главе 2.....	82
ГЛАВА 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	
ОСОБЕННОСТЕЙ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.....	84
3.1. Психолингвистический эксперимент и его методы. Метод «контртекста»	84
3.1.1. Процедура эксперимента.....	92
3.2. Первый этап психолингвистического эксперимента	98
3.3. Второй этап психолингвистического эксперимента	112
3.3.1. Эксперимент на материале статьи «Microsoft’s Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language».....	112
3.3.2. Эксперимент на материале статьи «An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren’t Happy»	120
Выводы по главе 3.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	185
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	193

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет случился настоящий прорыв в развитии искусственного интеллекта. ChatGPT – разработка компании Open AI – успешно проходит собеседование для трудоустройства на работу, сдает экзамены и пишет выпускные квалификационные работы. Эта нейросеть, отмечают специалисты, имеет огромное преимущество перед другими подобными языковыми моделями: она способна работать с учетом контекста и продолжает обучение при взаимодействии с каждым пользователем (reinforcement learning). Как следствие, механизмы восприятия информации данной нейросети в чем-то аналогичны человеческим: она декодирует сообщения, устанавливает причинно-следственные связи и отвечает согласно логике запроса, опираясь на загруженные базы данных.

Несмотря на столь колоссальный прорыв в технологии, создание алгоритмов NLP (natural language processing), появление аппаратов функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) и электроэнцефалографии (ЭЭГ), способных рассмотреть каждую клетку мозга человека, до конца раскрыть и подробно описать, согласно какому принципу и каким закономерностям работают мыслительные процессы в сознании человека, и почему все люди воспринимают информацию по-разному, ученым пока не удается.

Эта проблема приобретает особую **актуальность** ввиду того факта, что XXI в. привнес исключительную неоднозначность, нестабильность и неоднородность во все социальные процессы, а в первую очередь в процесс коммуникации. Не возникает сомнений, что современное общество существует в текстовом пространстве. Именно текстовое (точнее, интертекстовое) пространство, пронизывающее все наше существование, является наиболее адекватным полем для исследования процесса понимания. Предполагается, что изучение механизмов понимания текста поможет «пролить свет» на факторы, определяющие различия в восприятии не только самих текстов и информации, содержащейся в них, но и окружающего мира тем или иным человеком в двух его ипостасях – как отдельной личностью и как представителем некоторой социальной общности.

Проблема «понимания» на протяжении многих лет волнует ученых, посвятивших жизнь изучению вопросов социально-гуманитарной сферы: описание этого явления можно встретить в трудах философов, лингвистов, психологов, педагогов, переводчиков, экономистов и т.д. Несмотря на разнообразие концепций и направлений, существует ряд недостаточно исследованных и спорных вопросов, связанных в первую очередь с характеристиками объекта исследования, в частности с невозможностью непосредственного наблюдения этого процесса. Тем не менее в настоящее время появляются такие экспериментальные методы, которые позволяют хотя бы косвенно исследовать механизмы, стратегии и факторы, влияющие на понимание смысла информационного сообщения, в том числе на иностранном языке.

В данной работе мы обращаемся к исследованию понимания именно текста, причем иноязычного, основываясь на психолингвистической теории текста, предложенной А.И. Новиковым. В ходе многочисленных психолингвистических экспериментов, направленных на изучение формализации содержательной, а позднее и смысловой структуры текста, А.И. Новиков приходит к выводам, которые определили направление данного исследования. Во-первых, процесс понимания можно в некоторой степени эксплицировать с помощью метода «встречного текста», или «контртекста»¹ (термин Н.И. Жинкина), суть которого состоит в регистрации реакций реципиентов на предъявляемые отрезки текста. Вслед за А.И. Новиковым предполагается, что адресат – это не просто «экран», на который «проецируется» содержание текста. При прочтении текста в вербальном сознании реципиента возникают ассоциации, визуализации, эмоциональные и рациональные оценки тех или иных фрагментов воспринимаемого текста. Все возникающие реакции, в соответствии с процедурой эксперимента, регистрируются в письменной форме, в результате чего и получается «контртекст». Таким образом, под «контртекстом», или «встречным текстом», в нашем исследовании понимается совокупность письменно зафиксированных реакций реципиента на текст-стимул. Реакции, или «встречный текст», представляют собой некое промежуточное звено в процессе понимания, связывающее начальный

¹ Здесь и далее выделение наше – А.К.

этап восприятия с конечным результатом смыслообразования. Во-вторых, возникновение данных реакций в сознании воспринимающего текст, вероятно, обусловлено некоторыми психическими и физиологическими аспектами. А.И. Новиков предположил, что обращение к принципу доминантности известного отечественного физиолога А.А. Ухтомского может помочь приоткрыть завесу над загадочной природой смысла.

А.А. Ухтомский определял доминанту как «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент» [Ухтомский 2022: 31]. А.Н. Новиков утверждает, что при изучении смысла стоит обращаться именно к самому принципу доминантности как ингерентному механизму смыслообразования, а не к его физиологической основе. Опираясь на данное суждение А.И. Новикова, а также собственные предварительные эксперименты, мы выдвинули следующую **рабочую гипотезу**.

Порождаемые в ходе процесса понимания «контртексты», отражающие возникающие в сознании реципиента симультанные реакции на воспринимаемый отрезок текста, позволят в определенной степени выявить доминанты (как индивидуальные, так и коллективные), детерминирующие данный процесс и влияющие на формирование смысла. Доминанта, согласно нашей гипотезе, может рассматриваться как своего рода «линза», преломляющая содержание и формирующая смысл воспринимаемого текста для каждого отдельного человека, при этом она может быть и коллективной, т. е. общей для определенной группы социума.

Тема исследования определила его объект, предмет и цель.

Объект: процесс понимания иноязычного текста.

Выбор именно такого объекта объясняется тем, что при восприятии текста на иностранном языке понимание в какой-то степени «замедляется» ввиду объективных причин, которые обозначил А.Н. Соколов в работе «Психологический анализ понимания иностранного текста» [Соколов 1947].

Предмет: индивидуальные стратегии понимания², зафиксированные с помощью метода «контртекста».

² Индивидуальная стратегия понимания актуализируется в реакциях реципиента

Цель: исследование влияния доминанты как господствующего очага возбуждения в сознании реципиента в момент восприятия иноязычного текста с использованием метода «контртекста». В соответствии с намеченной целью были сформулированы следующие **задачи исследования:**

1. Изучить и проанализировать существующие философские, лингвистические, психолингвистические подходы к исследованию механизмов понимания в целом и понимания текста в частности.

2. Рассмотреть теоретические и практические (экспериментальные) подходы к определению категории «смысл» как явления, подверженного социальным (коллективным) факторам среды и аспектам субъективного мира определенного индивида.

3. Обосновать выбор конкретного метода, материала исследования и отобрать участников эксперимента.

4. Подготовить и провести ряд экспериментальных исследований для верификации предложенной гипотезы.

5. Провести количественный и качественный анализ полученных «контртекстов» с целью выявления индивидуальных доминант понимания.

6. На основе анализа выявленных индивидуальных доминант понимания попытаться выявить наличие коллективной доминанты, характеризующей процесс восприятия и понимания текста реципиентами определенной группы.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области: **философии и герменевтики** (Платон, Аристотель, А. Августин, И. Кант, Г. Гегель, Х.-Г. Гадамер, В. Дильтей, В.В. Налимов, М.М. Бахтин, П. Рикер, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер, В.В. Розанов, В.П. Филатов, В.С. Швырев и др); **психологии, нейропсихологии, библиопсихологии** (Дж. Уолес, Дж. Брунер, Р. Солсо, Э.Л. Торндайк, У. Дэймон и Д. Харт, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, В.В. Знаков, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.Н. Лурия, Н.А. Рубакин, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, А.Н. Соколов, Е.А. Сорокоумова др.); **лингвистики и психолингвистики** (А.А. Потебня, В. фон Гумбольдт, Л.Г. Васильев, Т.В. Ахутина, Н.М. Кобозева, Н.Д. Арутюнова,

Н.А. Шехтман, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, А.И. Новиков, Н.М. Нестерова, Л.В. Сахарный, В.А. Пищальникова, Н.П. Пешкова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Т.В. Черниговская, А.С. Штерн и др.); **физиологии и нейрофизиологии восприятия** (Ф. Крик, К. Кох, Б.Дж. Баарс, Н.М. Амосов, П.К. Анохин, С. Деан, Р.К. Квирига, В. Крюков, Е.Н. Соколов, А.А. Ухтомский и др.); **теории смысла** (Р.И. Павиленис, Н.А. Слюсарева, В. Франкл, Ф. Феникс, Э.Д. Сулейманова, Г.И. Богин, В.В. Налимов и др.); **экспериментальных психолингвистических методик** (Ф.Е. Василюк, Г.М. Нуруллина, Ю.Н. Караулов, А.В. Брушлинский, Д. Рассел, Б. Винстон, А. Смит, Х. Куусела, П. Пол и др.).

Практическими методами исследования стали: сравнительный анализ научных трудов и метод логического сопоставления теоретического материала, позволяющий сравнивать и обобщать различные научные подходы к проблеме понимания; психолингвистический эксперимент, а именно метод «контртекста», для выявления индивидуальных и/или коллективных реакций испытуемых, предположительно вербализующих активные «доминанты»; метод систематизации и классификации всей совокупности полученных в ходе эксперимента реакций, количественный анализ реакций испытуемых для выявления процентного соотношения типов, используемых представителями разных групп при понимании текстов; качественный и сравнительный анализ полученных «контртекстов» с целью определения особенностей использования лексических единиц и синтаксических структур при письменной регистрации реакций; метод формализации, обеспечивающий представление всех экспериментальных данных в виде таблиц и графиков.

Степень изученности проблемы. Изучение понимания текста с использованием метода «контртекста» ведется в течение последних двух десятилетий. Результаты представлены в трудах А.И. Новикова, посвященных пониманию разных типов текста [Новиков 2002, 2003], и работах ученых, входящих в круг так называемой «Новиковской школы». Особо хочется подчеркнуть вклад исследователей из Уфы, продолжающих под руководством Н.П. Пешковой изучение стратегий восприятия научных [Пешкова 2002–2015, Мигранова 2017], научно-популярных [Кирсанова 2007, Авакян 2008], библейских текстов [Давлетова 2012], текстов

глянцевого журнала [Моисеева 2017], микроблога как вида интернет-текста [Титлова 2017], текстов юридического дискурса [Ибатуллина 2022] и текстов масс-медиа [Гилязова 2022]. В результате данных экспериментальных исследований была дополнена классификация индивидуальных реакций, выявлены ядерные, периферийные, малоупотребительные типы, определены принципы функционирования интерактивной модели понимания текстов разных функциональных стилей.

Пермская «ветвь» Новиковской школы по изучению текста, его понимания и смысла представлена работами Н.М. Нестеровой о понимании в переводе и при вторичной текстовой деятельности [Нестерова 2005, 2016, 2022], статьями Е.Л. Заводниковой о смысловом восприятии при переводе [Заводникова 2022]. Наряду с этими работами, представлено и наше диссертационное исследование, в котором впервые предпринимается попытка рассмотрения «доминанты» реципиента как явления, имеющего непосредственное влияние на процесс понимания и формирования смысла текста.

Таким образом, **научная новизна** настоящей работы определяется несколькими аспектами. Во-первых, экспериментальное исследование впервые направлено на изучение как индивидуальных, так и коллективных особенностей восприятия текстов реципиентами разных групп (по возрастному, профессиональному признаку). Во-вторых, полученные в результате проведения психолингвистических экспериментов «контртексты» и содержащиеся в них вербализованные реакции подвергаются качественному и количественному анализу с учетом принципа доминантности А.А. Ухтомского. В-третьих, реципиентам для восприятия предлагаются тексты различных функциональных стилей на иностранном языке, адаптированные для целей эксперимента путем разбивки на смысловые отрезки (минимальный отрезок – одно предложение), что предположительно позволяет замедлить процесс понимания для более детального изучения за счет трансформирования симультанного характера процесса в сукцессивный. В-четвертых, были уточнены определения некоторых реакций для упрощения классификации и добавлены два новых вида к уже существующим – «актуализация профессиональных знаний» реципиента и реакция «размышление».

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования определяется выводами, полученными в результате проведения экспериментов и анализа полученных данных. В частности, подтверждается гипотеза А.И. Новикова о том, что процесс понимания может быть сравним с «проекцией» по своей природе (содержание – «проекция текста на сознание» реципиента, смысл – «проекция сознания на текст»). Получены данные, доказывающие наличие неких общих признаков доминантности при понимании текста (особенно при переходе на смысловой уровень) реципиентами одной и той же социальной группы; обосновано, что доминантность проявляется в типах используемых стратегий, отобранных ключевых словах и лексическом оформлении ответов на формулировку содержания и смысла текста. Текст исследования содержит детальный обзор научных источников из различных областей знания (философии, психологии, лингвистики, психолингвистики, кибернетики, физиологии), что вносит вклад в изучение проблемы «понимания». Результаты проведенных экспериментов дополняют разрабатываемую в Уфе интерактивную модель понимания и способствуют дальнейшему развитию такого направления, как психолингвистика текста.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные в результате экспериментов выводы могут составить основу для дальнейших эмпирических исследований. В процессе проведения серий эксперимента получено богатое разнообразие примеров вторичной текстовой деятельности (наборы ключевых слов, «контртексты», формулировки содержания и смысла текстов-стимулов), которые могут быть использованы как материал для последующего анализа. Более детальное раскрытие механизмов понимания и построение теоретических моделей этого процесса на сегодняшний день также представляется ключевым для программ обработки естественного языка и дальнейшего расширения функционала искусственного интеллекта. Полученные теоретические и практические результаты могут быть использованы при подготовке специалистов по направлению «Филология», «Лингвистика», «Перевод и переводоведение»: в дисциплинах «Теория языка», «Теория и практика перевода», «Когнитивная лингвистика», «Лингвистический анализ текста», «Психолингвистика», «Нейролингвистика».

На основании проведенного исследования на защиту выносятся следующие **положения:**

1. Экспериментальное психолингвистическое исследование процесса понимания с использованием метода «контртекста» на материале иноязычных текстов и с привлечением разных групп реципиентов позволяет выявить как индивидуальные, так и коллективные особенности формирования смысла как конечного результата понимания, при этом именно иноязычность предъявляемых текстов делает этот процесс более эксплицитным.

2. Смысл, который формируется в сознании реципиента, имеет двойственную природу: с одной стороны, это категория, относящаяся к личностной сфере индивида, с другой стороны, смысл имеет определенную социокультурную обусловленность. Интегративным фактором формирования смысла может являться принцип, аналогичный принципу доминантности в теории А.А. Ухтомского.

3. Факт принадлежности реципиентов к разным условным группам (по профессиональному признаку: гуманитарная (переводческий профиль) и техническая сфера (IT-направление, автоматизация); по возрастному принципу (учащиеся школы, студенты-бакалавры и магистранты) может влиять на особенности протекания процесса понимания на всех этапах, начиная от восприятия и заканчивая формированием смысла, что предположительно объясняется наличием некой коллективной доминанты у представителей одной и той же группы.

4. Интерактивная модель понимания должна включать фактор доминантности. При описании процесса понимания в терминах, предложенных А.И. Новиковым, – «проекция текста на сознание» и «проекция сознания на текст» – необходимо учитывать доминанту реципиента, играющую роль своего рода «линзы», которая преломляет «образ» воспринятого и осмысленного.

Соответствие паспорту научной специальности. Результаты диссертационной работы соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: п. 4 – «Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики», п. 9 – «Лингви-

стика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста», п. 24 – «Лингвистическое исследование продуцирования и понимания естественного языка. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта».

Достоверность полученных научных результатов и выводов диссертационного исследования обеспечивается представленным анализом теоретических положений научных трудов и концепций отечественных и зарубежных исследователей из различных областей, применением методов эмпирического исследования, адекватных цели, задачам и логике исследования, опытно-экспериментальной проверкой основных положений, выносимых на защиту, а также апробацией основных результатов диссертации на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практических конференциях различного уровня: международной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, 2017, 2021); международной конференции «Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного» (Баня-Лука, Босния и Герцеговина, 2017); международной конференции «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Екатеринбург, 2017); международной конференции «Межкультурная – Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (Уфа, 2016–2020); международном семинаре «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Кашкинские чтения, Воронеж, 2017); региональной конференции «Инновационные процессы в исследовательской и образовательной деятельности» (Пермь, 2018); международной конференции «Intercultural Communication in the context of modern translation studies “Between Worlds – Between Words”» (Ольштын, Польша, 2021); на международном форуме «Международная и межрегиональная интеграция в сфере инженерного образования» (Санкт-Петербург, 2022); на XX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» (Москва, 2022); на конференции с международным участием «Язык, созна-

ние, коммуникация: проблемы информационного общества» в рамках «Недели медицинского образования 2023» (Москва, 2023); на международной научной конференции «Герценовские чтения. Иностранные языки» (Санкт-Петербург, 2023).

Базовые положения исследования представлены в 19 публикациях автора, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, включённых в перечень рецензируемых научных изданий ВАК: «Встречный текст как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста» (Вопросы психолингвистики № 4, 2017), «Две стратегии понимания» (Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики № 4, 2020), «О проблеме изучения механизмов восприятия и понимания иноязычных текстов: психолингвистический аспект» (Вестник Череповецкого государственного университета № 4, 2021). Также опубликована одна статья «On Studying Text Comprehension Strategy Using the “Counter-Text” Method: Case-Study on Humanities and Engineering Students» в сборнике научных трудов на английском языке в книжной серии «Lecture Notes in Networks and Systems» издательства Springer Nature с индексацией в базе данных Scopus (2022).

Объем и структура работы. Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (291 источник, из них на иностранном языке – 77), списка использованных словарей (7) и трех приложений. Основной текст диссертации изложен на 154 страницах.

ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной главе диссертационного исследования рассматривается проблема понимания в свете интегративного подхода – на стыке конвергенции наук: философии, психологии, лингвистики и психолингвистики. Приведен аналитический обзор фундаментальных трудов по обозначенному вопросу начиная от работ древнейших философов и заканчивая современными интерактивными моделями данного процесса. Выделяются те аспекты и грани вопроса, которые, на наш взгляд, изучены недостаточно полно.

В 70–90-е гг. прошлого столетия издавалась серия книг «Над чем работают, о чем спорят философы», где выдающиеся ученые того времени рассуждали над актуальными проблемами философского знания. В 1985 и 1991 г. были опубликованы издания, содержащие размышления авторов о специфике понимания – «Проблема понимания в философии» [Гусев, Тульчинский 1985] и «Загадка человеческого понимания» под редакцией А.А. Яковлева. Последнее издание представляет собой материалы круглого стола, в котором приняли участие Н.С. Автономова, В.У. Бабушкин, В.В. Бибихин, А.А. Брудный, Ф.А. Лекторский, В.П. Филатов и др. [Загадка... 1991].

Несмотря на то что с момента выхода книги в свет прошло более 30 лет, проблема понимания не утратила актуальности, скорее, наоборот, моделирование этого процесса, выявление его механизмов и закономерностей вышло на первый план в связи с бурным развитием сферы искусственного интеллекта и систем автоматизированного распознавания речи. Изучение этого явления представляет собой сложнейшую задачу в связи с невозможностью формализации этого процесса, отсутствием единой терминологической и методологической базы.

Если ввести запрос «определение понимания» в поисковой системе Google, на экране высветится примерно 60 миллионов результатов.

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова предлагает следующее определение термина: «Понимание, -я; ср. 1. Понимать; спо-

способность осмыслить, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-л. 2. Та или иная точка зрения на что-л., то или иное толкование, объяснение чего-л. // Проникновение в чьи-л. мысли, состояние, чувства и т.п.» [Большой... 1998].

Крупнейший словарь немецкого языка Duden.de определяет «понимание» (нем. das Verstehen/der Verstand) как «1. Fähigkeit zu verstehen, Begriffe zu bilden, Schlüsse zu ziehen, zu urteilen, zu denken; 2. Art, wie etwas verstanden wird, gemeint ist; Sinn» [Duden 2023].

Англоязычный Cambridge Dictionary трактует «понимание» (англ. understanding) как «1. Knowledge about a subject, situation, etc. or about how something works; 2. a positive relationship between two people or groups in which they feel sympathy for each other; 3. an informal agreement between people» [Cambridge...2023].

Данные примеры подтверждают многозначность и многоаспектность термина «понимание». Полидисциплинарный характер понятия объясняет разнообразие подходов к его трактовке. По мнению В.К. Нишанова, основными направлениями исследований понимания/непонимания являются: философское, лингвистическое, психологическое [Нишанов 1990].

Ниже представлен обзор теоретических и экспериментальных трудов различных областей научного знания, в частности философии, психологии, лингвистики и психолингвистики, посвященных изучению этого вопроса.

1.1. Проблема понимания в философии и философской герменевтике

Понимание является классической проблемой гуманитарных наук – философии и психологии, а также таких дисциплин, как гносеология (теория о познании), герменевтика и многих других.

Понимание, несомненно, относится к категории «вечных» проблем философии. Тем не менее вопросы «Что?», «Как?», «Почему так, а не иначе понимает человек окружающую его действительность в эпоху глобальных перемен?» не теряют своей актуальности. В данном параграфе будет приведен краткий обзор основных философских трудов, освещающих вышеуказанную проблему, начиная с древнегреческой эпохи и заканчивая сегодняшним днем.

Проблема понимания волновала ученых на протяжении всей истории становления науки. Сам термин «понимание» ассоциируется с философской герменевтикой, однако, вероятно, охватывает более широкую область изысканий, что подтверждает цитата А.А. Ивина: «Эта проблема сложилась в широком контексте философского анализа человеческой, преобразующей мир деятельности и связанных с нею ценностей. Проблема ценностей, а значит и проблема понимания возникла с того времени, когда человек стал рассматриваться как практическое существо, не только объясняющее, но и преобразующее действительность» [Ивин 1986: 50].

Понимание, являясь изначально философской проблемой, нашло отражение в трудах древнегреческих теоретиков. Как известно, Платон создает учение об идеях, произведя своего рода революцию в мышлении того времени. В его диалоге «Кратил» (389–387/386 гг. до н.э.) Сократ отмечает: «И если угодно, “понимание” (γνῶμη), судя по всему, означает рассмотрение возникновения [вещей] (γόν'σνῶμησις), поскольку “рассматривать” и “понимать” – одно и то же. Если же угодно, и самое имя “мышление” (νόησις) означает улавливание нового (νέου ἐσις), а новое (νέα), в свою очередь, означает вечное возникновение...» [Платон 1994: 463].

Будучи учеником Платона, Аристотель в своем труде «Метафизика» проводит параллели между понятиями «понимание», «мудрость», «знания», «опыт» и высказывает мысль о том, что понимание нельзя назвать свойством, просто приобретаемым с опытом. Наряду со знаниями, понимание ближе к искусству [Аристотель 1976].

Также следует обратиться к трактату Аристотеля «Об истолковании», в котором он высказывает идею о связи понимания и теории высказываний. Философ утверждает, что адекватность понимания полностью подчинена двум аспектам – правильно построенному тексту (с точки зрения грамматики) и логической истинности той мысли, которая в текст заложена [Аристотель 1978]. Таким образом Аристотелем был сформулирован классический принцип о правильности и истинности высказываний, согласно которому смысл несут только слова, использующиеся в каком-либо контексте. В связи с этим, подчеркивает Е.Н. Юркевич [Юркевич 2008], уже в пределах теории высказываний начинают возникать основания для формирования

контекстуального подхода по отношению к смысловой цели, который позднее станет одним из определяющих в философской герменевтике.

В Древней Греции была обоснована необходимость в обучении правильному пониманию текстов мыслителей (Гомера, Гесиода), истолкованию и интерпретации изречений оракулов, сообщавших волю богов. Позднее в период раннего христианства постепенно появились понятия «аллегория», «иносказание» и соответственно определились некоторые правила и традиции понимания текстов. Таким образом, искусство понимания и толкования священных текстов приобретает значимость в эпоху эллинизма, и позднее, в христианскую эпоху, с появлением «центрального» объекта для истолкования – Священного писания – достигает расцвета.

В Средние века философия ставит во главу угла теологию и вопросы, связанные с истолкованием библейских текстов. На первый план выходит христианская экзегетика: возможность понимания и интерпретации текстов связывается с Божественным началом. Автором первой обобщающей работы на стыке экзегетики и герменевтики был христианский мыслитель Аврелий Августин (354–430) (знаменитый тезис «верю, чтобы понимать»). Его труд назывался «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия».

Значимой для нашего исследования является следующая цитата мыслителя: «Мы учимся не посредством слов, внешним образом звучащих, а от внутренним образом учащей истины» [Августин 1992: 253]. Августин подчеркивает, что все, что мы пытаемся понять, мы спрашиваем не у говорящего (автора), а у так называемой «истины», которая уже присуща нашему внутреннему миру, душе, но побуждается с помощью звучащих слов. С.С. Неретина в работе, посвященной Августину, «Аврелий Августин: исповедь как философствование» [Неретина 2002] подчеркивает, что понимание, или, словами самого Августина, «минута постижения» – явление гораздо более широкое, чем просто толкование. Согласно идеям философа «понимание – некий прорыв к Субъекту вещи, оно находится за пределами душевных поисков человека, за пределами текста. Понимание связано не со знаками и понятиями, а со смыслом, к которому “быстрой мыслью прикоснулись”. Смысл (sensus) – это именно касание» [Августин 1992: 266].

Библейская герменевтика (*hermeneutica sacra*), возникшая еще в раннем иудаизме, находит развитие в христианской экзегетике. В эпоху Возрождения наряду с толкованием Священного писания (в рамках богословия), пониманием начинает заниматься и герменевтика профанная (*hermeneutica profana*), объектом исследования которой являются тексты классиков литературы античной эпохи.

Начиная с середины XVII в. герменевтика упоминается в трудах ученых как отдельная дисциплина (учение о методах интерпретации) – к примеру, в работе Й. Даннхаузера «*Hermeneutica sacra*» [Dannhauser 1654]. Голландский ученый-правовед Г. Гроций работает над проблемой понимания правовых текстов и вносит значительный вклад в развитие юридической герменевтики того времени [Grotius 1803].

Философская наука в своем дальнейшем развитии делится на все большее количество школ и направлений, которые, в свою очередь, по-разному трактуют категорию понимания. К примеру, философия XVII в. неразрывно связана с рационализмом французского мыслителя Рене Декарта и его последователей. Декарт в своих работах описывает понятия «познания» и «истины». Сущность вещей, т.е. их истинное понимание, согласно его учению, может быть постигнута только с помощью разума и методов дедукции и индукции, но не с помощью чувств [Декарт 1994]. Учение Рене Декарта оказало огромное влияние на работы английского философа Джона Локка, который посвятил пониманию один из своих трудов «Опыты о человеческом разумении» (*An Essay Concerning Human Understanding*) [Locke 1690]. Джон Локк отождествляет понимание с познавательной способностью, т.е. с разумом в целом. Цитата известного нидерландского ученого Б. Спинозы: «*Non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*»³, позволяет говорить о приоритете понимания в познании мира в рамках той исторической эпохи.

Как известно, Иммануил Кант подверг критике идеи Р. Декарта и его последователей. Отмечая этот факт, В.Е. Семенов в монографии «Трансцендентальные основы понимания» пишет: «Трансцендентальная субъективность выступает в каче-

³ «Я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать» (Спиноза Б. Политический трактат, гл. I, § 4).

стве конститутивной основы понимания. В свою очередь, понимание позволяет “открыть” и “увидеть” чистую субъективность» [Семенов 2008]. Иначе говоря, субъективность есть возможность понимания. В этом случае, говоря словами Георга Зиммеля, «смысл духа» становится одновременно «смыслом вещей» [Зиммель 1996: 47].

Другой представитель немецкой классической философии – Г. Гегель – определяет понимание терминами «самоосуществление» и «самореализация духа». Сам язык выражает, по Гегелю, «лишь всеобщее, поскольку он есть произведение мысли» [Гегель 1977: 114]. В трудах мыслителя язык описан как одноуровневый процесс, никакого перехода от индивидуального к общему не подразумевается. Непосредственный процесс понимания соотносится с деятельностью разума: «...только на третьей ступени чистого мышления понятие познается как таковое. Эта ступень представляет собой, следовательно, понимание в собственном смысле слова» [Гегель 1977: 310].

Говоря про XVIII в., необходимо обозначить появление работ общего характера, посвященных проблемам понимания текстов и их интерпретации, к примеру, «Введение в истинное истолкование разумных речей и писаний» И.М. Хладениуса (1742) [Chladenius 1969] и «Опыты всеобщего искусства истолкования» Г.Ф. Майера (1756) [Meier 1996]. Изучение искусства понимания достигает своего расцвета в эпоху современной философии в XIX–XX вв., оно начинает рассматриваться не только как метод познания, но и как полноценный объект научного исследования.

В западной философии одним из самых известных теоретиков, исследовавших данный вопрос, бесспорно, является Фридрих Шлейермахер, разработавший, принципы герменевтики как отдельной науки. В работах Ф. Шлейермахера понимание придается категориальный статус: ученый акцентирует внимание на изучении характерных особенностей понимания текстов и вводит понятие «герменевтического круга» как принципа понимания текста, в основе которого лежит диалектика части и целого: все отдельное может быть понято при посредстве целого, и каждое объяснение отдельного уже предполагает понимание целого. Ф. Шлейермахер в своих академических речах сравнивает понимание с начинающимся рассветом: «...от начала произведения, двигаясь постепенно... и чем

дальше мы продвигаемся, тем больше освещает предыдущее все последующее, и так до конца, а в конце лишь впервые отдельное оказывается освещенным полным светом и представляется в своих ясных и определенных очертаниях» [Шлейермахер 1997].

Вильгельм Дильтей, развивая идеи Ф. Шлейермахера о круге, рассматривает природу понимания с психологической точки зрения, в своих трудах «Описательная психология» (1894), «Введение в науки о духе» (нем. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, 1880), а также в «Построении исторического метода в науках о духе» (нем. *Der Aufbau der geschichtlichen Methode in den Geisteswissenschaften*, 1910) он разграничивает термины «понимать» (*verstehen*) и «объяснять» (*erklären*). Согласно В. Дильтею, «процедура понимания возможна благодаря способности, которой наделено каждое сознание, способности проникать в другое сознание не непосредственно, путем переживания, а опосредованно, воспроизводя творческий процесс из внешнего выражения» [Новая философская энциклопедия 2010]. Понимание в работах Дильтея представляется методом познания человеческого духа: «*Die Natur erklären wir, das Seelenleben verstehen wir*»⁴ [Dilthey 1924: 144].

Понимание в философии Мартина Хайдеггера имеет онтологический характер и рассматривается как некое аксиологическое отношение к окружающей действительности или «способ бытия человека в мире». В своих поздних работах он акцентирует внимание на языке, усматривая в нем единственный способ обнаружения и раскрытия бытия: «Язык есть дом бытия. В его обители живет человек» [Heidegger 1929: 53].

Вслед за Хайдеггером Х.Г. Гадамер расширяет определение понимания, уделяя особое внимание культурно-исторической обусловленности процесса. Понимание, по Гадамеру, – «действенно-историческое свершение». «Нахождение внутри традиции, причастность к общему смыслу – важная предпосылка понимания, предполагающая взаимодействие смыслов <...> Эти традиции представлены прежде всего в языке, а язык оказывается той «универсальной средой, в которой

⁴ «Природу мы объясняем, духовную жизнь или психику мы понимаем».

осуществляется понимание» [Гадамер 1988: 452]. Понимание – утверждает Х.Г. Гадамер – это процесс слияния горизонтов автора и интерпретатора.

Еще один представитель герменевтики Поль Рикер в своих философских трудах описывал связь бытия, понимания и языка. Он настаивал на отказе от дихотомии «понимание – объяснение», в отличие от традиционных взглядов того времени. Его известная фраза «Expliquer plus, c'est comprendre mieux» [Thomasset 2005] – «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» – отражает мысль о том, что в ходе интерпретации эти два процесса взаимосвязаны и дополняют друг друга. Развивая философскую мысль, П. Рикер формулирует идею о переводе как условии понимания [Рикер 1998]. Н.С. Автономова в своей книге «Познание и перевод» в подтверждение этой гипотезы приводит ставшую крылатой фразу П. Рикера: «Понимать – это и значит переводить» [Автономова 2017: 594].

На современном этапе развития философии проблема понимания остается все так же актуальной и злободневной, издаются монографии, сборники статей и тезисов, посвященные этому вопросу, проводятся круглые столы и конференции. Несмотря на огромное количество научных трудов, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему, природа понимания и механизмы этого процесса остаются для нас загадкой. Далее приведем некоторые выдержки из работ современных философов и мыслителей, представителей отечественной философской науки.

В отечественной философии конца XIX – начала XX в. выделяется работа В.В. Розанова «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» [Розанов 1994], в которой автор разграничивает два понятия – «понимание» и «знание»: «Знание отрывочно, бессвязно, оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скреплённое внутреннею причинною связью» [Розанов 1994: 5]. Стремление задавать вопросы и находить на них ответы автор связывает с процессом понимания: «Понимание цельно: оно понимает отдельное явление в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления, поэтому для знания всё случайно и необъяснимо, для понимания все необходимо и понятно» [Розанов 1994: 12]. Философ особо подчеркивает мысль о том, что понимание нельзя связывать только с аккумуляцией знаний, в по-

нимании участвуют более глубокие механизмы анализа и синтеза: «В развитии знания и понимания лежит резкое и глубокое различие: знание увеличивается через простое механическое прибавление одних знаний к другим, понимание совершенствуется, становясь глубже и полнее <...> Понимание есть стремление понять то, что уже известно, как знание» [Розанов, 1994: 13]. Другой отечественный философ, В.П. Филатов, высказывает мысли, в чем-то тождественные идеям В.В. Розанова, при этом противопоставляя понимание объяснению: «Понимание, уразумение смысла или значения чего-либо; универсальная способность человека, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся представлений; категория эпистемологии и философии науки, обычно противопоставляемая объяснению в контексте различия наук о природе и наук о культуре» [Филатов 2016]. В статье для «Большой российской энциклопедии» ученый приводит краткий обзор различных философских трудов о понимании и подчеркивает, что в русскоязычной картине мира данному термину приписывается два основных смысла:

1. Понимание как знание (*понимание математических действий, понимание физических законов и т.д.*).

2. Понимание как истолкование (интерпретация, оценка) (*понимать англоязычную речь, понимать смысл, понимать толк в, понимать разницу*).

В своей статье «Понимание в герменевтике и за ее пределами» В.П. Филатов выделяет еще один аспект понимания – это понимание как эмпатия [Филатов, 2011] (*отлично понимать друг друга, «Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем» Чехов А. П.*).

В.С. Швырев, изучая понимание в структуре научного познания, говорит о неоднозначности трактовки этого понятия и акцентирует внимание на том, что неверно считать понимание проблемой только гуманитарной области науки. С его слов, понимание занимает весьма значительное место и в анализе естественнонаучного познания и науки в целом. Характеристиками понимания, по В.С. Швыреву, являются не те знания, которыми человек обладает относительно того или иного объекта действительности, но известной работой и возможностями сознания. В продолжение своей мысли философ приводит известное выражение М.М. Бахтина, го-

воря о том, что понимание предполагает «встречу субъектов», являющихся носителями различных позиций сознания [Швырев 1991: 8–24]. А.А. Яковлев, обращаясь к объекту понимания в связи с изучением сознания, использует метафору «след» или «зеркало» и отводит большую роль рефлексии при восприятии и познании действительности [Яковлев, 1991: 53–71].

В.У. Бабушкин разграничивал две модели понимания:

1) рационалистическая модель, построенная на логико-математических законах, лежащих в основе теории мышления. Используется в основном в естествознании;

2) антропологическая модель, в которой понимание действительности напрямую зависит от понимания самой природы человека. В этой модели учитывается вся иерархия разных видов понимания, которые могут накладываться друг на друга и быть взаимообусловленными [Бабушкин 1991: 160–175].

В.А. Лекторский подчеркивает ключевую роль понимания в условиях нестабильности: «Когда понимание срабатывает относительно гладко, его просто не замечают, как не замечают стекла хороших, прозрачных и чистых очков, через которые смотрят на мир. Понимание как важный факт духовной жизни замечается и становится предметом для исследования тогда, когда его автоматизм перестает действовать» [Загадка ... 1991: 5].

Очевидным является факт, что понимание многоаспектно (существует бесчисленное множество разноплановых определений, иногда даже противоречащих друг другу), с трудом поддается формализации и объективному изучению ввиду имплицитного характера процесса.

Итак, понимание как проблема была сформулирована и проанализирована впервые именно в философии. Категория понимания описывалась в трудах практически всех направлений и ветвей философского познания: онтология, гносеология, аксиология, герменевтика; рационализм и эмпиризм, феноменология и экзистенциализм и т.д. Так, А.П. Огурцов пишет, что существуют различные тенденции к трактовкам понимания в истории философии: «...от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление

понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» [Огурцов 2001: 279].

В этом плане можно провести параллель между философскими исследованиями и психологическими направлениями изучения понимания, о которых речь пойдет в следующем параграфе. В психологии термин «понимание» выступает в трех ипостасях: понимание как знание, понимание как интерпретация, понимание как постижение. В.В. Знаков в связи с этим пишет: «Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и традициям исследования психики субъекта – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной» [Знаков 2012: 22]. В философии, как можно было увидеть в вышеприведенных примерах, о проблеме понимания говорится либо в более широком контексте как общечеловеческой онтологической проблеме, либо в более узком – как о сфере герменевтики, и тогда мы говорим, в частности, о понимании текстов.

Несмотря на тот факт, что в обзоре литературы, представленном в этом параграфе, фигурируют имена философов, живших в разные периоды истории в разных точках земного шара и принадлежавших к кардинально отличающимся школам, мы постарались выделить ту «нить», которая объединяет все эти труды – процесс понимания невозможно рассматривать отдельно от человека, воспринимающего и пытающегося как-то истолковать окружающий его мир в разных его проявлениях. Личностная сфера индивида играет важнейшую роль в функционировании механизма понимания. Под воздействием внутреннего мира человека и формируется итоговый результат понимания – смысл.

1.2. Проблема понимания в психологии мышления

Психологические изыскания прочно связаны с философскими подходами, описанными в предыдущем параграфе, и развивались параллельно с ними. Во второй половине XX в. на основе множества разноплановых исследований сформировалось отдельное направление – психология понимания.

Понимание в психологии изначально исследовалось как когнитивный феномен, как познавательная деятельность индивида. В таком ракурсе оно вполне сопоставима с другими мыслительными процессами, такими как объяснение, интерпретация, апперцепция и т.д. Основной целью психологии на первом этапе исследования проблемы было определить, как соотносится понимание с другими психическими процессами – памятью, вниманием, мышлением. Является ли понимание самостоятельным процессом или же это часть какого-то когнитивного явления?

Ответы на эти и другие вопросы пытались найти многие ученые, проводившие исследования в русле психологии. Стоит отметить как представителей зарубежной науки (J. Wallace, J. Bruner, R. Solso, E.L. Thorndyke, W. Damon, D. Hart, C. Saarni, B. Rehbein, G. Saalman, D.E. Rumelhart, J.D. Bransford, N.S. McCarroll), так и выдающихся отечественных ученых (А.А. Брудный, В.П. Зинченко, И.А. Зимняя, Л.П. Добраев, Б.Г. Ананьев), внесших большой вклад в изучение когнитивных процессов в целом и явления понимания в частности.

Здесь уместно обратить внимание на то, что как в зарубежной литературе, так и в отечественной науке понимание в психологии рассматривается либо как когнитивный процесс, либо как результат этого процесса. Теоретической основой этого параграфа послужили работы именно отечественных психологов: Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Лурии, А.А. Смирнова, А.Н. Соколова, Н.И. Жинкина, В.В. Знакова, являющиеся наиболее релевантными для целей нашего исследования.

Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн занимались широким спектром вопросов, но центральное место в их работах занимала проблема «осознания», ученые впервые начали рассматривать феномен «сознания» в процессуальном аспекте.

С.Л. Рубинштейн был основоположником субъектно-деятельностного подхода – одного из двух вариантов деятельностного подхода в отечественной психологической науке. Второй вариант деятельностного подхода имеет в основе культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского. А.Н. Леонтьев, будучи учеником и последователем, развивал его идеи и сформулировал системно-деятельностный подход, лежащий в основе современной российской психолингвистики, в рамках которой мы проводим исследования. Рассмотрим более по-

дробно работы данных ученых и приведем тезисы, которые представляют особую ценность для нашего исследования.

С.Л. Рубинштейн – выдающийся советский ученый, известен своими работами в различных аспектах психологии: теория и методология общей психологии, педагогическая психология, возрастная психология, психология темперамента и эмоций, развитие способностей. Центральное место занимают его исследования природы мышления человека как важнейшей проблемы психологической науки того времени. В фундаментальном труде «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейн уделяет большое внимание процессу восприятия, его природе, а также осмысленности, константности восприятия объективной действительности. В этой же работе автор подчеркивает, что восприятие всегда включается в интеллектуальный контекст, от которого оно и зависит: «По мере того как мы иначе понимаем действительность, мы иначе и воспринимаем её. В зависимости от уровня и содержания наших знаний мы не только по-иному рассуждаем, но и по-иному непосредственно видим мир» [Рубинштейн 2002: 288].

Интерес также представляют тезисы С.Л. Рубинштейна «О понимании» (1955), которые были включены в книгу «Проблемы общей психологии» [Рубинштейн 1973: 236–237], где кратко представлена разработанная автором программа изучения феномена понимания и определены основные вопросы и аспекты исследования. В этих тезисах, занимающих всего две страницы печатного текста, автор затрагивает широкий спектр вопросов: переход от непонимания к пониманию, важность мыслительных операций, таких как анализ и синтез, абстракция и обобщение в этом процессе; рассматривает влияние характера текста на его понимание, особо подчеркивая, что текст не должен рассматриваться только как «вещь в себе», но как условие мыслительной деятельности читателя. В заключение автор ставит вопросы, в какой зависимости находятся и как влияют друг на друга внешние и внутренние связи, другими словами, лингвистические и экстралингвистические факторы. Эту же мысль он озвучивает в другом своем научном труде. В рукописи книги «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн пишет: «Воспринять – значит, по существу, онтологизиро-

ваться, включиться в процесс взаимодействия с существующей реальностью, стать причастным к ней» [Рубинштейн 2003: 305].

С.Л. Рубинштейн определял понимание текстов как мыслительную деятельность, включающую анализ неких объектов в контексте, при этом подчеркивалась важность субъект-объектных, предметных отношений и контекстуальных связей. Концепция понимания, по мнению ученого, заключается в реконструкции (причем сугубо субъективной) предметно-смыслового контекста высказывания в таких видах деятельности, как перевод, интерпретация текста и т.д. Идеи С.Л. Рубинштейна о субъективности понимания, о том, что в процессе понимания элементы текста перестраиваются, образуя новые связи, во многом согласуются с теми теоретическими установками, которые легли в основу нашей работы.

Несмотря на то что сферы интересов у Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна пересекались, в трудах Выготского вопросы психических функций и процессов, в том числе и понимания, описаны немного под другим углом. Одна из глав в работе «Мышление и речь» начинается с эпитафии – строчки из произведения Осипа Мандельштама: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется» [Выготский 1982: 296], таким образом, автор подчеркивает неразрывную связь между речью и мышлением, между мыслью и словом. Еще в 30-е г. XX в. Л.С. Выготский начал заниматься проблемами понимания и непонимания в рамках взаимодействия взрослых и детей. Важнейший момент здесь Л.С. Выготский видел в формировании того, что сейчас называют символически-семиотической функцией психики, той функции, благодаря которой, по словам А.Н. Леонтьева, человек воспринимает мир в особом «квазиизмерении» – смысловом поле, системе значений [Леонтьев 1983: 253].

Для нашего исследования существенную роль играют понятия «интериоризация» и «внутренняя речь» как основополагающие факторы процессов понимания и смыслообразования. Интериоризация, или интернализация (от лат. interior – «внутренний»), – переход извне внутрь, формирование внутреннего мира человека под воздействием объективных и интерсубъективных структур (деятельности, интеракции, социальных норм, образцов поведения, культурных ценностей, традиций,

представлений, умонастроений, стереотипов, верований и т.п.). В психологию понятие интериоризации вошло после исследований представителей французской социологической школы (Э. Дюркгейма и др.), где оно связывалось с понятием социализации. Интериоризация получила принципиальное для психологии значение в культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, одно из основных положений которой состоит в том, что любая человеческая форма психики прежде чем стать полноценным имплицитным мыслительным механизмом индивида проходит первоначальные стадии становления социальных вокализованных форм коммуникации между людьми, постепенного угасания вокализации и перехода их во внутреннюю речь в рамках интрапсихического этапа развития человека.

Интериоризация представляет собой важнейший фактор становления внутренней речи индивида. Л.С. Выготский писал, что мысль не воплощается, а совершается в слове [Выготский 1982]. Им была сформулирована концепция развития «внутренней речи» у детей в соотношении с двумя другими типами речевой деятельности – внешней речью и речью эгоцентрической (о чем также писал Ж. Пиаже). Внешняя речь, или, другими словами, социальная, – это то, чем мы пользуемся в социальных взаимодействиях, выражает самые простые мысли и эмоции. Эгоцентрическая речь – переходный этап от речи внешней к речи внутренней, как бы речь для самого себя, обращенная к самому себе, но проговариваемая вслух, т.е. вокализованная. И, наконец, речь внутренняя – уже интериоризированная внешняя (социальная) речь. Таким образом, схема развития внутренней речи у Выготского представлена следующим образом: *внешняя речь – эгоцентрическая речь – внутренняя речь*.

Следуя Выготскому, необходимо выделить некоторые отличительные черты внутренней речи:

- а) «внутренняя речь есть речь немая, молчаливая» – отсутствие вокализации;
- б) «внутренняя речь есть максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь» (эллипсы, сокращения, предикативность);
- в) семантическая встроенность (т.е. очень сжатые значения слов);
- г) эгоцентризм или очень личные значения слов;

д) преобладание личностного смысла над значением: «Осознание есть общение с собой по поводу внутренней действительности» [Записные книжки... 2017: 412].

Л.С. Выготский приходит к выводу, что понимание чужой мысли возможно лишь тогда, когда мы «вскрываем» ее аффективно-волевою подоплеку. Этой идеей Л.С. Выготский связывает мыслительные процессы с мотивационной сферой личности (интересы, побуждения, аффекты) и волевыми процессами в сознании. Подводя итог, следует еще раз отметить, что важнейшей для нашего исследования является мысль Л.С. Выготского о том, что базисным явлением для протекания мыслительных процессов (в том числе и понимания) является внутренняя речь: «...помогают процессам понимания тем, что при трудном сложном словесном материале внутренняя речь выполняет работу, содействующую лучшему запечатлению и объединению понимаемого... внутренняя речь, которая помогает ощупывать, охватывать, отделять важное от неважного при движении мысли» [Выготский 1982]. Внутренняя речь не похожа по своим фундаментальным характеристикам на речь внешнюю (устную или письменную). Еще в работе от 1934 г. ученый подчеркивал абсолютную сложность изучения такого имплицитно протекающего процесса. Также несомненную важность представляет тезис о том, что внутренняя речь и связанное с ней мышление обусловлены социально-историческими факторами, т.е. способность человека понимать и постигать действительность прямо пропорциональна его жизненному опыту и той среде, в которой он рос и воспитывался.

О тесной связи речи внутренней и внешней и о проблеме понимания и восприятия также писал выдающийся психолог, один из основателей когнитивистики, нейропсихологии, нейролингвистики в нашей стране – А.Р. Лурия, работавший в феврале 1924 г. в одной рабочей группе (которую они называли «Тройка») с Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым в Институте психологии в Москве. «Только после того, как происходит процесс сокращения, свертывания внешней речи и превращения ее во внутреннюю, становится доступным и обратный процесс – развертывание этой внутренней речи во внешнюю, т.е. в связанное речевое высказывание с характерным для него смысловым единством», – отмечает ученый [Лурия 2013: 202].

В последней работе А.Р. Лурии «Язык и сознание» проблеме понимания уделено особое внимание, приводится критический обзор различных подходов к определению механизмов понимания компонентов речевого высказывания, начиная от слов и заканчивая целостным текстом. Понимание рассматривается автором как процесс декодирования поступающей информации, подчеркивается его сложная многоаспектная природа: «Этот процесс начинается с восприятия внешней, развернутой речи, затем переходит в понимание общего значения высказывания, а далее и в понимание подтекста этого высказывания. Анализ процесса понимания речевого сообщения составляет одну из наиболее трудных и, как это ни странно, одну из наименее разработанных глав научной психологии» [Лурия 1979: 320].

Примечательно, что автором понимание (декодирование) рассматривается в двух аспектах, психологическом и нейропсихологическом (мозговая организация процессов декодирования). В психологическом аспекте акт понимания характеризуется попытками расшифровать значение в контексте цельного сообщения и его подтекста. Автор подчеркивает, что без контекста (речевого, ситуационного) понимание и оценка полученной информации невозможны.

Основополагающую роль для процесса понимания, по мнению ученого, играет фаза перехода от внешней структуры текста к внутренней, представленной смыслом или подтекстом: «Мало понять непосредственное значение сообщения. Необходимо выделить тот внутренний смысл, который стоит за этими значениями. Иначе говоря, необходим сложный процесс перехода от текста к подтексту, т.е. к выделению того, в чем именно состоит центральный внутренний смысл сообщения» [Лурия 1979: 156].

Говоря о нейропсихологических основах акта понимания, А.Р. Лурия определяет отделы (зоны) головного мозга, ответственные за этот процесс. Начальный этап понимания – восприятие, вероятно, обусловлен работой задних отделов мозга, так как при их поражении могут возникнуть затруднения в понимании сложных логико-грамматических конструкций. Лобные же структуры мозга позволяют индивиду улавливать замысел и мотив высказывания, основную мысль и тему,

понимать метафоры и аллегории. А.Р. Лурия также высказывает интересную мысль, что процессы порождения речи исследованы в большей степени, чем понимание, соответственно изучение механизмов декодирования речи и постижения глубинных смыслов воспринимаемой информации, несомненно, представляется актуальной задачей.

А.А. Смирнов придерживался междисциплинарного интегративного подхода к изучению когнитивных процессов переработки информации, а именно памяти⁵. В результате эмпирических исследований обосновывается следующий вывод: «Запоминание не есть самодовлеющий процесс, основанный только на мнемической функции самой по себе. Оно связано со всеми сторонами личности человека, со всем строем его психической жизни, со всеми его психологическими качествами, формирующимися под воздействием конкретных условий бытия человека» [Смирнов 1948: 16]. Акцентируя внимание прежде всего на неразрывной взаимосвязи памяти с личностью человека, он пишет: «Не “сознание” познает, не “мышление” мыслит, не “память” запоминает и воспроизводит, а познает, мыслит и запоминает, и воспроизводит всегда только живой, реальный человек, определенная личность». В результате своих исследований А.А. Смирнов заключает, что в процессе запоминания и воспроизведения текстов важнейшую роль играют так называемые опорные пункты, связанные напрямую с механизмами перекодировки, перестройки текста в сознании при восприятии реципиентом.

А.Н. Соколов также приходит к подобному заключению в ходе экспериментов (которые также можно назвать междисциплинарными) по изучению процесса понимания и внутренней речи как основного его фактора. Автор подчеркивает, что психологические исследования были разработаны и проведены на основе нейрофизиологических работ (рефлекторная теория) И.М. Сеченова («Рефлексы головного мозга» – 1863 г., «Элементы мысли» – 1878 г.) и И.П. Павлова. В диссертационной работе «Внутренняя речь и мышление» [Соколов 1968] А.Н. Соколов резюмирует, что в процессе восприятия какой-либо информации и ее переработки

⁵ некоторые эксперименты были проведены совместно с Э.А. Голубевой [Голубева 1980] и Р.С. Трубниковой [Трубникова 1972]

внутренняя речь превращается в очень сокращенный и обобщенный код – язык «семантических комплексов», т.е. редуцированных речевых высказываний, иногда в сочетании с наглядными образами и различными условными знаками. Внутренняя речь, пишет ученый, является «психологической трансформацией внешней, ее “внутренней проекцией”, возникающей вначале как повторение (“эхо”) слышаемой и произносимой речи, а в дальнейшем становящейся все более сокращенным ее воспроизведением в виде речевых планов, схем и смысловых комплексов, действующих наподобие “квантов” мысли» [Соколов 2007].

Ученый приводит примеры психологических работ, в которых гипотеза о «семантических комплексах» подтверждается экспериментально. Например, эксперименты с использованием протокола «думания вслух» (более подробно методика будет описана в главе 3). Следующий пример – выделение смысловых опорных пунктов, представленных «ключевыми словами», во время чтения или восприятия речи на слух. В последующих главах диссертации А.Н. Соколова показывается, что такого рода смысловые опорные пункты являются основными семантическими элементами внутренней речи, выполняющими роль расчленяющего и интегрирующего механизма, посредством которого происходит логическая переработка информации в процессе мышления. В экспериментах А.Н. Соколова действие смысловых опорных пунктов особенно отчетливо наблюдалось в процессе перевода иностранных текстов на родной (русский) язык.

Н.И. Жинкин, также занимавшийся вопросами понимания, утверждал, что понимание может быть достигнуто только при наличии у собеседников чего-то общего. Если язык у людей может быть разным, то действительность, в которой они находятся, – общая. Но стоит упомянуть, что представления как отражения этой действительности у индивидов различны из-за субъективности восприятия окружающего мира, и в полной мере не могут быть переданы партнеру по коммуникации (будь то устной или письменной). Н.И. Жинкин пишет, что, вероятно, существуют некие дискретные элементы содержания представлений, которые с помощью знаковой системы естественного языка могут передаваться партнеру и подвергаться сравнению. В процессе речи человек не только выражает мысли, но и «выдаёт с головой

самого себя, своё отношение к действительности» [Жинкин 1998: 84]. В результате каждым участником коммуникации формируется и усваивается некое общественно-отработанное понятие, играющее здесь роль критерия взаимопонимания. Принципиальную важность имеют тезисы ученого о том, что процесс мышления реализуется на стыке функционирования внешнего (естественного, объективного) языка и внутреннего (субъективного), и что при этом мыслительный процесс – явление общественное, а не индивидуальное, так как мысли вырабатываются только посредством совместной деятельности людей. При этом понимание учёный определяет как перевод с натурального (естественного) языка на внутренний.

Н.И. Жинкин сформулировал теорию об особых кодах как о фундаментальном аспекте функционирования внутренней речи (верификация гипотез Л.С. Выготского (1934) и А.Н. Соколова (1968) о вербальных и невербальных компонентах в «языке» внутренней речи). Базовым компонентом мышления, согласно ученому, является УПК (универсальный предметный код). УПК представлен системой невербальных знаков, отражающих действительность в сознании отдельного индивида: схемы, двигательные импульсы, чувственные (обоняние, осязание) образы. С помощью УПК формируется замысел речи, первичная запись личностного смысла. УПК по своей природе интернационален, что позволяет отметить аспект, особо важный для нашего исследования – именно этот код составляет предпосылку понимания иноязычной речи. Таким образом, Н.И. Жинкин пишет, что «человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковыми свойствами» [Жинкин 1998: 146–162].

Теоретическая ценность вышеупомянутых работ не вызывает сомнений. Особую практическую значимость для верификации нашей гипотезы представляют именно экспериментальные данные, полученные в ходе психологических изысканий Н.И. Жинкиным, А.А. Смирновым, А.Н. Соколовым.

Итак, теоретический анализ литературы по данной проблеме позволяет заключить, что понимание является частью мышления, из чего следует, что изучение этого процесса невозможно без обращения к когнитивным структурам человеческого мозга и сознания.

Понимание, являясь компонентом мышления, имеет некоторые отличительные черты. К примеру, основная функция мышления заключается в получении новых знаний о мире и использовании этих знаний для ориентировки и адаптации к новым ситуациям. В отличие от мышления, понимание не ограничивается получением новой информации, наоборот, функция понимания состоит в том, чтобы породить смысл того, что мы уже знаем или только что узнали. Таким образом, ученые сходятся во мнении, что фундаментом понимания является знание, но не всякое знание ведет к пониманию. Одной из основных задач психологии является определение тех механизмов, которые сопровождают процесс понимания и факторов, которые влияют на него.

Обращаясь к более современным источникам, мы видим, что проблема восприятия, понимания, осознания, осмысления человеком окружающей его действительности в различных ее проявлениях – актах коммуникации, вербальных и знаковых текстах – не теряет актуальности. Наоборот, она расширяет свой методологический аппарат и исследовательские перспективы уже в междисциплинарных изысканиях.

В.В. Знаков в своей монографии «Психология понимания: Проблемы и перспективы» (2005) дает подробный анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данной тематике и подчеркивает, что существует не менее семи направлений изучения проблемы понимания (непосредственно психологический, методологический, логический, семантический, когнитивный, лингвистический, коммуникативный), в каждом из которых понимание рассматривается под совершенно разным углом [Знаков 2005].

Обратим внимание на когнитивный подход, в котором, как подчеркивает автор, основой исследований является установление связей между тем, что понимается, т.е. объектом (традиционно объект изучения представлен текстом на естественном языке), и знаниями, которыми обладает субъект и которые он привлекает для понимания ситуации и дальнейшей ее интерпретации. Многие относительно современные исследования процесса понимания в русле психологии акцентируют внимание на попытку формализации тех структур знаний, которые привле-

каются субъектом при чтении текста: в разных источниках они имеют различные наименования: макроструктуры, фреймы, скрипты, схемы, концепты и т.д. Правильность понимания определяется возможностью (умением) извлечь из памяти нужный фрейм и соотнести его с входным сообщением.

Анализ множества определений процесса понимания позволяет заключить, что понимание как психологический феномен возможно описывать, опираясь на два важнейших аспекта: 1) понимание всегда подразумевает более широкий контекст, чем тот, который содержится в самом воспринимаемом информационном сообщении; 2) истинное понимание возможно лишь тогда, когда воспринимаемая информация соотносится с личностной сферой реципиента, его ценностными установками, знаниями, представлениями о мире.

Отмечая фундаментальную сложность проблемы понимания, В.П. Зинченко пишет, что «легче разгадать понимаемое, чем понимание» [Зинченко 2002: 98]. Еще большую трудность для исследования этой проблемы представляет тот факт, что понимание является неотъемлемым компонентом другого неразгаданного феномена – сознания. Е.А. Сорокоумова [Сорокоумова 2022] подчеркивает важность изучения проблемы сознания на современном этапе, опираясь не только на «когнитивно-логические представления, но и рассматривая социально-установочные, эмоционально-образные, рефлексивно-личностные, а также принципиально неререфлексируемые компоненты в совокупности» [Акопов 2002]. Такое недизъюнктивное (термин А.В. Брушлинского) единство разных составляющих психики неизбежно сказывается на интерпретации содержания феномена понимания [Брушлинский 1979,1996].

Таким образом, согласимся с мнением Н.С. Автономовой, которая подчеркивает, что в XX в. проблема понимания становится наиболее актуальной, привлекая к себе внимание философской герменевтики и психологии. Именно на этом этапе начинается переход «понимания» из разряда философских и психологических категорий в лингвистическую: «... дальнейшего движения и развертывания герменевтической проблематики в культуре – движения, приведшего к более тесному сближению Философии понимания и Философии языка» [Автономова 2017: 581].

1.3. Проблема понимания в лингвистике и психолингвистике: попытки моделирования процесса

В XX в. понимание стало объектом психолого-философского анализа. Вслед за философами и психологами вышеуказанной проблемой, ввиду ее неоспоримой связи с языком, занялись лингвисты, а позднее и психолингвисты. В этом параграфе будут представлены основные теоретические и экспериментальные работы отечественных и зарубежных ученых, в которых процесс понимания исследуется в более узком аспекте (понимание текста) и предпринимаются попытки его моделирования и формализации.

Исследования механизмов понимания текста в русле психолингвистики в нашей стране основаны на фундаментальных концепциях отечественных ученых Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Н.И. Жинкина и на многочисленных экспериментальных данных, полученных и обобщенных в работах А.Н. Соколова, А.А. Смирнова, речь о которых шла в предыдущем параграфе.

Итак, интерес к проблеме понимания в лингвистике прослеживается с самых ранних работ в этой области. Основные принципы понимания/непонимания были сформулированы еще В. Гумбольдтом, интерпретатором которого в отечественной лингвистике стал А.А. Потебня. В. фон Гумбольдт утверждал, что «никто не понимает слов в точности как другой <...> Всякое понимание поэтому есть непонимание» [Гумбольдт 1984: 84]. А.А. Потебня в своих трудах также подчеркивал сложность процесса понимания: «Когда я говорю, а меня понимают, то я не перекладываю целиком мысли из своей головы в другую <...> при понимании мысль говорящего не передается, но слушающий, понимая, создает свою мысль...» [Потебня 1973: 252].

Во второй половине XX в. предпринимаются многочисленные попытки моделирования процесса понимания и определения его закономерностей, в том числе связанные с развитием искусственного интеллекта и систем автоматизированного распознавания речи. Согласно Л.Г. Васильеву [Васильев 1999], процесс понимания рассматривается и моделируется в свете трех групп теорий: объектные, субъект-объектные и субъектные.

В объектных теориях понимание считается объектом исследования, основным инструментом которого является структурно-семантический анализ. Проблема понимания в подобных теориях приобретает онтологический статус. Субъект-объектные теории изучают механизмы психических процессов при создании языкового знака и его анализе. Исследование проводится посредством прагмалингвистического описания в совокупности с синтактико-семантическим анализом. Субъектные теории во главу угла ставят оценку реципиентом результатов понимания (при помощи обратной связи в диалоге или рефлексии в монологе). В абсолютном большинстве этих теорий объектом описания является текст. Создание на естественном языке текста, очевидно, подчинено семиологическим⁶ законам, поэтому важнейшей задачей является не просто попытаться определить этапы и уровни процесса понимания, а проанализировать, какие конкретно операции осуществляются реципиентом.

Перейдем к рассмотрению наиболее релевантных для нашего исследования моделей понимания. В зарубежной науке в настоящее время доминирует динамический подход к моделированию понимания письменного текста, в рамках которого считается, что первоначальная широкая активизация лексических и грамматических концептов сопровождается когнитивной обработкой и извлечением релевантных значений из различных структур знаний в долговременной памяти. Общеизвестной считается конструктивно-интегративная теория, предложенная В. Кинчем и Т.А. ван Дейком. В своей работе «Стратегии понимания связного текста» они отмечают, что восприятие и понимание происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов. Если человек понимает то или иное событие, значит он «использует и конструирует информацию о взаимосвязях между событиями и ситуациями. Таким образом, понимающий располагает тремя видами данных, а именно: информацией о самих событиях, информацией о ситуациях или контексте и информацией о когнитивных пресуппозициях» [Dijk, Kintch 1983].

⁶ Согласно А.А. Уфимцевой, при семиологическом принципе язык рассматривается не только в тесной связи с мышлением, но и в его отношении к объективной действительности – материальной действительности, человеку и его идеальному миру.

Таким образом, авторы предложили процессно-ориентированную модель понимания, основанную на стратегическом подходе. Результат концептуального моделирования ситуации в значительной степени определяется экстралингвистическим опытом и направленностью личности читателя, т.е. его интересами, потребностями, склонностями, мотивами, идеалами, убеждениями, мировоззрением.

Конструктивно-интегративная теория лежит в основе большинства моделей понимания текста, которые либо уточняют содержание тройственной модели, либо фокусируются на одном или нескольких из рассмотренных выше уровней. Например, F. Schmalhofer, M.A. McDaniel и D. Keefe в своей модели придерживаются этой теории, но ситуационную модель считают не расширением текстовой базы, а самостоятельной ментальной репрезентацией, которая формируется в виде скрипта [Schmalhofer 2002].

В синтагматическо-парадигматической модели на вербальном уровне основное внимание уделяется не лексическим, а синтаксически репрезентируемым концептам и, соответственно, роли порядка слов в предложении и синтаксических структур в понимании читателем текста [Dennis, Harrington 2002].

В ландшафтной модели рассматриваются семантический и вербальный уровни, исследуются закономерности построения формально-композиционного образа текста, но не объясняется, каким образом читающий интегрирует знания из индивидуальной когнитивной базы для построения ситуационной модели [Broek 1994]. В некоторых моделях, например, M.C. Langston и T. Trabasso [Langston 1999] или S.L. Frank, M. Koppen, L.G.M. Noordman и W. Vonk [Modeling ... 2003], исследуется только уровень ситуационной модели, где единицей репрезентации становятся не пропозиции, а концептуальные аспекты ситуации, в частности, события текста, объединенные каузальными связями.

По словам Т.В. Ахутиной, исследования, проведенные за рубежом, доказывают, что процесс понимания завершается выстраиванием модели ситуации [Van Dijk, Kintsch 1983; Weaver et al. 1995; Zwaan, Radvansky 1998; Schnotz, Banner 2003], ментальной модели [Johnson-Laird 1983] содержания текста [Российская психолингвистика... 2021: 430]. Т.В. Ахутина подчеркивает сходство механизмов

внутренней речи и алгоритма создания модели ситуации. По мере восприятия текста в долговременной памяти реципиента активируются ассоциативные связи, т.е. происходит актуализация выводного знания [Johnson-Laird, Byrne 1991; Graesser et al. 1994; Kintsch 1998; Zwaan, Madden 2005]. Личный опыт и оценка реципиентом осмысливаемой им информации актуализируется в сформированном целостном гештальте модели ситуации [Bartlett 1932; Kneepkens, Zwaan 1994; Zwaan 2016]. Ряд ученых придерживается гипотезы о «воплощенном познании», где понимание описывается в терминах мультимодального моделирования. Другими словами, при восприятии информации реципиентом активизируются мозговые структуры, отвечающие за перцепцию, моторику и эмоционально-волевую сферу личности [Barsalou 2003, 2008; Zwaan, Madden 2005; Meteyard 2012; Kurby, Zacks 2013; Chow et al. 2014, 2015; Zwaan 2016]. Было показано, что «прошлый опыт понимающего в отношении сцен и действий, описываемых в текстах, избирательно модулирует функциональные связи между низшими и высшими отделами областей, отвечающих за зрительные или моторные процессы» [Российская психолингвистика 2021: 430]. При чтении художественных текстов одни читатели предпочитают «зеркалить» действия персонажей, их моторные и зрительные корковые отделы максимально вовлечены в процесс, другие – представлять переживания героев, в этом случае активируется система представления эмоций [Nijhof 2015].

Эти положения не противоречат выдвигаемым в отечественной лингвистике и психолингвистике гипотезам, в которых понимание текста обозначается термином «смысловое восприятие». Т.В. Ахутина также подчеркивает, что «в XXI веке стала отчетливо видна тенденция к сближению когнитивной науки и подходов в отечественной психологии, таких как культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности. Это происходит в связи с тем, что обычная для когнитивной науки метафора познания как переработки информации техническим устройством все более уступает место пониманию того, что мыслит, воспринимает, запоминает, обращает внимание и принимает решения не система переработки информации, а человек как часть природы, социума и культуры» [Российская психолингвистика 2021: 426].

В модели, описанной И.М. Кобозевой в работе «Лингвистическая семантика», сравниваются две категории – значение и смысл – и выдвигается гипотеза о том, что процесс понимания имеет иерархическую структуру, например, понимание смысла текста основывается на понимании отдельных предложений, входящих в его состав. В свою очередь, понимание предложения опирается на значения слов, составляющих его. В случае «незнания» слова, человек «предполагает» его значение, опираясь на знакомые морфемы [Кобозева 2000].

Согласно концепции, предложенной Н.Д. Арутюновой, понимание предвзвешивает процесс коммуникации. Человек в силу своего жизненного опыта знаком с общими значениями слов, в конкретной же речевой ситуации для адекватного понимания требуется корректировка значения языковых выражений в зависимости от контекста и ситуации их употребления. В результате этого и возникает смысл сообщения [Арутюнова 1999].

В монографии Н.А. Шехтмана «Понимание речевого произведения и гипертекст» дается описание механизмов понимания и интерпретации текстов в трех его аспектах: 1) с точки зрения замысла автора; 2) с позиции читателя и его возможности или невозможности декодировать смысл, вложенный автором в текст; 3) со стороны роли гипертекста в этом процессе. Все закономерности понимания рассматриваются в системе «автор – текст – читатель». Подчеркивается главенствующая роль экстралингвистических факторов (мировоззренческие, культурологические предпосылки) при восприятии информации. Под пониманием автор подразумевает «приписывание смысла» тексту [Шехтман 2005].

Л.П. Доблаев [Доблаев 1982] предполагает, что при восприятии текста реципиент выделяет смысловые опорные пункты. Более глубокое понимание, осмысление текста предполагает мысленное составление плана, соотнесение содержания текста и своих знаний, антиципация и включение содержания текста в свою личностную сферу. Качество понимания при этом оценивается с помощью следующих процедур: перефразирование текста, пересказ своими словами, формулировка смысла и основной идеи текста.

Сложность понимания текстов по причине «полифоничности и многоаспектности» их содержания подчеркивал М.М. Бахтин. В любом тексте заключен целый мир, который осмысливается каждым реципиентом по-своему, в зависимости от того, с какой целью и с какой установкой он воспринимает речевое сообщение. В этой связи М. М. Бахтин подчеркивал, что «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер» [Бахтин 1979: 246]. Соответственно, понимание текста по концепции М.М. Бахтина представлено несколькими этапами, включающими узнавание текста и активное диалогическое его понимание (спор/согласие), в результате чего и формируется смысл прочитанного [Бахтин 1979].

Г.И. Богин предлагает типологию понимания текстов, разделяя понимание на три условных уровня: семантизирующее, когнитивное и распредмечивающее. Предложенная типология соответствует современным представлениям логики о движении от значения к смыслу. В семантизирующем понимании значение и смысл совпадают, в когнитивном и распредмечивающем смыслы формируются. Смысл возникает либо как отражение ситуаций объективной реальности (в когнитивном понимании), либо как отражение ситуаций, связанных с субъективными реальностями (реальностями сознания, чувствования, воли и т.п. – в распредмечивающем понимании). Особое значение для нашего исследования приобретают два характера протекания процесса понимания, согласно Г.И. Богину, спонтанное и рефлексивное. Схватывание лишь поверхностного смысла характерно для спонтанного понимания. Рефлексивное понимание предполагает извлечение более глубокого смысла из текста. Многочисленные смыслы восстанавливаются и/или создаются в процессе понимания [Богин 2001].

Идеи Г.И. Богина тождественны гипотезе советского философа А.А. Брудного, занимавшегося психолингвистикой и посвятившего большинство своих трудов пониманию. Он также различал три поля понимания, в рамках которых реализуются три способа понимать, и описывал этот процесс как «... индивидуальную реализацию познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя,

тексты культуры <...> Результат понимания – отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюраленно, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности» [Брудный 2005: 20].

Ю.А. Сорокин подчёркивал, что проблема понимания текста выходит далеко за пределы предметной области лингвистики: «Рубеж, разделяющий лингвистический и психолингвистический подход к анализу текста, – это понимание текста» [Сорокин 1985: 5]. На современном этапе пониманию текста посвящены работы ученых – представителей практически всех отечественных психолингвистических школ.

Исчерпывающий обзор теоретических и экспериментальных исследований порождения и восприятия текста в русле психолингвистики содержится в коллективной монографии под научной редакцией И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, Е.Ю. Мягковой «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)». К примеру, Т.Е. Петрова [Петрова 2021: 86–87] пишет про становление Петербургской психолингвистической школы (в рамках которой получили развитие идеи Л.В. Сахарного и А.С. Штерн). Проблема понимания текста освещается в работах ученых Петербургского направления многогранно: исследуется восприятие и понимание поликодовых текстов, сочетающих в себе вербальные и невербальные компоненты; описывается «формализованная процедура анализа текстов, позволяющая в явном виде представить основные правила работы центростремительного механизма при осознании текста читающим, определить уровень успешности обработки и понимания того или иного текста» [Петрова 2021а: 515] и т.д. Согласно результатам исследований, понимание текста зависит от фактора автора текста, типа читателя (его возраста, уровня владения языком, на котором написан стимульный текст, навыков чтения) и типа текста [Коновалова и др. 2021; Petrova, Dobrego 2016; Черниговская и др. 2018]. Работы Е.В. Грудевой (Череповец) и её учеников связаны с изучением восприятия письменных текстов разного типа, а также исследованием вторичных текстов (пересказов, изложений, ключевых слов) [Грудева 2020].

А.А. Залевская в своей монографии «Текст и его понимание» разграничивает актуальные подходы к пониманию текста: «1) логико-лингвистический подход (понимание как аргументативный анализ); 2) системно-семиотический подход (понимание как перевод); 3) герменевтический подход (понимание как пробуждение рефлексии); 4) когнитивный подход (понимание как построение ментальной модели); 5) подход с позиций психопозитики (понимание как выявление личностного смысла); 6) психолингвистический подход (понимание как построение проекции текста)» [Залевская 2007: 398]. Говоря о трудах А.А. Залевской в сфере изучения понимания, необходимо обратить внимание на разработанную ею интегративную спиралевидную модель данного процесса: «...реализация различных функций слова в тексте представлена в виде двунаправленной спирали, “раскручивающейся” от “тела текста” <...> вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида (языкового и неязыкового; осознаваемого и неосознаваемого; перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) и в “проекцию текста”, которая формируется, дополняется, пересматривается при взаимодействии множества факторов» [Залевская 1999: 246].

В нашем исследовании также реализуется психолингвистический подход к изучению понимания, рассматривающий этот процесс как построение проекции текста. Рассмотрим это понятие более подробно.

Метафора «читательской проекции текста» впервые прозвучала в 20-е гг. XX в. в трудах Н.А. Рубакина, создателя библиопсихологии (науки о восприятии текста). Ученый оперирует понятием «мнематическая энграмма» (с древнегреческого можно перевести буквально как «вписанное/вписанность в память») – предрасположенность человека. Одна из основных его гипотез состоит в том, что любое понимание – это лишь проекция наших предрасположенностей на существующую действительность: «Подобно тому, что изображение, отбрасываемое из проекционного прибора на белый экран, покрывает его фигурами и красками, каких на самом экране нет, так и построенная нами проекция покрывает собою реальность, мешая видеть ее. И мы реальности действительно не видим, принимая нашу проекцию за таковую. Для нас эта наша проекция есть реальность <...> Мы знаем не книги, и не чужие речи, и не их содержания – мы знаем наши собственные проекции их, и только то со-

держание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор или оратор. Своё мы принимаем за чужое» [Рубакин 2006: 106]. Идея Н.А. Рубакина о проекции нашла продолжение в трудах многих выдающихся ученых, работавших в русле психолингвистики.

Проекцией текста Ю.А. Сорокин называет «совокупность психических и когнитивных образов», «набор когнитивом и эмоциею», детерминирующих процесс смыслового восприятия [Сорокин 1985]. В свою очередь А.А. Залевская во «Введении в психолингвистику» дает проекции текста следующее определение: «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность / целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Залевская 2007: 409].

Образ содержания текста А.А. Леонтьева также фактически можно соотнести с понятием «проекция текста». Основываясь на определении понимания как «отражения отражения» (М.М. Бахтин), А.А. Леонтьев пишет, что любое понимание – это процесс перевода смысла текста в принципиально иную форму выражения (реферат, аннотация, перевод, резюме, набор ключевых слов). Автор вводит термин «образ содержания текста», ссылаясь на него не в смысле конечного результата понимания, а в плане самого процесса с содержательной его стороны. Образ содержания текста обладает свойствами динамичности, предметности, процессуальности и зависит от энциклопедических знаний человека, его личностного эмоционально-оценочного отношения к воспринимаемому [Леонтьев 1997].

Н.В. Рафикова (Мохамед) вводит термин «базовая проекция текста», под которой понимается совокупность опорных смысловых пунктов, формирующихся в сознании реципиента в результате компрессии/сжатия текста при восприятии [Рафикова 1999].

Исходя из приведенных выше взглядов на природу понимания, можно сделать вывод, что, несмотря на многочисленные различия в трактовках «понимания» в лингвистике, философии и психолингвистике, категория смысла является основополагающей при описании механизмов и закономерностей этого процесса.

А.И. Новиков, чья теория смысла является основой нашего исследования, как и вышеуказанные авторы, использовал метафору «проекции», рассматривая проблему понимания текста. А.И. Новиков полагал, что понимание – это «сложный интеллектуальный процесс, который не заканчивается на уровне “переработки” текста. Он продолжается дальше на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного текста, возбуждая различные связи и отношения, “обращается” дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера» [Новиков 2007: 33]. Другими словами, о понимании следует говорить как о таком процессе, где «совершается переход от языковых структур к когнитивным» [Новиков 2007: 23].

А.И. Новиков предполагал, что объектом восприятия является прежде всего содержание текста, при этом его внутренняя структура играет роль инструмента, который позволяет это содержание осмысливать. Здесь Новиков делает важную поправку, касающуюся целостности как фундаментального свойства текста. Автор считает, что не сам текст обладает целостностью, а его смысл, формирующийся в сознании реципиента в процессе понимания в виде каких-то базисных структур, своего рода гештальтов. А.И. Новиков подчеркивает, что «понимание базируется на смысле, который выступает и как результат данного процесса, и как основное средство его реализации» [Новиков 2007: 23].

Среди исследований последнего времени, затрагивающих так или иначе проблему понимания/непонимания текстов, их интерпретацию и анализ, необходимо выделить работы А.В. Кравченко, А.Г. Сониной, М.И. Киосе, К.И. Белоусова. Так, А.В. Кравченко [Кравченко 2016] в своих трудах обозначает основную проблему исследования понимания. Она заключается в том, что понимание пытаются изучать посредством чувственного восприятия и определить через другие «неизвестные» (на данный момент нет четкой научной дефиниции терминов, напрямую связанных с пониманием – «мышление», «сознание», «знания», «понятие»). А.Г. Сонин занимается моделированием механизмов понимания поликодовых текстов [Сонин 2006] и анализирует их в соответствии с различными аспектами, среди которых социальная, психологическая и культурная дистанция. В работах

М.И. Киосе разрабатывается методика исследования интерпретации текста и изображения [Киосе 2021], анализируется терминологический кластер «понимание» в отечественных и зарубежных глоссариях и коллективных монографиях, описываются проведенные эксперименты, изучающие проблему с точки зрения понимания как интерпретации/конструирования событий и понимания как распознавания/идентификации с использованием полимодального метода анализа. К.И. Белоусов [Белоусов 2017] исследует стратегии структурирования тематического пространства текста в кластеры экспериментальным путем, создает программы для автоматизированного сбора и анализа реакций, что вносит неоспоримый вклад в изучение механизмов порождения и понимания текста.

Кроме областей лингвистики и психолингвистики, проблема понимания является краеугольным камнем теории перевода, где понимание, интерпретация и передача смысла играют роль фундамента всего процесса. Дихотомия «понимание – перевод» детально рассматривалась множеством отечественных теоретиков перевода. Перевод как деятельность по порождению смыслов описана в трудах И.Э. Ключанова, А.Н. Крюкова, Н.М. Нестеровой, В.А. Нуриева и др. Герменевтическая модель перевода, разработанная А.Н. Крюковым [Крюков 1988], провозглашает понимание основным постулатом или законом этого процесса. Переводческая деятельность начинается с понимания и завершается им же, однако автор выделяет еще и «повторное понимание», т.е. некое толкование смысла текста сквозь призму языковой картины мира иноязычного читателя, уже с учётом новых ролевых и социально-психологических установок, управляющих конкретно-языковой реализацией высказывания.

Н.М. Нестерова также рассматривает роль понимания при переводе, при этом она отмечает, что, поскольку смысл всегда субъективен, смысловая идентичность оригинала и перевода практически недостижима [Нестерова 2005, 2006, 2009]. Обзор и анализ работ ученых позволяет сделать вывод о многоэтапном и многоступенчатом характере процесса понимания, в котором смысл является конечной целью.

Восприятие – понимание – осмысление текста

Понимание с точки зрения психолингвистики всегда рассматривается в совокупности с восприятием и смыслообразованием, а также во взаимосвязи с другими мыслительными процессами и личностью человека. Проблема, действительно, содержит в себе много аспектов, которые в нашей работе было решено заключить в один емкий термин «понимание».

В 1976 г. в научный обиход был введен термин «смысловое восприятие», демонстрирующий многогранность и сложность данного механизма мыслительной деятельности. И.А. Зимняя определяет смысловое восприятие как сложный вид познавательной деятельности и выделяет определенные закономерности и этапы (частично параллельные) протекания данного процесса, сочетающего в себе восприятие и понимание. Осмысление – «процесс раскрытия и установления связей и отношений, что, в свою очередь, имеет результативную сторону, которая может быть положительной или отрицательной» [Зимняя 1976: 6].

В основе смыслового восприятия выделяются два уровня – сенсорный, или физиологический, и перцептивный, или психологический. Наше исследование, в первую очередь, затрагивает уровень перцепции, где происходит узнавание слов, синтез фраз, поиск смысла и переход к мысли. И детерминирующим фактором здесь будет являться именно смысл. По мнению А.Р. Лурии, любые модели восприятия в виде логических последовательностей («восприятие слова – восприятие фразы (предложения или текста) – выделение общего смысла») не должны приниматься за этапы реального мыслительного процесса. Любое восприятие начинается с поиска общей мысли. Иногда понимание даже отдельного слова следует за восприятием целого смыслового отрезка [Лурия 1979]⁷. Поэтому, опираясь на работы И.А. Зимней, мы придерживаемся гипотезы, что смысловое восприятие возможно только с появлением предложения как минимальной единицы речевого обобщения.

Процесс восприятия текста и отдельного высказывания имеют аналогичные закономерности (в обоих случаях включаются и активно используются механизмы вероятностного прогнозирования, пресуппозиции и апперцепции).

⁷ Ср. с герменевтическим кругом.

Отличительной чертой восприятия развернутого речевого высказывания, согласно В.П. Глухову, является то, что общая картина понимания в сознании складывается как бы из отдельных «кирпичиков», т.е. цельный текст в сознании человека разбивается на отрезки, последовательно сменяющие друг друга и обладающие некой смысловой завершенностью. Такие смысловые блоки многократно (по мере чтения и восприятия) сопоставляются друг с другом, что ведет к постоянной их перестройке в сознании реципиента. Читатель, погружаясь в анализ подтекста, активно исследует общую идею или смысл текста [Глухов 2023]. Решающую роль при этом играют характеристики эмоционально-волевой сферы личности: настроение, амбиции, мотивы, желания, знания. Таким образом, при анализе продуктов вторичной речевой деятельности необходимо идентифицировать аспекты, соответствующие данной в тексте предметной ситуации и личную (творческую) интерпретацию.

Как уже отмечалось, при понимании текста реципиент выполняет операции анализа и синтеза, объединяя отдельные фразы в единое смысловое целое, восприятие при этом является пошаговым, что позволяет последовательно обработать всю поступающую информацию и интегрировать ее в смысл текста. Для иллюстрации этой гипотезы можно привести пример из статьи Н.И. Жинкина (1956):

- «1. *Черные живые глаза пристально смотрели на нее.*
- 2. *Казалось, сейчас разомкнутся губы и с них слетит веселая шутка, уже играющая на открытом и приветливом лице.*
- 3. *Кто автор этой замечательной картины?*
- 4. *Прикрепленная к позолоченной раме табличка свидетельствовала, что портрет Чингиннато Баруцци написан Карлом Брюлловым»* [цит. по Глухову 2023: 160].

Н.И. Жинкин подмечает, что в данном тексте, первые три предложения практически невозможно связать по смыслу, в силу присутствия «смысловых скважин». И только предложение № 4 содержит ту информацию, которая позволяет нам получить целостное представление о происходящем. Если же реципиенту представить предложение № 4 отдельно, смыслообразование также будет за-

труднено. Ученый подчеркивает, что при одномоментном прочтении всего текста он кажется достаточно простым и понятным, в силу наличия внутренней целостности. Согласно теории построения текста Н.И. Жинкина, «текстовый смысл – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» [Жинкин 1982: 58]. Как Н.И. Жинкин, так и А.И. Новиков подчеркивали роль компрессии (смыслового сжатия) при понимании: «Во внутренней речи текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в лексическом интервале полученного высказывания» [Жинкин 1982: 84].

Е.Ф. Тарасов описывает смысловое восприятие речевого сообщения как процесс многоуровневый, включающий в себя операции сокращения и обобщения (стягивания) содержания в некие концепты, но также вовлекающий и механизмы расширения этого содержания за счет извлекаемой из памяти информации [Тарасов 1987]. В этой связи А.И. Новиков отмечает, что «глубокое и полное понимание, которое, конечно же, в значительной степени базируется на знании, всё же выходит за его рамки, поднимается над ним и представляет собой, возможно, особый вид знания, своего рода “знание о знании”» [Новиков 2001: 156].

Выводы по главе 1

Проведенный анализ теоретических источников по проблеме понимания позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Проблема понимания имеет междисциплинарный характер и должна исследоваться посредством объединения методологических аппаратов различных наук. Теоретический анализ трудов по обозначенной проблеме показывает, что не существует единого общенаучного определения термина «понимание», как и нет единого мнения среди исследователей по поводу механизмов и закономерностей

этого процесса. В философии понимание определяется как важнейшая онтологическая проблема либо рассматривается как предмет герменевтических изысканий. В психологии феномен понимания неразрывно связан с другими мыслительными процессами и с сознанием человека в целом. Ученые, изучавшие понимание в рамках психологии и нейропсихологии, подчеркивают, что понимание всегда сопровождается некой перекодировкой, компрессией, переходом на «язык внутренней речи». В лингвистике предпринимаются попытки формализации этого явления и создания различных моделей, репрезентирующих механизмы этого процесса в совокупности с факторами, влияющими на него.

2. Изучение понимания в современной науке представлено несколькими направлениями. Так, исследуется понимание в целом (философия и психология) и понимание текста в частности (лингвистика, психолингвистика, теория перевода). Традиционным в лингвистике является изучение свойств текста (связности, целостности, компрессивности) и их связи с процессом понимания. Представляется, что необходимо найти такой подход к изучению проблемы, который позволит абстрагироваться от самого текста как языковой единицы высшего порядка и сделать акцент на личности, его воспринимающей. При изучении понимания должен учитываться тот факт, что это когнитивный процесс, его исследование невозможно без учета особенностей мыслительного процесса, без обращения к сознанию человека как индивида и как члена какого-либо коллектива, общества. Проблема понимания не должна изучаться отдельно от личности с ее жизненным опытом и мировоззрением. Успешность восприятия зависит от интеллекта воспринимающего, от сложности и усвоенности языковых средств, от «затекстных» или фоновых знаний, приобретенных с жизненным опытом.

3. Проведенный обзор литературных источников по проблеме понимания текста позволяет нам условно разграничить три этапа этого процесса:

- 1) восприятие языковых единиц текста;
- 2) понимание фразовых единств, синтагм, предложений;
- 3) уяснение смысла всего текста.

Задача по исследованию данного процесса подразумевает нахождение способа замедлить его протекание и отследить важнейшие механизмы и характеристики на каждом этапе. Смысл представляется центральным звеном – важнейшей целью и детерминантой понимания. Именно поэтому в следующей главе нами рассматриваются теоретические и практические (экспериментальные) подходы к определению категории «смысла» как явления, подверженного социальным (коллективным) факторам среды и аспектам субъективного мира определенного индивида.

ГЛАВА 2. ПОНИМАНИЕ И СМЫСЛ КАК ЕГО РЕЗУЛЬТАТ

2.1. Смысл как научное понятие. Подходы к его определению

Анализ научных работ позволил нам заключить если не о комплементарности понятий «понимание» и «смысл», то об их непосредственной взаимосвязи. Многие исследователи действительно подчеркивают, что заключительным итогом, «продуктом» процесса понимания должен стать выход на уровень смысла. Также в некоторых работах высказывается мысль о том, что смысл может быть, как сугубо субъективным явлением (термин «личностный смысл»), так и может быть обусловлен особенностями исторической эпохи и культурно-общественной составляющей того или иного периода времени. Ниже рассмотрим точки зрения выдающихся ученых, работавших над проблемой определения смысла, и более подробно остановимся на теории смысла, разработку которой начал, но так и не успел завершить А.И. Новиков.

А.И. Новиков, один из выдающихся отечественных психолингвистов, долгое время занимавшийся изучением смысла, в том числе механизмов смыслообразования в процессе восприятия текста экспериментальным путем, описал ряд противоречий и трудностей, связанных с исследованием этого объекта.

1. Первая трудность изучения этого явления возникает из-за широкого контекста употребления этого слова.

Существует огромное разнообразие устойчивых выражений как в русском, так и в других языках, отражающих совершенно разные грани употребления этого слова: *смысл прочитанного, смысл текста, смысл жизни, в этом нет никакого смысла, как подсказывает здравый смысл, глубокий смысл, передавать смысл* и т.д. В английском: *common sense, sense of beauty, to make sense, to have good/bad/no sense, to come to one's senses* etc. В немецком – *der sechste Sinn, die Sinne schärfen, seiner (fünf) Sinne nicht mächtig sein, mein Sinn steht danach, die Sinne vergehen [schwinden] mir, éines [gléichen] Sinnes sein, das ist [liegt] (nicht ganz) nach méinem Sinn, im wéiteren [éngeren] Sinne* und so weiter.

В.Л. Чечулин [Чечулин 2011], рассматривая этимологию слова «смысл» в русском и некоторых европейских языках, приводит интересные примеры. Подра-

зумеваются, что в русском языке этимология термина связана со словом «мысль»: «с-мысл», «с мыслью» (вспомним однокоренные слова: замысел, умысел). Автор разворачивает логическую цепочку в ходе своих размышлений и приходит к следующему выводу. Термин «смысл» в русском языке из-за особенностей состава слова («смы-сл» – предлог «с», местоимение «мы», глагол «сл» – «с тем, что мы шлём») подразумевает собой некую личностную категорию, т.е. смысл – то, что мы транслируем этому миру.

Автор также обращается к латинскому и греческому языкам. В латинском «смысл» – *senetia* восходит к *sentio* – «восприятие или чувство». Греческое *διανοια* переводится как «смысл» (*δια* – предлог, «через», *νοια* от *νοος* – «ум», «разум»), т.е. этимологически греческое слово *διανοια* («смысл») обозначает «то, что через разум» (связь с когнитивной сферой человека).

Что касается английского языка, для обозначения слова «смысл» используются *meaning* (англосакс. *mænan* – передавать значение, намереваться) и *sense* (лат. *sensus* – чувствовать). Многозначное слово *sense* имеет следующие переводы на русский язык – «чувство», «рассудок», «суть дела», «смысл», «здравый смысл» (обусловленность деятельностью и ситуацией).

Словари и энциклопедические справочники также не дают однозначного и четкого определения понятия «смысл». Наиболее общий признак, который можно выделить в результате анализа различных дефиниций, – это соотнесенность смысла с ментальной сферой индивида, с его сознанием. К примеру, в толковом словаре Ожегова дается следующее определение: «СМЫСЛ, смысл, -а, м. 1. Содержание, сущность, суть, значение чего-н. 2. Цель, разумное основание чего-н. 3. В некоторых сочетаниях: разум, разумность» [Ожегов 2000].

Большой энциклопедический словарь предлагает толкование: «СМЫСЛ – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни, смысл истории и т.д.); целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения (например, смысл художественного произведения и т.п.); в логике, в ряде случаев в языкознании – то же, что значение» [БЭС 2000].

В английском Oxford Online Dictionary: «Sense 1) sense (of something) an understanding about something; an ability to judge something; 2) knowledge of what is sensible or practical behavior; 3) the meaning that a word or phrase has; a way of understanding something; 4) a normal state of mind; the ability to think clearly» [Oxford Learners Dictionary 2023].

В немецком Duden: «Sinn 1) Fähigkeit der Wahrnehmung und Empfindung (die in den Sinnesorganen ihren Sitz hat); 2) Gefühl, Verständnis für etwas; innere Beziehung zu etwas; 3) jemandes Gedanken, Denken oder Sinnesart, Denkungsart; 4) gedanklicher Gehalt, Bedeutung; Sinngehalt; 5) Ziel und Zweck, Wert, der einer Sache innewohnt» [Duden 2023].

Очевидно, что в разных языках «смысл» – понятие многозначное, но в целом контекст употребления этого слова совпадает и в русском, и в английском, и в немецком. Соответственно, смысл с точки зрения этимологии и словарных дефиниций в разных языках связывается с какими-то ценностными установками, личностной сферой индивида и его мыслительными процессами, наряду с физическим ощущением (восприятием) мира и уяснением сути какого-либо дела.

Таким образом, в связи со сложностью определения и исследования столь абстрактного понятия следует изначально обозначить границы описываемого нами объекта. В нашей работе мы говорим о смысле как конечном результате понимания в процессе чтения текста.

2. Вторая трудность в изучении данного вопроса заключается в наличии экстралингвистического фактора, т.е. проблему смысла невозможно рассматривать только в узком, специально-лингвистическом или философском аспекте. При изучении этого феномена необходима синергия различных наук о человеке, т.е. междисциплинарность, о чем пишет Р.И. Павиленис [Павиленис 1983].

В своей книге «Проблема смысла» ученый проводит многоаспектный анализ, рассматривая одноименную проблему в свете следующих составляющих ее компонентов: логический и онтологический статус категории «смысл», соотношение языка и реальности, категорий осмысленного и бессмысленного и т.д. Автор вводит понятие «концептуальных систем носителей языка», тем самым посту-

лируя невозможность изучения явлений языка, мыслительных процессов и процесса порождения смысла вне человека с его индивидуальным и социальным опытом, системой знаний об окружающем его мире и его отношении (мнения, оценки) к объективной действительности. Р.И. Павиленис говорит о континуальности и динамичности процесса смыслообразования. Проблему извлечения смысла автор предлагает решать, начиная с вопроса, какими знаниями обладает человек в момент восприятия информации. То, какой смысл припишет читатель данным в тексте словам, выражениям, предложениям и какие семантические связи установит между ними, зависит прежде всего от того, доступен или недоступен этот мир, это новое знание для его понимания [Павиленис 1983].

Еще ранее к проблеме смысла как экстралингвистической категории обратилась Н.А. Слюсарева в работе «Смысл как экстралингвистическое явление» [Слюсарева 1963]. Особое значение имеют идеи автора о том, что смысл, вне всякого сомнения, связан с мыслительной деятельностью и может быть выражен не только средствами языка, но и невербальными способами (мимика, жесты, взгляд, поза), а также посредством произведений искусства. Автор подчеркивает, что смысл необходимо рассматривать как некое явление объективной действительности, которое как бы находит отражение в нашем сознании.

К такому пониманию смысла близок и Н.И. Жинкин: «Смысл – это то, что отражает наличную действительность» [Жинкин 1982: 131]. Логичным представляется утверждение, что смысл невозможно изучать, не затрагивая личностную сферу индивида, сформированную в условиях того или иного культурного социума.

3. Третья трудность в изучении этого явления обоснована его характеристиками, которые практически невозможно определить и сформулировать объективно и четко.

В подтверждение вышесказанного хотелось бы привести небольшой текст американского психолога М. Б. Крилмена, который в своей книге «The Experimental Investigation of Meaning» (Экспериментальное исследование смысла) приводит цитату Ф.Г. Олпорта о смысле, который всегда «ускользает», словно Золушка: «Meaning <...> has long been a stepchild in psychology. Or perhaps it is like Cinderella,

a ragged waif compelled by those who are ignorant of its identity to carry the burden of their theories without recognition until such time as it can be touched by an understanding that will reveal its true nature and illuminate the systems it has been compelled to serve» [Creelman 1966]. Автор обозначает, что смысл непосредственно ненаблюдаем, субъективен, изменчив и соответственно не подлежит какой-либо формализации. Раскрытие его истинной природы и сути возможно только через изучение соотношения смысла с пониманием.

Смысл и критерии его определения

Несмотря на специфический характер явления, учеными были предприняты многочисленные попытки описания его признаков. Не вдаваясь в подробности, уточним, что смысл традиционно (как и понимание) рассматривается в рамках гуманитарных наук, таких как философия, психология, лингвистика. Таким образом, ученые той или иной области знания, работавшие над проблемой определения смысла, выделяют его характеристики в зависимости от той теоретической и методологической базы, которой они придерживаются.

В философии можно выделить несколько подходов к определению смысла: аналитическая философия, феноменология и экзистенциализм. В аналитической философии предпринимались попытки исключения понятия «смысл» из научной сферы вследствие невозможности его формализации с помощью логико-математических методов [Mill 1868, Фреге 1987]. В данном подходе подчеркивалось, что язык и слова, в частности, нужны лишь для обозначения реальных объектов действительности, не для идей нашего сознания. В феноменологической и экзистенциальной традиции проблема смысла занимала центральное место. Наиболее важную роль здесь играет личность, «осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор» [Новиков 2007: 27]. Для представителей этих направлений [Гуссерль 1991, Дильтей 2001, Мерло-Понти 1999, Хайдеггер 1993, Шпет 2005, Ясперс 1991] смысл направлен как на познание внешней реальности, так и на познание внутреннего мира индивида. Генератором смыслов является сознание человека.

В психологии наиболее глубокий и всесторонний анализ трудов по вопросам определения смысла содержится в работе Д.А. Леонтьева, где также делается попытка (с учетом всех рассмотренных теорий) определения наиболее общих инвариантных характеристик смысла. «Психология смысла» – монография, в которой рассматривается природа, строение и динамика смысловой реальности [Леонтьев 2007]. Автор за завесой множества разнообразных концепций «смысла» смог разглядеть некую систему закономерностей и механизмов функционирования этого явления. Начинается монография с цитаты А.Н. Леонтьева: «Проблема смысла <...> – это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии» [Леонтьев 2007: 3]. Именно А.Н. Леонтьев и вводит понятие «личностный смысл» в терминологический аппарат отечественной психологии в 40-е гг. прошлого столетия. Автор также подчеркивает (здесь мы можем провести аналогию с категорией «понимания»), что смысл, будучи изначально проблемой философии и различных наук о языке, приобрел статус объекта изучения в психологии относительно недавно.

Д.А. Леонтьев описывает термин «смысл» в нескольких контекстах: онтологическом, феноменологическом и деятельностном аспектах, которые коррелируют с теми словарными дефинициями, которые мы приводили выше. Онтологическая грань смысла – это смысл в контексте жизненных отношений, говоря простыми словами, жизненный смысл. Весьма метафорично об этом говорил М.М. Бахтин: «Человек окружен миром, своей комнатой, квартирой, природой, пейзажем, – он живет внутри мира и в нем действует; вокруг него плотные и теплые массы мира; он внутри внешнего мира, а не на границах его» [Бахтин 1996: 74]. Феноменологический аспект описывает явление смысла и его соотнесенность с сознанием в структуре личности (личностный смысл): «Мы понимаем психические взаимосвязи изнутри, как нечто значащее, как некоторый смысл; и мы объясняем их извне, как регулярные или существенно важные параллелизмы или последовательности» [Ясперс 1997: 546]. Вместе с тем смысл не является сущностной характеристикой самих психических феноменов как таковых; напротив, он «вкладывается в них индивидом, обуславливается его осознанными намерениями, реа-

лизуется им самим» [Ясперс 1997: 337]. И последний аспект посвящен включению смысла в структуру деятельности и, как следствие, зависимости смысла от мотивов человека, другими словами, смысл – это «след деятельности».

Стоит обозначить, что данные три аспекта или грани относятся в первую очередь к описанию смысла как явления индивидуального. Автор подчеркивает, что не стоит забывать и о внеличных и межличностных (межиндивидуальных) смыслах, и посвящает этому пятую главу своей работы. Термин, который нас здесь интересует в большей степени, к которому мы впоследствии еще будем обращаться, – коллективная ментальность. Под коллективной ментальностью понимаются некоторые «психологические структуры, процессы и формы активности, носителем и субъектом которых выступает не индивид, а группа, уподобляемая единому организму и рассматриваемая – метафорически или нет – как единый субъект» [Леонтьев 2007: 370]. Отсюда следует, что смысл может зародиться не только в сознании отдельно взятого индивида, но и быть общим для какого-либо коллектива.

Полемику вызывает вопрос о первичности или вторичности коллективных смыслов [Франкл 1990, Shotter 1989, Harri Augstein 1978, Thomas 1978]. Обусловлен ли смысл социальным характером, т.е. совокупностью черт, присущих определенной группе людей, объединенных по этническому, религиозному, профессиональному и другим признакам? Или коллективная смысловая реальность вторична по отношению к индивидуальным смыслам и представляет собой продукт диалога и взаимодействия индивидуальных смысловых миров?

М.М. Бахтин в этой связи отмечает: «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным произведением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом. Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социально напряженной жизнью» [Бахтин 1975: 106]. Эти контексты определяют различную семантику одних и тех же слов в разных социумах: «Объем общей для индивидов, пересекающейся части “смыслового узора” (термин С.М. Морозова) одного и того же понятия или текста будет различным в зависимости от степени общности их принадлежности к одним и тем же

социальным группам – начиная от их государственной, национальной, классовой, половой и возрастной принадлежности и кончая принадлежностью к конкретным коллективам» [Леонтьев 2007: 380–381]. Здесь можно говорить уже об объектно-субъектном характере смысла и его деятельностной природе.

Итак, Д.А. Леонтьев, проанализировав огромное количество работ, обобщил представленные в них дефиниции и характеристики смысла, разработанные в русле разных теоретических подходов и проблемных контекстов, и представил их в виде единой системы. Говоря о характеристиках смысла, в первую очередь выделяют интенциональность (некое предназначение, целевую направленность) и контекстуальность (связь с более широким контекстом). Далее перечислим другие не менее важные положения, сформулированные Д.А. Леонтьевым:

1. Смысл связан со значимостью (ценностью того или иного объекта или явления для индивида) и индивидуальной неповторимостью.
2. Смысл зависит от когнитивной сферы индивида и особенностей процесса переработки информации.
3. Смысл обусловлен уникальным опытом и биографией индивида.
4. Порождение смысла носит активный (со стороны субъекта) характер.
5. Смысл социально и культурно детерминирован.
6. Смысл изменчив в зависимости от ситуации и от актуального состояния (психического, физического) субъекта.

Опираясь на представленные данные, мы можем говорить о смысле как явлении индивидуальном и одновременно коллективном – обусловленном тем социумом, в котором существует человек. Об этом говорил В. Франкл [Франкл 1990], отмечая, что смысл ситуации обнаруживается в процессе диалога человека с этой ситуацией или с другим человеком. Замечание про диалогичность как характеристику процесса смыслообразования является также значимым для нашего исследования.

Аналогичные идеи встречаются и в других работах, к примеру, Ф. Феникс также подчеркивает социальную природу смыслов. Смысловые структуры он определяет как совместный способ понимания. Автор акцентирует внимание (как и В. Франкл) на том, что любой человек стремится найти смысл, расширить и углубить его [Phenix 1964: 344].

М.М. Бахтин отмечает, что «не может быть “смысла в себе” – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [Бахтин 1979: 350]. Далее он пишет, что «актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» [Бахтин 1979: 350]. И более категорично заявляет: «смыслами я называю ответы на вопросы; то, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла...» [Бахтин 1979: 350].

Следующая грань смысла представлена в свете лингвистических исследований. Стоит отметить, что большинство работ, направленных на изучение смысла в языкознании, пытаются раскрыть суть дихотомии «значение – смысл» и в качестве объекта исследования берут слово или предложение. На уровне текста исследователи уже говорят не о значении и смысле, а о содержании и смысле. Изучению корреляции этих понятий посвящены многочисленные работы [Апухтин 1977, Бондарко 1978, Брудный 1986, Богин 1994, Гальперин 1981, Кобозева 1994, Сулейманова 1989, Новиков 1983 и др.].

Коммуникативный и когнитивный подходы подразумевают, что смысл представлен неким ментальным образованием, сформированным в результате понимания текста как конечный продукт этого процесса. Большую роль при этом, как доказывают многие работы, играет функциональный стиль и тип текста. В зависимости от жанровой принадлежности текстов выделяют различные виды смысла, среди которых можно обозначить «образный» и «идейный», «глубинный» и «поверхностный», «предметный», «речевой», «личностный», и др.

В фундаментальном труде под авторством Э.Д. Сулеймановой «Понятие смысла в современной лингвистике» (1989) также предпринимается попытка дать характеристику этому сложному явлению. Автор придерживается идеи, что смысл формируется в процессе сложного взаимодействия когнитивных механизмов и коммуникативной деятельности, поэтому предполагается, что смысл можно определить как некий итог или результат креативного (созидательного) процесса, осуществляющегося во время акта коммуникации. При этом признаками смысла служат: недоступность эмпирическому наблюдению; инвариантность, проявляю-

щаяся в возможности перефразирования и иносказания; актуальность; субъективность и ситуативность; имплицитность (в некоторых случаях); концептуальность в рамках индивидуальной и общечеловеческой систем; включенность в единую (общечеловеческую) систему знаний (картину мира) и возможность существования над языками [Сулейманова 1989].

В статье «Переход смыслов в значения» Г.И. Богин также описывает ситуационный характер смысла, его обусловленность контекстом, принадлежность к речевой деятельности, первичность по отношению к значению. По мнению исследователя, смысл есть инобытие понимания [Богин 1994].

Чисто лингвистический подход в явном или неявном виде базируется на представлении о том, что смысл необходимо «вычислять», «вычленять», «извлекать» непосредственно из самого текста. Интерес здесь представляет работа Б.В. Апухтина, который, анализируя смысловую структуру текста, делает попытку формализации процесса смыслообразования в результате понимания текста и предполагает, что смысл детерминируется механизмом внутреннего программирования, и даже выводит некоторые формулы, объясняющие закономерности этого процесса [Апухтин 1977].

Подводя итог вышесказанному, отметим общие характеристики смысла, описанные в лингвистических исследованиях – вариативность и инвариантность, ситуативная обусловленность, универсальность. А.И. Новиков подчеркивает: «Все эти характеристики выводятся из ситуаций как внутриязыковых, так и межъязыковых синонимических преобразований, перефразирований, различного рода трансформаций. Но все это является лишь способами обнаружения факта существования смысла, фиксации момента перехода на смысловой код, но не касается непосредственно самого смысла, его субстанции» [Новиков 1999а: 80].

А.И. Новиков все последние годы своей жизни посвятил поискам возможностей раскрыть феномен смысла и его формирования в процессе восприятия текста. Так, появляется целая серия его работ: «Текст: содержание и смысл» (1998/2000а), «Текст, смысл и проблемная ситуация» (1999), «Смысл как особый способ членения мира в сознании» (2000), «Доминантность и транспозиция в про-

цессе осмысления текста» (2002) и, наконец, последняя монография «Текст и его смысловые доминанты», которую, к сожалению, автор не успел завершить. Однако в 2007 г. она была выпущена благодаря его ученикам и коллегам.

В своих размышлениях относительно большого разброса мнений о том, что такое смысл и как его можно определить, ученый пришел к выводу, что такая ситуация обусловлена тем, что различные исследователи рассматривают разные грани этого явления: одни изучают субстанциональный фундамент смысла, другие – способы его программирования при порождении текстов, третьи – закономерности декодирования при восприятии: «Это означает, что необходимо предпринять усилия, чтобы четко осознать эти разные “лики” смысла, развести их между собой с тем, чтобы подобрать адекватные методы исследования для каждого из них» [Новиков 2007: 53]. Именно поэтому А.И. Новиков попытался проанализировать, выявить и систематизировать противоречия, имеющиеся в описании признаков смысла. Эти противоречивые суждения о смысле он представил как дихотомии в одной из первых работ, посвященных смыслу «Смысл: семь дихотомических признаков» (1999). Им были выделены следующие дихотомии (оппозиции):

1. Смысл является результатом понимания / Смысл играет роль фактора, влияющего на процесс понимания. Как смысл как некое целое может влиять на процесс восприятия информации?

2. Смысл характеризуется неоднородностью, непостоянством, синкретичностью / Переход на смысловой уровень восприятия позволяет достичь наиболее глубокого и точного понимания. Как мы можем говорить о точном понимании чего-либо, если смысл в принципе не бывает фиксированным?

3. Смысл контекстно и ситуативно обусловлен и субъективен / Смысл инвариантен. Как может сочетаться вариативность и инвариантность?

4. Смысл уже заложен в тексте и извлекается из текста в процессе понимания / Смысла в тексте нет, он приписывается тексту читателем. Как оценивать эти два процесса: как взаимоисключающие или взаимодополняющие?

5. Смыслообразование (как приписывание) – процесс актуализации из памяти готовых «шаблонов», соответствующих тому или иному тексту / Смыслообразование (как улавливание смысла) как процесс имеет творческий характер.

6. Смысл неразрывно связан с сознанием человека / Смысл невозможно полностью осознать. Где локализуется смысл: в сознании или подсознании индивида?

7. Смысл – результат понимания / Смысл – инструмент понимания. Это один и тот же смысл, или речь идет о каких-то разных видах смысла?

Данные семь дихотомических признаков, очевидно, не являются исчерпывающими и сформулированы с высоким уровнем абстрактности, но они позволяют сделать выводы о наиболее актуальных вопросах в теории смысла и дальнейших перспективах исследования этой проблемы. Автор не забывает подчеркнуть важность разработки новой программы исследований на основе поставленных вопросов, которая была бы направлена на изучение смысла как целостного явления и на определение общих характеристик данного понятия в обход любых «междисциплинарных перегородок».

В заключение статьи «Смысл: семь дихотомических признаков» А.И. Новиков высказывает идею, которая и стала центральной для всего нашего исследования. Ученый предположил, что «интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том понимании, которое вкладывал в него известный физиолог А. А. Ухтомский» [Новиков 1999а: 82].

Делается поправка на то, что при изучении смыслообразования следует говорить именно о принципе доминантности как некоем краеугольном камне этого процесса.

2.2. Доминантность – интегративный принцип функционирования смысла: теория А.А. Ухтомского

Представленный выше анализ работ свидетельствует о том, что невозможно исследовать природу смысла в отрыве от сферы сознания человека. Многие ученые соглашались с идеей, что механизмы смысла в какой-то степени коррелируют с организацией когнитивной и эмоциональной сферы индивида. При этом, многие тру-

ды, посвященные проблеме определения смысла, были написаны на основе анализа речевой и текстовой деятельности индивида (порождения/восприятия текста), что позволяет сделать вывод о том, что язык является неким инструментом, позволяющим этот смысл эксплицировать (вербализовать) и изучать уже более детально.

В.В. Налимов предлагает проводить исследование природы смыслов в динамике: «Смыслы – это то, из чего создаются тексты с помощью языка. Тексты – это то, что создано из смыслов с помощью языка. Язык – это средство, с помощью которого из смыслов рождаются тексты. Триада становится синонимом сознания» [Налимов 1995: 122]. В нашем исследовании мы пытались учесть совокупность этих факторов, и взглянуть на проблему в более широкой перспективе.

Как отмечалось выше, А.И. Новиков выдвинул гипотезу о том, что изучение смысла может быть рассмотрено сквозь призму учения А.А. Ухтомского. Представим в этом параграфе научный вклад этого выдающегося отечественного физиолога и проанализируем, как его идеи могут соотноситься с механизмом протекания мыслительных процессов индивида.

В одном из интервью Т.В. Черниговская отметила, что, несмотря на то, что в XX в. всемирную известность за свои открытия в области физиологии получил академик Павлов, XXI в., без сомнения, будет ознаменован «триумфом» учения А.А. Ухтомского. Подобные мысли ранее высказаны и В.П. Зинченко: «Общепризнанно, что учение И.П. Павлова определяло развитие психологии в первой половине XX века. Оно определило ее естественнонаучную, материалистическую и детерминистическую парадигму <...> Мне кажется, что психологию XXI века в большей степени будет определять учение А.А. Ухтомского, на основе которого уже создается подлинная психологическая физиология» [Зинченко 2005].

В настоящее время к теории Ухтомского приковано внимание не только специалистов-физиологов, но и ученых гуманитарной области. Для нашей работы особый интерес представляют идеи ученого о «доминанте», «интегральном образе» и «двойнике». Ниже кратко рассмотрим основные положения его теории.

Как известно, центральным понятием теории А.А. Ухтомского является доминанта. Этот термин используется в совершенно различных сферах: архитекту-

ре, музыке, литературе, медицине, психологии, кибернетике В физиологии доминанта – универсальный общебиологический принцип, объясняющий мотивы поведения и деятельности всех живых организмов. Впервые основные тезисы, касающиеся функционирования очага доминанты, были изложены автором в статье «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» в «Русском физиологическом журнале» (1923 г.).

А.А. Ухтомский утверждает, что доминанты определяют всю деятельность человека и животных, а также восприятие ими окружающей среды. Показательным является его сравнение мозговых структур высших животных с «органом со множеством переменных, чрезвычайно длинных щупалец, из которых выставляется вперед, для предвкушения событий, то одно, то другое; и “опыт” животного во внешней среде изменяется в зависимости от того, какими щупальцами оно пользуется, т.е. как дифференциально и как далеко оно предвкушает и проектирует свою среду в данный момент. Это удивительный аппарат, представляющий собой множество переменных, калейдоскопически сменяющихся органов предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды, и есть головной мозг. Процесс же смены действующих органов достигается посредством образования доминанты и торможения прочего мозгового поля» [Ухтомский 2022: 39]. Ученый определял «доминанту» как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский 2022: 32].

Несмотря на то что гипотеза об «очаге доминанты» впервые была сформулирована ученым на основании результатов эксперимента, направленного на изучение физиологических механизмов низшего порядка, А.А. Ухтомский развил ее в настоящее философское обоснование работы мозга и сознания человека. На низшем уровне очаг доминанты определяет удовлетворение простейших физиологических потребностей: жажда, голод, сон. В «высших этажах» центральной нервной системы принцип доминанты является основой внимания и предметного мышления, о чем в свое время также писали Г. Эбингауз и В. Вундт. Интересен тот факт,

что на примере концентрации внимания можно увидеть четкий пример того, как действует механизм суммирования или «стягивания» всех раздражителей к доминантному очагу возбуждения: не слишком сильные раздражители (посторонние) при сосредоточенном внимании только способствуют еще большей концентрации. А.А. Ухтомский иллюстрирует этот факт примером рассуждений Иммануила Канта на эту тему: «Изменчивые, подвижные фигуры, которые сами по себе, собственно, не имеют никакого значения, могут приковывать к себе внимание; так, мелькание огонька в камине или капризные струйки и накипь пены в ручейке, катящемся по камням, занимают воображение целыми рядами представлений <...> и погружают зрителя в задумчивость. Даже музыка того, кто слушает ее не как знаток, например, поэта, философа, может привести в такое настроение, в котором каждый, соответственно своим целям или своим склонностям, сосредоточенно ловит свои мысли и часто овладевает ими и создает такие мысли, которых он никогда так удачно не уловил бы, если бы он одиноко сидел в своей комнате...» [Ухтомский 2022: 40].

Очень важным представляется замечание ученого о том, что доминанта не абстрактное «неподвижное» образование, а след в цепочке нейронных связей, который может изменяться в зависимости от приобретенных знаний, развития мировоззрения, пережитого опыта, но также доминанта обладает и инертностью, или, другими словами, «склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние поводы к реакции ушли» [Ухтомский 2022: 43]. «Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, и воспроизвожу мои доминанты, насколько узнаю соответствующие предметы среды» [Ухтомский 2022: 42]. Простейшим примером вышеописанного может послужить способность музыки, ароматов, вкусовых ощущений воспроизводить в сознании конкретного человека точные воспоминания тех или иных событий, о чем более подробно говорится в нашей статье [Нестерова, Котельникова, Поздеева 2017].

Благодаря французскому писателю Марселю Прусту и его роману «В поисках утраченного времени» в стиле «потока сознания» мы имеем возможность проиллюстрировать вышеописанное свойство доминантного очага. Феномен времени – тот вопрос, который неизменно волновал писателя (ср. Ухтомский и его

«хронотоп»). Время для него было неуловимой, «утраченной», «ускользающей» субстанцией. Пруст считал, что для того, чтобы повернуть время вспять, «поймать» воспоминания, необходим какой-то «триггер» – пусковой механизм, например, «инсайты», вызванные порой незначительными деталями.

В его романе мать угощает героя французским печеньем «Мадлен» (*Petites Madeleines*) и липовым чаем, возрождая в нем ощущения беззаботного детства: «В то самое мгновение, когда глоток чая с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнул, поражённый необыкновенностью происходящего во мне. Сладостное ощущение широкой волной разлилось по мне, казалось, без всякой причины. Оно тотчас же наполнило меня равнодушием к превратностям жизни, сделало безобидными её невзгоды, призрачной её скоротечность, вроде того, как это делает любовь, наполняя меня некоей драгоценной сущностью: или, вернее, сущность эта была не во мне, она была мною. Я перестал чувствовать себя посредственным, случайным, смертным. Откуда могла прийти ко мне эта могучая радость? Я чувствовал, что она была связана со вкусом чая и пирожного, но она безмерно превосходила его, она должна была быть иной природы. Откуда же приходила она? Что она означала? Где схватить её? <...> Ясно, что истина, которую я ищу, не в нём, но во мне» [Пруст 2004: 61].

Описанный Прустом эпизод «возрождения в памяти моментов детства как наяву» можно сопоставить со словами А.А. Ухтомского о свойствах доминантного очага: «Доминанта оставляет за собою в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след» [Ухтомский 2022: 13]. Соответственно, состояние нервного центра определяет все реакции на поступающие стимулы, и при этом это состояние несет в себе «отпечатки» прошлых реакций и стимулов, другими словами, отображает жизненный опыт человека (идея сопоставима с современной концепцией о нейронных связях, сетях, группах). Итак, в организме накапливается опыт в виде следов когда-то пережитых доминант. Эти следы при наличии определенных условий и стимулов имеют свойство возрождаться оживляться либо, напротив, ослабевать, находиться в спящем режиме [Ухтомский 2022: 15]. Таким образом, основные свойства доминантного очага, установленные

А.А. Ухтомским, повышенная возбудимость, инерция во времени и, самое главное, способность суммировать внешние раздражители, «самоподпитываться ими», т.е. доминантный очаг способен аккумулировать волны возбуждения из разных источников.

Доминанта переживаемого момента в силу своей инертности, считал физиолог, может служить как источником «предубеждения», «навязчивых образов», «галлюцинаций»; так и «маховым колесом», «руководящей идеей», «основной гипотезой для ученого», избавляя его мысль «от толчков и пестроты» и содействуя «сцеплению фактов в единый опыт» [Ухтомский 2022: 49]. В этой связи очаг доминанты может считаться предтечей «озарения» (инсайт, «Аha-момент», «Эврика!»). Таким образом, доминанта придает направленность поведению и познанию. А поскольку направленность – одно из главных свойств внимания, то связь доминанты и внимания становится еще более очевидной, что позволяет по работе доминанты судить и о механизме самого процесса восприятия. Впрочем, подобное «отслеживание» возможно и в обратном направлении – от внимания к доминанте. Подобный подход обретает значение при оценке психофизиологического аспекта восприятия.

Говоря о роли доминанты в нашем поведении и восприятии мира, Ухтомский, в частности, подчеркивал: «Нам кажется, что мы принимаем решение и действуем на основании того, как представляем себе положение вещей в мире, а фактически мы и существующее положение вещей в мире видим сквозь призму наших доминант <...> мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему подготовлены наши доминанты» [Ухтомский 2022: 39].

Здесь уместно вспомнить идеи В.В. Налимова [Налимов 1989] о «смысловом континууме», формирующем окружающий мир, в котором человек и его личность играют роль своего рода «фильтра», пропуская через себя лишь небольшую часть информации. Аналогичное мнение высказывает М.М. Бахтин: «Каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять знакомую форму, слышимую и видимую нами <...> Без такого

временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление» [Бахтин 1975: 406].

С доминантой связана и другая гипотеза известного физиолога – концепция интегрального образа. Согласно этой концепции, опыт человека, его мировосприятие формируется не из отдельных ощущений, а из сложных интегральных образов, которые, в свою очередь, представляют собой продукт прожитых доминант. А.А. Ухтомский, развивая эту идею, вводит понятие «хронотоп» ($\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ – время, и $\tau\omicron\lambda\omicron\varsigma$ – место): пространственные и временные образы воспринимаются как единое целое, благодаря ситуативной доминанте осмысленного восприятия. Хронотоп – это внешняя объективная форма действия доминанты: «Предрешенное прежними событиями, но требующее созревания и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех выявиться – вот хронотоп и в бытии и доминанта в нас» [Ухтомский 1997: 8].

В связи с этим революционными и намного опережающими свое время кажутся идеи А.А. Ухтомского о науке как особо подверженной доминантным тенденциям сфере. Казалось бы, любой исследователь старается избегать субъективности в своих изысканиях, получая лишь точные результаты и подвергая их объективному анализу. В действительности, при смене доминанты или парадигмы, высока вероятность переосмысления общепринятых законов геометрии, механики и физики. А.А. Ухтомский говорит об этом как о «переинтеграции опыта»: «Старая доминанта возобновляется или для того, чтобы при новых данных обойтись при помощи старого опыта, или для того, чтобы по новым данным переинтегрировать старый опыт» [Ухтомский 2022: 62]. Им приводятся примеры фундаментальных основ механики и геометрии, которые в свое время были полностью «низвержены» такими гениями науки, как Н.И. Лобачевский, К.Ф. Гаусс, Г. Минковский, А. Эйнштейн. Действительно, сейчас мы непосредственно наблюдаем эту тенденцию с развитием теорий квантовых миров в рамках квантовой физики и механики. Мировоззрение (сюда включается, по всей видимости, и научная сфера), согласно А.А. Ухтомскому, всегда отражает суть человека или общества, которому оно присуще, «точно так же как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник» [Ухтомский 2022: 63].

В чем смысл жизни человека, и как действуют законы межличностного общения и взаимодействия? Ответы на эти вопросы ученый сформулировал при помощи дихотомии «Двойник» – «Заслуженный собеседник». Наименование «Двойник» позаимствовано А.А. Ухтомским у Ф.М. Достоевского и обозначается автором как психофизиологически обоснованное суждение человека о мире с точки зрения своих доминант, видение мира сквозь призму индивидуальных потребностей и мотивов поведения: «Наши доминанты, наше поведение стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью <...> Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т.е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны» [Ухтомский 2022: 397]. Те, с кем мы общаемся – не собеседники, но наши собственные двойники: «Человек видит в мире и в людях predetermined своею деятельностью, т. е. так или иначе самого себя!» [Ухтомский 1996: 250]. Только освобождаясь от Двойника (от своих доминант), человек находит путь к Заслуженному собеседнику. Собеседник для Ухтомского – это вынесенная вовне главная цель бытия: жизнь ради счастья другого человека.

Сегодня многие теоретические предвидения А.А. Ухтомского находят свое экспериментальное обоснование в разных областях науки.

Нейрофизиологические обоснования теории доминанты Ухтомского

Теория А.А. Ухтомского имеет косвенное подтверждение в трудах ученых того времени. Сам автор считает, что доминанта может играть роль ключа для объяснения функционала «временных связей» в механизме высших кортикальных рефлексов, открытом И.П. Павловым. Принцип доминанты ассоциируется у него с идеями, высказанными З. Фрейдом, В.М. Бехтеревым, с трудами У. Джеймса и У. Мак-Дугалла. Работа А.А. Ухтомского об устройстве нервных центров опережала свое время, сегодня мы видим, что она коррелирует со многими современными теориями о функционировании когнитивной сферы человека и его сознания. Ниже приведем некоторые из них.

1. Доминанта как «очаг возбуждения» созвучна с определением «ограды» Ф. Крика и К. Коха в их нейробиологической теории сознания, в которой решающую роль в функционировании сознания играют нейронные корреляты. Подобные группы нейронов, объединенные по нейроанатомическим признакам, обеспечивают направленность внимания, что в конечном итоге обеспечивает единство и целостность человеческого сознания. Именно «ограда» (подкорковая структура), согласно гипотезе исследователей, несет в себе функцию «центра управления» вниманием, она находится во взаимодействии с моторными и сенсорными участками коры головного мозга, а также с миндалевидным телом, которое играет ключевую роль в формировании эмоций. Ф. Крик приводит метафору оркестра и дирижера: весь мозг – это оркестр, а ограда выполняет функцию дирижера, который координирует работу всех музыкантов [Crick, Koch 2003].

2. А.А. Ухтомский связывает доминанту с механизмом внимания, так же как Б.Дж. Баарс определяет селективное внимание как основу сознания и обосновывает теорию глобального рабочего пространства (ТПГ – GWT – global workspace theory). Сознание по этой теории представляет собой некую систему сбора и обработки информации. Б.Дж. Баарс вводит метафоры «театра», «авансцены» и «зрительного зала», «прожектора», «декораторов» в целях разъяснения сознательных и бессознательных функций нашего головного мозга. Ученый описывает два типа архитектур (processing architectures): модульная (обработка сенсорных сигналов) и центральная (более сложные мыслительные операции). Освещенная авансцена – метафора селективного внимания, под луч «прожектора» попадает только победивший «актер», тот модуль, который несет наиболее релевантную на момент информацию (сигнал). Б.Дж. Баарс считает, что селективное внимание – это шлюз в сознание [Baars 1997].

3. А.А. Ухтомский приводит метафору волн возбуждения в нервных центрах, и С. Деан описывает в своей теории нейронального глобального рабочего пространства (НГП) волны и «лаvinу» сознания. NGW-теория (neural global workspace), выдвинутая группой французских нейробиологов – Станисласом Деаном, Лионелем Наккаше и Жан-Пьером Шанже [Dehaene 2015], описывает идею нейронального

глобального рабочего пространства, в основе которого лежат связи кортикальных нейронов. Гипотеза заключается в том, что активность подобных нейронов (в определенных слоях кортекса, например, префронтальной коре) обеспечивает функционирование сознания. Система НГП анатомически четко не определена, потому что в разное время в рабочее пространство мобилизуются разные группы нейронов (очаги).

4. Доминанта А.А. Ухтомского отождествляется с теорией функциональных систем П.К. Анохина. Системный подход, предложенный ученым, расширяет наше понимание о механизмах работы человеческого сознания. В его теории деятельность человека рассматривается как функциональная система, где ключевым моментом является способность ее элементов к саморегуляции и самонастройке в зависимости от условий среды. «Принцип функциональной системы» – объединение частных механизмов организма в целостную систему приспособительного поведенческого акта, создание «интегративной единицы». Выделяются два типа функциональных систем. Системы первого типа обеспечивают гомеостаз за счёт внутренних (уже имеющихся) ресурсов организма, не выходя за его пределы (например, кровяное давление). Системы второго типа поддерживают гомеостаз за счёт изменения поведения, взаимодействия с внешним миром и лежат в основе различных типов поведения. Таким образом, функциональная система есть динамически складывающаяся широкая распределенная система из разнородных физиологических образований, все части которой содействуют получению определенного полезного результата. Это же подчеркивает и Т.В. Черниговская [Черниговская 2021] в своей книге, говоря о том, что П.К. Анохин [Анохин 1978] и Д. Хебб [Hebb 1949] в свое время предложили поведенческие модели, хорошо подходящие для описания локализации языковых процедур. Когнитивные единицы, такие как слова, концепты или зрительные образы, формируются путем организации клеточных ансамблей определенных топографий. Этот механизм предполагает возможность объединения нейронов из различных областей коры в общий функциональный блок. Такой подход подчеркивает не только динамичность этого механизма, но и постоянную переорганизацию всего паттерна в зависимости от

выполняемой когнитивной задачи. Это значит, пишет Т.В. Черниговская, что «мы имеем дело с тонко настраиваемым оркестром, местоположение дирижера которого неизвестно и нестабильно, а возможно и не заполнено вообще, так как оркестр самоорганизуется с учетом множества факторов [Pulvermüller 1999; Pulvermüller, Mohr 1996] и настраивается на доминанту» [Черниговская 2009: 22].

5. Очаг доминанты как область повышенной возбудимости. Нейробиолог Квиан Квируга и его израильские коллеги Ицхак Фрид и Рафи Малах сумели записать сигналы отдельных нейронов человеческого мозга. Ученые обнаружили нейроны, которые реагируют лишь на конкретные изображения места или людей и подают сигнал лишь при наличии сознательного восприятия. Т.е. во время массовой активации в работу вступают только вполне определенные кластеры нейронов, причем форма и расположение этих кластеров («очагов») явственно говорит о субъективном характере протекания мыслительных процессов [Quiroga 2008].

6. Доминанта характеризуется возбуждением в определенном очаге, пока в остальных участках происходит процесс торможения. В кибернетике уже достаточно долгое время идеи А.А. Ухтомского используются для моделирования нейронных сетей. К примеру, Н.М. Амосов [Амосов 1973] и его ученики приписывали процессам переработки информации две особенности. Первая из них состоит в том, что основным функциональным элементом нейросети, ее «главным действующим лицом» считается не отдельный нейрон, а особым образом организованная их совокупность – нейронный ансамбль. Нейронная сеть при этом предстает уже как структура, составленная из множества взаимодействующих ансамблей, каждый из которых соответствует (и это особенно важно) некоторому индивидуальному образу или понятию из множества образов и понятий, участвующих в формировании интегративных психических функций, реализуемых мозгом, т.е. в процессе мышления. Вторая особенность работ школы Н.М. Амосова связана с введением в научный оборот представления о специфической системе усиления-торможения (СУТ), которая является неотъемлемым атрибутом нейросети и выполняет в процессе функционирования сети роль, сопоставимую с ролью функций внимания в процессах мышления.

7. Моделированием механизмов внимания на основе доминанты занимался В. Крюков. В своей работе «Модель внимания и памяти, основанная на принципе доминанты» [Крюков 2002] он обращается к шести основным проблемам внимания в терминах доминанты А.А. Ухтомского и развивает теорию фазовых переходов при работе головного мозга. В результате экспериментальных исследований ученый пришел к выводу, что метастабильные и неустойчивые состояния (подобные нейронному субстрату доминанты) могут являться функциональной основой работы мозга.

Доминанта как универсальный философский принцип

Теория о доминанте послужила А.А. Ухтомскому основанием для построения единой философско-мировоззренческой концепции человека, объединяющей физиологические принципы с философией, психологией, этикой и моралью. Как уже отмечалось выше, широкую известность труды известного физиолога приобрели в конце XX в. В наши дни принцип доминантности получил признание в гуманитарном научном сообществе и благодаря своей универсальности активно используется для описания всевозможных граней культуры: эстетики, архитектуры, музыки, дизайна.

Доминанта рассматривалась самим автором как всеобщий принцип, сравнимый по универсальности с принципом всемирного тяготения. Конечно же, прежде всего это физиологическая теория. Одновременно она дает основу для объяснения явлений на психологическом уровне. С помощью этого принципа можно описать очень многие когнитивные процессы: память, внимание, восприятие, предметное мышление, мотивацию.

Универсальная природа доминанты, как отмечает Н.В. Шутимова [Шутимова 2017], позволила активно использовать это понятие и в теории языка: в литературоведении, лингвистике текста и психолингвистике (А.А. Потебня, В.Б. Шкловский, Р.О. Якобсон, Я. Славьинский, Н.В. Шутимова, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, В.Е. Чернявская, Ю.В. Казарин, Л.Г. Бабенко, П. Тороп, В.П. Белянин,

В.Г. Краси́льникова, Л.Н. Вьюшкова, М.М. Алексеев, Л.М. Алексеева, О.А. Андреев, В.А. Пищальникова, А.В. Кинцель и др.).

В психологии доминанта ассоциируется с мотивацией (Л. Маслоу), предметно-образным мышлением, с установкой (Д.Н. Узнадзе), эмоциями, с акцентуацией характера человека (Л.С. Выготский). В психиатрическом литературоведении оговаривается, что сюжетное, образное и вербальное развертывание замысла осуществляется в соответствии с психологической доминантой, реализующейся в эмоционально-смысловой доминанте текста, т.е. в «системе когнитивных и эмоциональных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [Белянин 2000: 57]. Считается, что содержание и составляющие текстовой доминанты коррелируют с элементами структуры личности автора, а «сюжетное и вербальное развертывание замысла осуществляется по определенным риторическим правилам, которые соотносятся с психической доминантой писателя, воплощенной в тексте» [Белянин 2006: 95].

Вслед за В.П. Беляниным В.Н. Базылев использует понятие смысловой доминанты текста в переводоведении [Базылев 2010], подчеркивая важность понимания личности автора через стиль повествования и дальнейшего сохранения доминанты текста в процессе перевода. Л.М. Петрова рассматривает в качестве доминант главные смысловые части, «выступающие индикатором смысла произведения или ценностных координат автора» [Петрова 2015: 201–205].

Таким образом, большинство работ в литературоведении и лингвистике рассматривают доминанту как категорию, принадлежащую тексту, смысловой сфере автора. В нашем исследовании предлагается иной подход, описанный ниже. Мы пытаемся изучать доминантность как некий характерный признак процесса восприятия и понимания текста читателем, т.е. изучаем не сам текст, а процессы, происходящие в мыслительной сфере человека, его воспринимающего.

С позиций психолингвистики текста, как уже было отмечено, к понятию доминантности обратился А.И. Новиков, который увидел непосредственную связь принципа доминантности с такими базовыми понятиями психолингвистики тек-

ста, как смысл и содержание текста: «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми» [Новиков 1999: 45].

Таким образом, используя метафору «понимания как проекции» (см. работы Н.А. Рубакина, Ю.А. Сорокина, В.П. Глухова, приведенные в 1-й главе), А.И. Новиков определяет, что если содержание – это «проекция текста на сознание, то смысл – это как бы обратная проекция сознания на текст» [Новиков 2007: 112–113]. При этом необязательно, что эти два способа проецирования разделены по времени в процессе восприятия текста. Несмотря на то что они взаимосвязаны и переплетены друг с другом, сами эти проекции имеют различный способ представления. Соответственно, мы предполагаем, что если понимание – это «проекция», то доминанта читателя – это некая «отражающая поверхность» (линза), которая может исказить изначальный «образ» оригинала.

А.И. Новиков подчеркивает, что «применительно к тексту внешним проявлением такой доминантности, очевидно, является оперирование такими единицами, как ключевые слова, смысловые вехи, опорные пункты, создающие своеобразный “рельеф” формирующегося в сознании семантического пространства» [Новиков 1999: 45]. На основании проведенных психолингвистических экспериментов ученый пришел к выводу, что доминантность является одним из основных принципов формирования смысла в процессе транспозиции при восприятии текста, другими словами, при сжатии текста в сознании – его смысловом свертывании – происходит своего рода «стяжение» содержания: устанавливается некое отношение между тем фрагментом текста, которое это содержание выражает, и той абстрактной единицей, которая, вероятно, является значительно более емкой, что позволяет ей замещать это содержание на другом уровне репрезентации: «Установленная между этими уровнями репрезентации субъективная связь конвенционального характера базируется на отношении функциональной значимости. Оно возникает в результате соотнесения воспринимаемой информации со смысловой

сферой личности и оценки этой информации с точки зрения ее места и роли в этой смысловой сфере. Вследствие этого замещающий элемент образовавшейся конвенциональной пары приобретает статус особой значимости, определенной ценности. Это превращает такой элемент в доминанту, т. е. точку, выступающую из общего фона, образуемого линейной последовательностью текстовых единиц» [Новиков 2001: 178].

2.3. Смысл и его материальные носители

В 2007 году, как уже отмечалось, увидела свет последняя работа А.И. Новикова – монография «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков 2007]. В ней он уделяет особое внимание так называемым «носителям смысла», к которым относятся ключевые слова, смысловые вехи, опорные пункты, являющихся своего рода концентратами информации. Очевидно, что каждое слово в тексте или предложении имеет свой «вес». Особенно это заметно при вторичной текстовой деятельности, к примеру, при составлении рефератов, аннотаций, при запоминании краткого содержания текста, при его конспектировании, составлении интеллект-карт, планов, набросков рассказа и т.д. Ясно, что некоторые слова являются для читателя наиболее емкими, существенными, именно они и будут представлять в памяти текст в свернутом виде и будут играть роль доминантных для данного индивида. Также ясно, что для каждого человека такой набор слов будет индивидуален. Далее мы рассмотрим, на чем базируется в этом случае доминантность, и как она связана со смыслом. Для этого в первую очередь исследуем понятие «ключевых слов», их соотношение с текстом и с когнитивной сферой человека, воспринимающего этот текст.

Согласно определению А.И. Новикова, ключевые слова – это «языковые единицы, выделенные непосредственно из текста и предназначенные для свернутого представления его основного содержания» [Новиков 2007: 56]. Психолингвистические исследования описывают ключевые слова как важнейшие элементы, отражающие ядерный смысл текста [Баринова 1992, Горелов, Седов 2004, Дроздова 1988, Лурия 1979, Роднянский 1986, Смирнов 1987, Соколов 1941 и др.]. Так-

же в научных трудах обосновывается решающая роль ключевых элементов в процессе понимания текста [Бабайлова 1991, Болотнова 1992, Дридзе 1980, Залевская 1987, Жинкин 1982, Кoryтная 1996, Новиков 1983 и др.]. Подробный обзор исследований по этой теме можно встретить в трудах А.А. Залевской [Залевская 2007], которая подчеркивает, что разговор о ключевых словах необходимо начинать с трудов Л.В. Сахарного и А.С. Штерн. В кругах лингвистов и психолингвистов их статья «Набор ключевых слов как тип текста» [Сахарный, Штерн 1988] послужила фундаментом для многих исследований. Набор ключевых слов (НКС) рассматривается ими как некий специфический текст, наиболее примитивный и базовый по своей природе. Среди других ситуаций, в которых такого рода тексты-примитивы имеют место, можно упомянуть детскую речь (лепет), «телеграфный стиль» речи больных афазией, набор назывных предложений, вкрапления «инкрустации» в обычный текст (схема: пешеход – водитель). Авторы выдвигают идею использования НКС в качестве материала для изучения фундаментальных закономерностей порождения и восприятия текстов в речевой деятельности. Такого рода тексты не обладают формальной связностью, здесь на первый план выходит их смысловая целостность или цельность. Л.В. Сахарный и А.С. Штерн предлагают описывать их свойства на основании четырех дихотомических признаков:

- 1) цельность – связность;
- 2) парадигматика – синтагматика;
- 3) тема (обозначена самим НКС) – рема (порядок ключевых слов (КС) обозначает ассоциативные связи);
- 4) ключевые слова – их упорядоченность.

Как отмечают сами авторы, эксперименты с вычленением НКС представляют собой очень удобный многоцелевой инструмент для выделения некоторых общих закономерностей механизмов построения и осознания текстов. Легкость проведения эксперимента обеспечивается компактностью самих текстов НКС, простотой их анализа и обработки. Таким образом, набор ключевых слов – это своего рода микротекст, организованный (как и любой текст) и линейно, и иерархически, который отражает общую смысловую организацию исходного текста

[Штерн 1980]. Исследования Л.В. Сахарного и А.С. Штерн получили развитие в работах И.А. Бариновой [Баринова 1988, 2006] и С.А. Сиротко-Сибирского [Сиротко-Сибирский 1988].

В рамках исследований данной школы разрабатывался вопрос о необходимом для правильной (полной, исчерпывающей) передачи смысла текста количестве ключевых слов. В своей статье Л.В. Сахарный, С.А. Сиротко-Сибирский и А.С. Штерн отмечают, что количество ключевых слов может варьироваться в довольно широких пределах [Сахарный и др. 1984: 82]. Авторы соглашаются, что для качественного раскрытия темы будет достаточно 7–10 слов – объем, не превышающий оперативную память человека. Нижняя граница оперативной памяти составляет пять единиц. В целом ученые сходятся во мнении, что оптимальным объемом является набор 5–15 ключевых слов [Мурзин, Штерн 1991: 77].

В продолжение темы А.А. Залевская приводит примеры работ М.Л. Корытной [Корытная 1996], которая разработала «вихревую модель» понимания, основываясь на результатах исследования роли ключевых слов при понимании художественного текста, и В.А. Балдовой [Балдова 1999], которая рассматривала вопрос влияния предтекстового комплекса (т.е. заголовка, краткой аннотации и ключевых слов) на понимание специального научно-технического текста. Также упоминаются работы Н.В. Рафиковой [Рафикова 1999], изучающей процесс формирования смысловых опор при понимании художественного текста. Н.В. Рафикова использовала технику замедленного чтения (похожую в какой-то степени на метод, взятый за основу в нашем эксперименте), что позволило ей прийти к следующему выводу: одно и то же слово способно порождать различные активные динамические системы смыслов, которые, в свою очередь, служат как некие опорные элементы понимания, усиливая вариативный характер этого процесса. Также стоит назвать работу Э.Е. Каминской [Каминская 1998], изучающей влияние ключевых слов на процесс восприятия иноязычного текста и на последующую расстановку акцентов в текстах выполненных переводов. А.А. Залевская, в свою очередь, трактует ключевые слова как ориентиры, направляющие процесс понимания текста, т.е. создающие «преднастройку для лучшего понимания» текста, а также как «точки контакта» информационного сообще-

ния с системой знаний реципиента [Залевская 1987: 48]. Т.М. Николаева также утверждает, что в основе понимания смысла текста лежат «опорные точки» – ключевые слова, которые благодаря своей повторяющейся смысловой смежности создают ещё один «внутренний текст»: «один текст вложен в другой, переплетаясь с ним» [Николаева 2000: 425–428].

Итак, вышеназванные научные исследования доказывают, что ключевые слова и актуализированные в них некие опорные точки содержания играют не последнюю роль в процессе понимания и могут каким-то образом помочь «пролить свет» на принципы функционирования этого скрытого когнитивного процесса.

А.И. Новиков при изучении феномена смысла также обращал особое внимание на роль ключевых слов. Ученый отмечает, в отечественной науке о важности опорных пунктов и их роли в процессе понимания текста, его запоминания и воспроизведения впервые заговорили психологи. Это, прежде всего, работы Н.И. Жинкина, А.Н. Соколова, А.А. Смирнова, речь о которых уже шла в первой главе. Ученые приходят к выводу, что все сложные когнитивные процессы, связанные с восприятием и пониманием текстов, сопровождаются особыми единицами вербально-ментального плана, которые в разных работах обозначаются как «смысловые вехи», «опорные пункты», «контекстные объединители», «вербальные опоры».

Н.И. Жинкин подчеркивает важную роль «смысловых вех» в процессе порождения и восприятия речи в совокупности с работой механизма внутренней речи и УПК: «Отобранный простой сигнал или наглядный образ позволяет удержать часть текста. Вследствие этого весь процесс сокращается и фиксируется как по вехам <...> Следуя по этим фиксированным сигналам, можно заново восстановить текст. Однако восстановление будет не в полных словах, которыми был записан прочитанный текст, а словами эквивалентами, то есть сохраняющими общий смысл куска текста. Иначе говоря, необходимо произвести перефразировку или эквивалентную замену одних слов текста другими. В этом и состоит процесс понимания текста» [Жинкин 1958: 364].

Данные, полученные в ходе экспериментальных исследований А. Н. Соколовым и А.А. Смирновым, также подтверждают тот факт, что информация, кото-

рая воспринимается человеком на этапе внутренней речи, представлена в виде некой сокращенной речевой схемы, состоящей из отдельных слов (вернее, даже намеков на слова). Каждое такое слово является как бы конденсированным выражением больших смысловых групп, или «семантических комплексов», которые в зависимости от ситуации снова могут быть развернуты в ту или иную последовательность слов [Соколов 1947]. Такое свертывание происходит за счет операций синтеза и обобщения.

Раскрывая синтетическую сущность «опорных пунктов», А.А. Смирнов отмечает, что «опорный пункт» концентрирует в себе всю информацию, относящуюся к нему по смыслу: «Все, что опирается на него, не противостоит ему, а является тем, что в каком-то особом смысле уже содержится в нем самом»⁸ [Смирнов 1966: 222]. Все выделенные «опорные пункты» относятся к некой иерархической структуре, разделяясь по степени существенности на группы главных и второстепенных. Таким образом, в процессе восприятия и понимания в сознании реципиента выстраивается некий «рельеф», состоящий из «выступающих точек» содержания текста. Как уже говорилось, выделение «смысловых вех» в значительной степени является субъективным моментом. А.Н. Соколов отмечает, что «смысловые вехи», будучи носителями общего смысла, становятся как бы «квантами» – сгущенными частичками языка мышления: «... внутреннее слово здесь перестает быть словом в его грамматическом значении, хотя не только сохраняет, но еще более усиливает свою функцию сообщения, становясь нередко носителем общего смысла текста» [Соколов 1941: 135].

В данном исследовании «выступающими точками», «опорными пунктами» и «смысловыми вехами» мы предлагаем называть ключевые слова, передающие основное содержание текста. Соответственно, согласно нашей гипотезе, именно ключевые слова как некие «экстракты» или «кванты» содержания текста помогут нам отследить некоторые закономерности процесса понимания и, вероятно, будут в какой-то степени отражать влияние принципа доминантности на процедуру выделения реципиентом НКС. Также в основу нашего эксперимента будет взято

⁸ Можно провести параллель с доминантным очагом, который «стягивает» все раздражители.

утверждение ученых о том, что любое понимание сопровождается компрессией, сжатием и обобщением (сложением) всех «смыслов», заложенных в тексте, в некие «смысловые вехи», «узлы». Мы предполагаем, что выбранный и описанный нами в третьей главе экспериментальный метод поможет вербализовать подобные когнитивные процессы и сопровождающие их элементы внутренней речи хотя бы в некоторой степени.

Выводы по главе 2

Анализ теоретических работ, посвященных проблеме определения смысла как научной категории, попыткам моделирования процесса смыслообразования и выявлению факторов, влияющих на него, позволил нам сформулировать следующие выводы:

1. Определение смысла как научного понятия и выделение характеристик этого явления представляет определенную сложность ввиду ряда причин, одной из которых является широта употребления данного слова: смысл жизни, бытия / смысл прочитанного / личностный смысл и пр. Смысл текста – сложное, многоаспектное явление, которое многими учеными изучается в неразрывной связи с содержанием текста. В зависимости от функционального стиля и жанра текста, содержание и смысл могут совпадать (научный жанр, инструкции), накладываться друг на друга, а могут иметь кардинальные различия (художественные тексты). Практически невозможно формализовать процесс смыслообразования, но смысл является неотъемлемой частью понимания, его результатом.

2. Смысл для человека – явление индивидуальное, входящее в эмоциональную сферу его личности, зависящее от жизненного опыта и особенностей протекания мыслительных процессов, но тем не менее он также обусловлен культурной и социальной принадлежностью человека. Если бы это было не так, понимание в обществе между индивидами не представлялось бы возможным. Личностные смыслы человека (и его индивидуальность) могут стать понятны другому лишь постольку, поскольку его поведение (высказывание, сообщение) принимает такую форму выражения, которая опирается на социальные смыслы, т.е. обусловлена

культурой данного общества. Как незнание какого-то языка делает невозможным эффективное общение с его носителем, так и поведение человека вне культурного контекста (вне социальных смыслов) данного общества вряд ли будет понято другими людьми. Таким образом, анализ современных работ по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что смысл – это часть широкого контекста. Иными словами, личностный смысл, согласно Р. Харре, – продукт «метафорической переработки» социальных смыслов, он берет свои истоки и выражается в социальном окружении человека, в его коммуникации с другими людьми [Harre 1982: 21].

3. Интегративным (философским) принципом образования смысла может являться доминантность. Принцип доминанты сформулирован отечественным физиологом А.А. Ухтомским как закономерность функционирования нервных центров, но философский подход ученого к обоснованию проблемы позволяет современным исследователям широко применять концепцию в различных областях науки, как гуманитарного, так и естественнонаучного плана. Предполагается, что именно идея о доминанте и доминантной природе восприятия позволит обосновать и провести междисциплинарные исследования проблемы понимания смысла текста. Интерес представляет изучение того, как доминантность проявляется на всех этапах понимания, и обнаруживается ли доминантность восприятия (имеются в виду какие-либо общие характеристики процесса) в разных социальных и профессиональных группах испытуемых.

4. На основании рассмотренных работ нами была сформулирована следующая задача исследования: подобрать специальную экспериментальную методику, которая бы помогла «зафиксировать» процесс «приписывания», «вкладывания» смысла в текст при восприятии и понимании, а также выделить такие речевые единицы, которые могли бы выступать, во-первых, в качестве контрольных элементов, т.е. единиц, которые в дальнейшем будут подвергнуты сравнению и анализу, а во-вторых, будут являть собой некие опорные точки, «смысловые вехи», сопровождающие процесс перекодирования текста при понимании.

ГЛАВА 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

В предыдущих главах были обозначены теоретические предпосылки нашего исследования. Проведенный литературный обзор позволяет заключить, что изучению механизмов восприятия и понимания текста уделяется особое внимание в отечественной науке. Многочисленные исследования последних лет являются тому подтверждением. В данной главе будет дано краткое обоснование выбора метода для экспериментального исследования в русле психолингвистики, описана процедура и проведенные эксперименты, а также дана интерпретация полученных данных.

3.1. Психолингвистический эксперимент и его методы.

Метод «контртекста»

В 2021 г. увидела свет коллективная монография, посвященная истории развития отечественной психолингвистики с 1966 г. по 2021 гг. [Российская психолингвистика 2021]. Авторы подчеркивают, что в СССР в 1970-е гг. небольшая группа ученых под руководством А.А. Леонтьева заложила фундамент психолингвистических исследований, которые теперь представлены многочисленными научными школами, изучающими актуальные проблемы в теоретическом и практическом плане.

Психолингвистические эксперименты характеризуются в первую очередь разнообразием методов и подходов к организации исследований, базисным аспектом которых является принцип единства языка, речи и речевой деятельности. Постулаты, сформулированные Л.В. Сахарным, являются «тремя китами» отечественной психолингвистики: фактор эксперимента, фактор человека и фактор ситуации.

Нами был проведен краткий анализ современного методологического аппарата психолингвистики с целью выделения наиболее подходящей для данного исследования экспериментальной методики.

Основным и наиболее востребованным методом исследований среди психолингвистов является метод свободных ассоциаций, или свободный ассоциативный эксперимент. Этот метод широко применяется в междисциплинарных исследованиях. Как известно, в психологии свободные ассоциации помогают выделить эмоциональные ощущения, в лингвистике – языковую форму ассоциаций. Интерес для психолингвистики представляет определение вербального отражения соотношения языка и мыслительных процессов. Ученые, работающие в рамках этого подхода, подчеркивают, что ассоциативный эксперимент доказывает деятельностную природу речи, которая выражается в связи слова-стимула и вербальной реакции на него, что способствует экспликации глубинных ментальных структур, соответствующих значению того или иного понятия.

В.А. Пищальникова, анализируя направления современной психолингвистики, отмечает, что благодаря ассоциативному эксперименту сформирована крупная эмпирическая база, которая позволяет находить решения для серьезных вопросов, в том числе о вербализации психологически актуального смысла и его моделировании на основе ассоциативных полей слов-стимулов [Российская психолингвистика... 2021: 97–107].

Непосредственная ценность такого рода экспериментального материала, как подчеркивает В.А. Пищальникова, заключается в том, что анализ полученных данных позволяет исследовать феномен идентичности (осознание своего «Я») наиболее глубоко посредством исследования процесса речесмыслопорождения, вследствие их неоспоримой связи. Именно психолингвистические экспериментальные методы, утверждает ученый, являются наиболее эффективным инструментом изучения ментальных репрезентаций личности, так как они предполагают спонтанную реакцию испытуемых на предъявляемые стимулы [Пищальникова и др. 2019].

Следующим методом, который находится в прямой взаимосвязи с ассоциативным экспериментом, является методика реконструкции языкового сознания, или, другими словами (согласно В.А. Пищальниковой), коммуникативного существования (Омская школа психолингвистики: Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц,

Н.В. Орлова) [Бутакова и др. 2018]. Целью этой методики является исследование тех или иных аспектов социального статуса носителей культуры (гендерных и возрастных, в том числе), составление ассоциативных полей слов-стимулов, выделение смысловых акцентуаций личности. Языковое сознание как объект исследования интерпретируется (согласно А.Н. Леонтьеву, Ф.Е. Василюку, А.А. Залевской) как явление, которое определяется «внешним миром, внутренним миром (мотивами человека, его потребностями, ценностями и т.д.), культурой, в которой он живет, и, наконец, языком <...> в конкретном живом образе сознания каждая из этих инстанций имеет своего представителя, которые образуют как бы нервные центры, узлы образа. Внешний мир представлен предметным содержанием, мир культуры – значением, представителем языка является слово, а внутреннего мира – личностный смысл. Каждый из узлов образа – пограничная сущность, одной стороной обращенная к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка и культуры), а другой – к непосредственной субъективности; все же вместе эти узлы задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ» [Василюк 1993: 9].

Кроме этого, в психолингвистике языковое сознание и механизмы порождения и восприятия речи традиционно исследуются на материале живой спонтанной речи с помощью полевых исследований, анкетирования, субъективного шкалирования, интроспекции или самонаблюдения, интервью и т.д.

По мнению ученых, изучение текста в психолингвистике кардинально отличается от лингвистического подхода. К примеру, Г.М. Нуруллина в своей статье «К вопросу о восприятии и понимании текста в психолингвистической науке» [Нуруллина 2018] обращает особое внимание на специфику исследования текста в психолингвистике и лингвистике. Среди важных категорий изучения текста в психолингвистике автором выделены:

- текст – акт коммуникации;
- в этом акте коммуникации три участника: автор, читатель и сам текст;
- восприятие как акт познания, переживания и творчества;
- авторская и читательская модель действительности не совпадают;

– личностная интерпретация как неотъемлемая часть понимания.

Далее приведем примеры подходов к изучению механизмов восприятия и понимания, в которых делается попытка вербализовать именно процесс личностной интерпретации.

Несомненный интерес для нашего исследования представляет статья Ю.Н. Караулова «Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста» [Караулов 2015]. В данной работе автор упоминает прием аналитического или медленного чтения «под протокол», известный в филологической герменевтике. Суть приема заключается в том, что реципиент последовательно читает предоставленный ему текст и вычленяет из него некоторые значимые, на его взгляд, отрезки или фрагменты (разного объема, формата, содержания), «представляющие собой и отдельные эпизоды, и диалоги, и рассуждения – размышления персонажей или автора, и сценарии разного рода действий, и эмоционально-оценочные высказывания, и описания окружающей обстановки или природы, и портреты действующих лиц, и вставные рассказы или воспоминания, письма, цитаты из других произведений и т.д.» [Караулов 2015: 21]. Автор приходит к выводу о том, что текст в процессе восприятия совершенно теряет свою линейную структуру, превращаясь в некие «сгустки» информации, фрагменты в сознании человека, не разрозненные, но связанные между собой только читателю понятной связью.

Похожая процедура соответствует другому методу, знакомому отечественным психолингвистам, но зародившемуся и получившему большую популярность в европейской лингвистической традиции. Это TAPs – Think Aloud Protocols – «думание вслух». В действительности, данная методика известна еще с 20-х гг. XX в., она подробно описана в трудах гештальт-психологов, изучавших проблемы творческого мышления. М. Вертгеймер и его коллега К. Дункер пользовались методом «рассуждения вслух» в диалоге реципиента с экспериментатором, пытаясь анализировать не столько результаты таких «бесед», представленные в виде «гештальтов», а непосредственно процессуальную сторону мышления. Это, в свою очередь, означало выход исследования не только за рамки гештальт-

психологии, но и за рамки классического понимания объективного исследования в психологии⁹.

В российской психологии данная методика использовалась А.В. Брушлинским [Брушлинский 1979] при изучении роли прогнозирования в процессе творческого мышления и А.Н. Соколовым для исследования понимания иноязычного текста реципиентами, не владеющими иностранным языком в достаточной мере [Соколов 1968].

В настоящее время она достаточно широко применяется в лингвистике и теории перевода как для изучения процесса перевода, так и для обучения переводчиков [Bernardini 2002, Gerloff 1986, Lörcher 1991, Jääskeläinen 1993, Séguinot 1996, Russel, Winston 2014, Smith 2014]. Использование этой методики для анализа процессов понимания текста и принятия переводческого решения при переводе художественных окказиональных слов была описана Н.М. Нестеровой и Е.В. Поздеевой [Нестерова, Поздеева 2007].

Ученые, проводящие исследования в рамках данного приема, определяют некоторые его подвиды [Krnings 2001: 75], к примеру «непосредственное думание вслух» (англ. Think-Aloud – TA, or verbalizing at the same time) и так называемое «отложенное думание вслух» (англ. Post Think-Aloud – Post-TA, or verbalizing some time later или Immediate Retrospection (IR) [Fraser, 1996]. Как утверждают Н. Kuusela и Р. Paul [Kuusela, Paul 2000], предпринявшие попытку сравнить эти экспериментальные процедуры, оба метода имеют свои преимущества и недостатки. В их исследовании раскрывается эффективность применения непосредственного параллельного думания вслух (concurrent) и отложенного или ретроспективного (retrospective) для оценки и анализа механизмов принятия решений человеком. В ходе анализа выяснилось, что наиболее полную информацию предоставляют протоколы, составленные в ходе параллельного думания вслух.

Стоит отметить, что для процедуры ТАР огромную роль играют условия проведения эксперимента: правильно подобранный текст, отсутствие какого-либо

⁹ Вертгеймер Макс. [Электронный ресурс]. – URL: https://psychological.slovaronline.com/284-VERTGEYMER_MAKS (дата обращения: 12.01.2023).

социального взаимодействия, отсутствие излишних инструкций о том, как должен выглядеть процесс «думания вслух», и разного рода помех. При соблюдении всех условий экспериментаторы, вполне вероятно, смогут получить материал, который может «пролить свет» на психические состояния и процессы, происходящие в сознании реципиента во время чтения.

Итак, обзор различных методов и приемов, используемых в психолингвистике для анализа работы мыслительных механизмов в процессе восприятия и понимания как отдельных слов, так и текста, позволяет нам заключить, что сложность такого рода изысканий связана с невозможностью непосредственного его наблюдения. Именно экспериментальный характер исследований позволяет в какой-то мере выделять те или иные закономерности их протекания.

Психолингвистический эксперимент, как отмечалось, предполагает наличие стимула или «пускового механизма» для речевой деятельности и сопутствующей реакции на него. В психолингвистическом эксперименте роль объекта исследования зачастую играет личность индивида, а также его психические процессы во взаимосвязи с речевой деятельностью. Соответственно, актуальным представляется отход от традиционных лингвистических принципов и обращение как к экстралингвистическим факторам, определяющим языковую личность, так и особенностям когнитивной сферы индивида, обусловленным его жизненным опытом, типом темперамента, уровнем образования, социальным положением и т.д.

В настоящем исследовании рассматривается процесс понимания текста с точки зрения психолингвистической теории текста, одним из основоположников которой является А.И. Новиков. В психолингвистике текста личность человека, воспринимающего текст, играет ключевую роль. Соответственно, такой подход к изучению текста развивался не только в рамках лингвистики текста, но и вне ее. Существенный вклад в развитие этого направления внесли работы некоторых отечественных психологов (А.Н. Соколова, Н.И. Жинкина, И.А. Зимней и др.).

Согласно психолингвистической теории текст как объект исследования может обладать двумя состояниями – статическим и динамическим. Лингвистика текста рассматривает текст в его статическом состоянии, определяя его как ре-

зультат речемыслительных операций. Психолингвистика текста анализирует текст в его динамике, т.е. в процессе порождения, восприятия и понимания. Именно при восприятии и понимании реципиент не является пассивным участником процесса, но играет активную роль, создавая свой внутренний «встречный текст», или «контртекст», по терминологии Н.И. Жинкина [Жинкин 1998]. В «контртексте» находят отражение определенные закономерности, которые характеризуют процесс восприятия текста более непосредственно и прямо [Нестерова, Котельникова 2017]. Такой «контртекст» представляет собой (согласно Н.П. Пешковой) «своего рода “диалог” реципиента с исходным текстом, с автором и с самим собой» [Пешкова 2018]. Диалогичность как черта всех мыслительных процессов, в том числе понимания, отмечалась не единожды многими учеными, в особенности в гуманитарной среде и сфере нейронаук.

К примеру, В.В. Иванов [Иванов 1973], Ю.М. Лотман [Лотман 2002] и М.М. Бахтин [Бахтин 1994] подмечают двойственность природы подобных явлений. В.В. Иванов говорит про аналогичность процессов обмена информацией внутри общества и внутри мозга, Ю.М. Лотман пишет о «биполярности» на всех уровнях мыслящего механизма. М.М. Бахтин утверждает, что текст и заложенные в нем события всегда существуют и развиваются на рубеже двух сознаний. Подобные диалогические рубежи пересекают все поле человеческого мышления. На его взгляд, сфера сознания диалогична, т.е. в ее основе лежит общение (сообщение) двух внутренних Я-образов – «для себя» и «для другого» (ср. с идеей «Двойника» А.А. Ухтомского). Вслед за М.М. Бахтиным В.С. Библер [Библер 1991] также обращается к идее внутреннего диалогизма, объясняя это явление столкновением двух разных логик мышления. Решающую роль здесь играет историко-культурное состояние мышления человека. Развивая теорию внутренней речи, Л.С. Выготский также отмечает, что диалог между людьми зачастую перерастает в диалог внутри одного мозга.

Полифонизм сознания, его диалогическое, смысловое строение (аффективно-смысловые образования) подчеркивал и В.П. Зинченко [Зинченко 2009: 892]. Аналогичность мыслительных процессов и структур общения описывал Б.В. Ло-

мов. По его мнению, внутренний диалог – неотделимая часть любого действия, даже выполняемого человеком в одиночку [Ломов 1999: 108].

Из иностранных работ при описании аспекта диалогичности традиционно отмечается П. Линелл «the brain is designed to serve as a means for the individual to relate to his/her environment, including social situations» [Linell 2007: 3]. П. Линелл утверждает, диалогичность является свойством и мозга, и сознания. Этот аспект он решает описывать с помощью введенного им термина «dialogicality».

И, наконец, сам язык как психическое явление «протекает только во взаимодействии, в “диалоге” с другими психическими процессами» [Залевская 2003: 31]. Слово здесь «выступает в качестве средства фиксации» продуктов различных процессов переработки человеком его опыта «для самого себя и для общения с окружающими» [Залевская 2003: 31]. Из этого следует, что любой текст может быть средством доступа к этим процессам.

Таким образом, «встречный текст», или «контртекст», записанный в процессе чтения реципиентом, является своего рода «протоколом» того самого диалога, который в тот же самый момент разворачивается в сознании человека, экспликацией (в какой-то мере) его внутренней речи. Идеи многих ученых, описывающих «диалогизм», согласуются со словами А.А. Ухтомского про Двойника и Заслуженного собеседника, приведенными нами во второй главе.

Необходимой ремаркой здесь также является то, что, вслед за многочисленными трудами, посвященными пониманию и смыслу как его результату, мы в своей работе подчеркиваем двойкую сущность этого процесса. Своего рода продолжение концепции диалогизма, но уже в свете проблемы смысла. Мы поставили перед собой задачу изучить не только индивидуальные стратегии понимания, но и рассмотреть возможность нахождения так называемых «коллективных доминант», т.е. попытаться определить общие для той или иной социальной, возрастной или профессиональной группы людей характеристики этого процесса.

Очевидно, что основу «смысла», его фундамент составляют некие индивидуальные реакции или ассоциации. Однако как же тогда возможна коммуникация между людьми, если каждый все понимает по-своему? И.Г. Овчинникова заклю-

чает: «Социальность смысла – это тот набор сем, который при восприятии одного и того же текста является общим для большой группы людей (социума). Сколько в смысле индивидуального и сколько социального, судить трудно: эта пропорция в немалой степени зависит и от конкретных текстов, и от индивидуального опыта реципиентов» [Овчинникова, Павлова 2016]. Логично предположить, что и доминанты реципиентов, несмотря на очевидные индивидуальные различия восприятия (они начинаются с самого нижнего уровня – сенсорного – так называемого «квалиа»), могут обнаруживать сходство в связи с различными аспектами: одинаковым уровнем образования, профессиональными знаниями, даже нахождением в одной аудитории.

Далее мы рассмотрим процедуру эксперимента с выбранным нами методом «контртекста», примеры его апробации в исследованиях, проведенных ранее, и представим экспериментальную часть нашей диссертационной работы.

3.1.1. Процедура эксперимента

Согласно методике, описанной А.И. Новиковым, процедура эксперимента заключается в следующем: испытуемому предлагается прочесть текст, разбитый на некие смысловые отрезки, последовательно, не забегаая вперед. После прочтения каждого отрывка испытуемые записывают те мысли, которые возникли в их сознании, будь то ассоциации, мнения, оценки, суждения, воспоминания и т.п. Таким образом, сама процедура эксперимента и специально подобранные тексты как бы «фреймируют» (регулируют) процесс понимания информации, преобразуя симультанный (simultaneous) характер восприятия в сукцессивный (successive) – последовательный, что дает нам возможность выявить и описать некоторые его черты. Процесс понимания и смыслообразования в этом случае может сравниваться со «снежным комом»: воспринимая текст последовательно, предложение за предложением, реципиент как бы «уясняет суть дела». Здесь мы можем провести аналогию с герменевтическим кругом Х.Г. Гадамера, который продолжая работать над концепцией круговой структуры понимания М. Хайдеггера, отмечает цикличность процесса: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет

набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется, в свою очередь, лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нём тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [Гадамер 1988: 318]. Понимание, согласно ученому, – это герменевтический круг, в котором нет ни начала, ни конца. Более детально данный вопрос освещен в нашей статье [Котельникова 2021].

Подробно данный метод был описан А.И. Новиковым в его статье «Текст и “контртекст”: две стороны процесса понимания», опубликованной в «Вопросах психолингвистики» в 2003 г. [Новиков 2003]. В работе представлены результаты эксперимента, проведенного на материале художественного и научно-популярного текстов.

Как уже было сказано, «встречный текст», или «контртекст», являет собой совокупность реакций реципиента на последовательно представляемые ему смысловые отрезки текста, играющие роль стимула. Реакции фиксируются реципиентом в письменном виде. Здесь уместно уточнить, что А.И. Новиков подчеркивал широкие перспективы анализа подобного «набора индивидуальных реакций». По его мнению, полученные «контртексты» позволяют «судить полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия текста» [Новиков 2003: 65].

На основании проведенных экспериментов, Новиков отмечает, что с восприятия первой же фразы делаются попытки моделирования наиболее общей, глобальной ситуации, которая, даже будучи гипотетической, на каждый определенный момент восприятия текста выступает как целостность. Принципиальную значимость здесь имеет то, что такая ситуация, по своей сути, является экстралингвистической. Она задает своего рода алгоритм интерпретации языковых средств текста, преломления их языковых значений сквозь призму этой целостности и тем самым дает способ постижения их смысла. Им же было выявлено большое разнообразие реакций, сделана попытка их классификации (всего в работе выделено и описано 16 видов реакций):

ассоциация, аргументация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, «перевод», перифразирование, предположение, прогноз, свободный ответ [Новиков 2004: 67]. Каждому виду реакций были даны рабочие определения и характеристики, проанализированы их качественные характеристики и количественные показатели. Данные виды реакций представляют собой своеобразные актуализированные в речи стратегии восприятия текста.

Важным для исследования является замечание ученого о том, что разнообразны не только полученные реакции, но и рассчитанные им в ходе анализа показатели их частоты. А.И. Новиков предполагает, что эти показатели характеризуют виды реакций по их степени существенности в процессе восприятия текста испытуемыми. В то же время автор называет эту существенность формальной и основанной только на количественных показателях. Перспективу для решения данной проблемы открывает анализ содержательного и смыслового аспекта, характеризующего данные виды реакций с качественной стороны.

Для этой цели была предпринята попытка соотнести отдельные виды реакций с содержанием конкретных предложений исходного текста. В результате чего автор приходит к выводу о том, что необходимо дополнить классификацию, и вводит две дополнительные категории, на которые все реакции могут быть распределены: содержательные и релятивные. Содержательные реакции (к примеру, перифразирование, генерализация) непосредственно соотносятся с содержанием предложений. Релятивные реакции (например, мнение и оценка) выражают в большей степени отношение реципиента к воспринимаемой информации, они «участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок, что, как можно предположить, также работает в конечном итоге на формирование субъективного смысла текста» [Новиков 2003: 69]. Также А.И. Новиков отмечает, что «дополнительной характеристикой многообразия реакций может служить такой параметр, как доминантность того или иного вида реакций внутри каждого поля» [Новиков 2003: 70].

Исследование А.И. Новикова было продолжено и продолжается до настоящего времени в рамках Уфимской школы психолингвистики под руководством Н.П. Пешковой [Кирсанова 2007, Авакян 2008, Давлетова 2012, Мигранова 2017, Моисеева 2017, Титлова 2017, Ибатуллина 2022, Гилязова 2022]. На протяжении 15 лет группа ученых занимается разработкой интерактивных моделей понимания текстов различных типов на основе метода «встречного текста» А.И. Новикова.

Учеными из Уфы получена широкая база экспериментальных данных на материале текстов различного стиля и жанра: научно-популярного, научного, библейского, глянцевого текста, текстов микроблога Twitter (тексты новостные и юридической тематики). Также был проведен глубокий анализ гендерных особенностей протекания процесса понимания и выделены несколько новых стратегий, характерных для того или иного типа текста, среди которых «замещение смысла», «компликативная реакция» (комбинированная), «констатация отсутствия знаний», «обращение к собственному опыту», «позитивное пожелание», «ироничное предложение» и др. В исследовании 2020 г. И.В. Кирсанова и А.А. Шияпова (Авакян) проведен сравнительный анализ реакций, возникающих при восприятии и понимании текста на родном и иностранном языках [Кирсанова, Шияпова 2020].

В Перми подобное экспериментальное исследование проводится Е.Л. Заводниковой под руководством Н.М. Нестеровой. Целью этой работы является анализ зависимости процесса смыслового восприятия (в том числе трех его этапов: интерпретации, толкования и понимания) от типа текста [Заводникова 2020, 2022]. Как видно из проведенного краткого обзора, метод «контртекста» доказал свою эффективность в качестве инструмента исследования стратегий восприятия и понимания в рамках психолингвистики.

Мы также исследуем механизмы восприятия и понимания текста с использованием метода «контртекста», но в несколько ином русле. Целью нашего эксперимента является определение (оценка) роли принципа доминантности в формировании «контртекста» и, в конечном итоге, понимании смысла воспринимаемого текста. Хотелось бы подчеркнуть, что мы пытаемся рассматривать «доминантность» не с точки зрения физиологических процессов в головном мозге человека, а сквозь приз-

му того, как те или иные активные доминанты формируют мировоззрение реципиентов и находят отражение в их речи. А.И. Новиков подчеркивал, что именно главенствующий очаг доминанты в головном мозге читателя и определяет, какой смысл он «припишет» тексту, поэтому было решено проанализировать «контртексты», полученные в ходе экспериментов, на наличие каких-либо общих признаков или «доминант», характерных как для отдельно взятого индивида, так и для группы в целом. Здесь мы оперируем такими понятиями, как «ключевые слова», «семантическое ядро», «эндо- и экзо-лексика», «стратегии восприятия».

Материалы исследования¹⁰

Материалом для эксперимента были выбраны тексты на иностранном языке¹¹ с дальнейшим составлением «контртекстов» на русском языке, который является родным для всех участников экспериментов.

Данный выбор объясняется тем, что при восприятии иноязычного текста понимание как бы «замедляется» ввиду объективных причин, которые обозначил А.Н. Соколов в работе «Психологический анализ понимания иностранного текста» [Соколов 1947]: «Экспериментальное исследование понимания представляет значительные трудности, главным образом, по причине внезапности и мгновенности <...> Поэтому первое, над чем приходится задумываться при исследовании понимания, – это создание таких условий, при которых процесс понимания оказался бы замедленным и, в силу этого, расчлененным в своем протекании. Такие условия создаются при столкновении с каким-либо непонятным или малопонятным материалом...» [Соколов 1947: 165]. Про «несрабатывание автоматизма в понимании» в предисловии к «Загадке человеческого понимания» пишет Ф.А. Лекторский: «Когда понимание срабатывает относительно гладко, его просто не замечают, как не замечают стекла хороших, прозрачных и чистых очков, через которые смотрят на мир. Понимание как важный фактор духовной жизни замечается

¹⁰ Некоторые тексты-стимулы приводятся в Приложении 2.

¹¹ А.И. Новиков в своих экспериментах использовал тексты на родном языке. Использование иноязычных текстов представляется перспективным направлением.

и становится предметом для размышления и исследования тогда, когда его автоматизм перестает действовать» [Загадка... 1991: 5].

В целом нами были проведены эксперименты на текстах художественного, публицистического с элементами научно-популярного стиля, мультимодальном тексте и тексте интернет-дискурса. Функциональный стиль текста, как уже доказано, играет наиважнейшую роль при понимании, определяя те стратегии восприятия, к которым будет прибегать реципиент. Первоочередной задачей нашей работы был анализ механизмов восприятия индивида как представителя той или иной возрастной или социальной группы людей.

Таким образом, в рамках диссертационного исследования было проведено пять экспериментов на материале разных текстов с заданиями как на составление «контртекстов», так и на формулировку содержания текста и его смысла; предпринимались попытки перевода некоторых текстов с анализом соотнесенности «контртекстов» и конечного результата перевода. К экспериментам были привлечены испытуемые разных возрастных и профессиональных групп: учащиеся школы 5-х классов (11–12 лет) и 10–11-х классов (16–18 лет), бакалавры-переводчики, магистранты-переводчики, магистранты электротехнического факультета, студенты профессионального колледжа г. Перми, профессиональные переводчики, в совокупности 207 человек. В целом нами было собрано и проанализировано 2040 реакций на 53 предложения (или отрезка), играющих роль стимула. Все результаты были представлены в виде докладов на конференциях разного уровня, включая международный, и освещены в научных статьях и тезисах [Котельникова 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022; Нестерова, Котельникова 2017, 2019, 2023]. Более подробная информация представлена в Приложении 1. Экспериментальная часть нашего исследования включает два этапа:

- 1) первый (предварительный) этап позволил скорректировать процедуру, сформировать гипотезу и конкретные задачи экспериментального исследования (рассматривать не только индивидуальные стратегии, но и коллективные);

2) второй этап включал основной эксперимент, в котором участвовали две группы реципиентов, отобранные по профессиональному признаку (гуманитарной – переводческий профиль и технической направленности – IT).

3.2. Первый этап психолингвистического эксперимента

На первом подготовительном этапе нами было проведено три эксперимента на материале текстов разного жанра и функционального стиля с несколькими группами испытуемых.

Интерес представляет исследование на материале текстов, выходящих за рамки традиционного представления. Вслед за философией постмодернизма и концепцией Ж. Деррида «Мир как текст», утверждающей, что: «Текст есть сложноорганизованное многосмысловое знаковое макрообразование, возникающее “в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур” посредством стратегии *différance*, что обеспечивает генерирование разветвляющейся смысловой множественности, которую невозможно исчерпать» [Деррида 2007], нами были выбраны мультимодальный текст, представленный в виде видеофрагмента, в котором практически отсутствует какое-либо языковое оформление, и текст микроблога, представляющий собой краткое сообщение на какую-либо тему и комментарии к нему.

В эксперименте с мультимодальным текстом (короткометражным анимационным фильмом Джейкоба Фрея «The Present») принимали участие 40 учащихся из 5-х и 10-х классов общеобразовательной школы г. Перми. Видео было разделено на пять смысловых отрезков, которые включались последовательно, позволяя реципиентам зафиксировать свои ответы. Хотелось бы отметить, что реципиенты использовали различные стратегии при восприятии текста. Если в первой группе (5-й класс) доминантной оказалась стратегия извлечения¹², то в группе детей более старшего возраста (10-й класс) превалировал выбор стратегии приписывания смысла. Проанализировав тексты с точки зрения лексического оформления («эндо»- и экзо-лексика»), мы пришли к выводу, что реакции второй (старшей по возрасту)

¹² Более подробно о стратегии извлечения, приписывания, «эндо»-и «экзо лексике» см. на стр.143

группы обладают большей степенью отстраненности. Это свидетельствует о том, что учащиеся старшей школы описывали и смысловую, и содержательную сторону текста, в то время как учащиеся 5-х классов сконцентрировались на содержании.

В эксперименте на материале текста микроблога мы немного видоизменили процедуру, заменив «искусственную, заданную среду» аудиторных проб на «естественный ландшафт» коммуникации в социальных сетях в Интернете [Титлова 2017]. Термины «текст-стимул» и «встречный текст», или «набор реакций», в данном случае были пересмотрены. Вследствие того, что мы исследуем механизмы понимания иноязычного текста, мы обратились к материалам одной группы переводчиков в социальной сети «ВКонтакте», где любой человек может написать пост с просьбой о помощи в уточнении смысла при переводе определенной фразы (см. скриншоты в Приложении 2). Пост по правилам интернет-сообщества имеет регламентированную длину и содержит какую-то законченную мысль, что позволяет нам рассматривать его как некую вариацию текста-стимула. Комментарии к такому посту соответствуют всем характеристикам интернет-дискурса – интерактивности, мультимедийности (возможности выражать эмоции с помощью графических обозначений, эмодиконов, идеограмм), синхронности, высокой степени анонимности, отсутствию социальной регламентированности вербального поведения, что делает возможным их сравнение с «контртекстами». В комментариях-реакциях встречались как некие рассуждения о стратегиях перевода (промежуточный этап), так и сами варианты перевода как конечный результат понимания [Котельникова 2021].

Оба исследования подтвердили индивидуальность и субъективность восприятия информации, однако при этом удалось зафиксировать некоторые общие черты данного процесса, что описано в соответствующих научных публикациях: «Об опыте использования методики “встречного текста” в исследовании восприятия мультимедийного текста» [Котельникова 2020] и «О проблеме изучения механизмов восприятия и понимания иноязычных текстов: психолингвистический аспект» [Котельникова 2021].

Наиболее значимый эксперимент, входящий в подготовительный этап исследования, представлен в публикации «“Встречный текст” как метод вербализа-

ции доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста» в журнале «Вопросы психолингвистики» [Нестерова, Котельникова, Поздеева 2017]. Ниже представим процедуру эксперимента и интерпретацию полученных результатов в более развернутом виде.

В сериях эксперимента принимали участие 30 человек из различных социальных групп (учащиеся школ, студенты, инженеры). Также посредством онлайн-площадок (социальная сеть «ВКонтакте») были привлечены студенты языковых факультетов и профессиональные переводчики из других регионов нашей страны – из Томска (ТГУ), Волгограда (ВГСПУ), Москвы (МГЛУ, МГУ, МГИМО), Самары, Ростова-на-Дону (ДГТУ (бывш. РИСХМ)), Ярославля, Ижевска (УдГУ), а также студенты профессионального колледжа г. Перми, не имеющие никакого отношения к переводческой деятельности [Котельникова 2017].

Испытуемым последовательно предлагались для восприятия два текста на английском языке. Один из них – рассказ Р. Брэдли «All Summer in a Day» («Все лето в один день»¹³), где описывается картина далекого будущего, в котором человечество, покинув Землю, обосновывается на Венере с нескончаемым дождем и Солнцем, выглядывавшим раз в семь лет. Девочка Марго, отвергнутая коллективом, является центром повествования [Bradbury 2023]. Автор использует многочисленные эпитеты и метафоры для передачи атмосферы жизни на фантастической планете (*the drum and gush of water; the sweet crystal fall of showers; lost in the rain for years; gold or a yellow crayon or a coin large enough to buy the world with; the tating drum, the endless shaking down of clear bead necklaces upon the roof*). Благодаря языку рассказа и использованным сравнениям читатель легко представляет пейзажи Венеры, а также полностью погружается в общее настроение произведения.

Другой текст – публицистический – отрывок из статьи Дэна Бюттнера «Who's Best at Living Longest? The Secrets of Longevity» из журнала National Geographic («Кто живет дольше всех? Секреты долголетия»¹⁴) [Buettner 2005]. В статье описываются результаты исследования, проведенного в США, текст отличает-

¹³ Перевод Норы Галь.

¹⁴ Перевод наш – А.К.

ся богатством терминологии и ставит читателя перед проблемой, как добиться долголетия и избежать болезней.

Тексты предварительно было разбиты на смысловые отрезки, которые были пронумерованы и предъявлялись в письменном виде реципиентам последовательно.

Процедура. Задание было сформулировано следующим образом:

Для выполнения задания Вам необходимо:

1. Записать номер предложения (некоторые предложения для удобства уже объединены в смысловые отрезки).

2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения (вопросы, возникшие в вашем сознании, ассоциации, суждения и пр.).

3. Допускается интерпретация группы стоящих рядом предложений, если они составляют смысловое единство. В этом случае номера предложений записываются через запятую.

Следует отметить, что испытуемым не сообщали, кто является автором воспринимаемого ими текста. Не сообщали и заголовков, так как наша задача состояла в том, чтобы замедлить понимание. Как известно, заголовок – мощный паратекст, задающий рамки восприятия и понимания. Также не оговаривалось, на каком языке следует писать комментарии, таким образом, некоторые испытуемые использовали родной язык, а остальные записывали реакции на иностранном языке либо же комментировали, «переключаясь» с русского на английский. Принципы выбора того или иного языка также представляют интерес для дальнейшего исследования.

Итак, каждый испытуемый записывал на отдельном листе номер предложения исходного текста, который играл роль стимула, а затем все ассоциации, мысли, вопросы, являющиеся как бы реакцией на данный стимул. Совокупность зафиксированных одним реципиентом реакций на исходный текст и составляет «контртекст» данного испытуемого. После прочтения полного текста участники эксперимента писали краткую формулировку: «О чем этот текст?». Таким образом, в результате эксперимента нами были получены вторичные тексты, которые были подвергнуты поэтапному анализу. Приведем в качестве примера несколько «контр-

текстов», составленных при восприятии публицистического и художественного текстов (Таблицы 1, 2). Авторский стиль, орфография и пунктуация в «контртекстах» реципиентов сохранены.

Таблица 1 – Примеры «контртекстов» на статью «Who’s Best at Living Longest? The Secrets of Longevity»

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
1. What if I said you could add seven or eight years to your life? What would that be worth?	1. Как это может быть возможно? Наверное, цена будет слишком велика	1. Love
2. First the Good News. For the past century and a half, life expectancy in this country has only gone up	2. Это очень хорошая новость. Прогресс и развитие науки подняли уровень жизни.	2. In which country?
3. James Vaupel, a demographer at the Max Plank Institute, figures that life expectancy has increased by about two years a decade since 1840 – and he sees no reason for it to stop. By 2050, he estimates, half of all the women born in the developed world will reach age one hundred	3. Что именно вызывает такие благоприятные изменения? Как можно сохранить или даже ускорить увеличение средней продолжительности жизни?	3. My dream
4. Now the bad news. Last March a team of researchers led by Jay Olshansky at the University of Illinois found that life expectancy in the U.S. may have started to level off – or even to dip	4. Это может быть вызвано неправильным образом жизни или питания	4. Why?
5. The culprit: childhood obesity and ailments such as diabetes and heart disease that result from it later in life	5. «Болезни XXI века» являются виновниками этого	5. Fast food and sedentary lifestyle... as always
6. But you do have the power to add time to your life and – more significantly, life to your time	6. Звучит заманчиво. Мне будет предложено вести здоровый образ жизни и правильно питаться?	6. I think, that I know what you’re going to tell me
7. No matter what your genetic inheritance, there are things you can do to make the most of your body’s potential	7. Какие вещи человек может сделать, чтобы полностью раскрыть потенциал своего организма?	7. I’ve read a lot about it
8. Tom Perls of Harvard estimates that if you adopt an optimal diet, lifestyle, and level of physical activity, you can add as many as eight years to your life. And most of them would likely be good years	8. Как было проведено исследование, позволяющее сделать такой вывод?	8. Yes, I was right!

Таблица 2 – Примеры «контртекстов» на художественный текст

«All Summer in a Day»

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
1. «Ready?», «Ready», «Now ?», «Soon»	1. Диалог двух людей, которые затеяли что-то увлекательное	1. К чему?
2. «Do the scientists really know? Will it happen today, will it?»	2. Что может случиться сегодня?	2. Катастрофа?
3. The children pressed to each other like so many roses, so many weeds, intermixed, peering out for a look at the hidden sun	3. Чем занимались эти дети?	3. Странное сравнение детей с сорняками
4. It rained. It had been raining for seven years; thousands upon thousands of days compounded and filled from one end to the other with rain, with the drum and gush of water, with the sweet crystal fall of showers and the concussion of storms so heavy they were tidal waves come over the islands	4. Почему осадки длились так долго?	4. Дождь шел семь лет? Это фантастика?
5. And this was the way life was forever on the planet Venus, and this was the school room of the children of the rocket men and women who had come to a raining world to set up civilization and live out their lives	5. Почему для колонизации была выбрана Венера? В каком году происходит действие рассказа?	5. Venus – это Венера? Рассказ про детей космонавтов, прилетевших для создания новой цивилизации
6. Margot stood apart from them, from these children who could ever remember a time when there wasn't rain and rain and rain. They were all nine years old, and if there had been a day, seven years ago, when the sun came out for an hour and showed its face to the stunned world, they could not recall	6. Каково это жить на планете, за плотными облаками которой почти никогда не видно Солнца?	6. Детям по 9 лет, одна девочка, Margot, видимо, главная героиня
7. All day yesterday they had read in class about the sun. About how like a lemon it was, and how hot. And they had written small stories or essays or poems about it: I think the sun is a flower, That blooms for just one hour	7–8. Дети сравнивают Солнце с лимоном и цветком, т.к. ни разу не видели его, но хотят понять, как оно будет выглядеть	7. Солнце – лимон. Смешной стишок
8. That was Margot's poem, read in a quiet voice in the still classroom while the rain was falling outside	–	8. Странное ощущение, видимо, девочка одинока
9. Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair	9. Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки	9. Что значит frail? Потерялась в дожде, смылись все краски с ее лица
10. And then, of course, the biggest crime of all was that she had come here only five years ago from Earth, and she remembered the sun and the way the sun was and the sky was when she was four in Ohio	10–11. Между девочкой и остальными ребятами было существенное различие: она прилетела с Земли только 5 лет назад и поэтому еще помнила, как выглядит Солнце	10. Ohio – штат в Америке

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
11. And they, they had been on Venus all their lives, and they had been only two years old when last the sun came out and had long since forgotten the colour and heat of it and the way it really was	–	11. Остальные не могут ее понять
12. But Margot remembered. «It's like a penny», «she said once, eyes closed». «No it's not!» the children cried. «It's like a fire», she said, «in the stove». «You're lying, you don't remember!» cried the children	12–13. Ребята почему-то не верили, что девочка помнит, как выглядит Солнце, но ей было все равно	12. Для меня солнце – это основа жизни
13. But she remembered and stood quietly apart from all of them and watched the patterning windows	–	13. Безысходность какая-то

Итак, поэтапный анализ полученных данных включал:

Этап 1. Распределение реакций по типам

Как уже отмечалось выше, А.И. Новиков, анализируя результаты собственного исследования, представил классификацию реакций по типам. Некоторые из них также встретились в ходе нашего эксперимента. Подробные определения видов реакций, согласно А.И. Новикову, даны в вышеуказанной статье, здесь же приведем только примеры из полученных «контртекстов».

Ассоциация – *Безысходность. Вспомнил фильм «Интерстеллар».*

Вывод – *Все в твоих руках, каждый решает, что делать со своей жизнью.*

Визуализация – *Представляю, как ребенок стоит возле доски с листком и описывает то, что никогда не видел.*

Генерализация – *She lived here less than the other children, and she remembers the real sun.*

Интертекст – *And where is Noah?*

Инфиксация – (инкорпорация) – *What would that be worth? – Love.*

Констатация – *Правильные слова. Я их поддерживаю.*

Мнение – *It is our fault in different diseases. We allow society to have careless attitude toward our planet. Therefore, in later life our activity is result many problems including childhood obesity.*

Ориентировка – *Что может случиться сегодня? Do scientists believe that it will happen today?*

Оценка – *Какое ужасное начало! логично!*

Перевод – *Empty Hope*.

Предположение – *Они, наверное, жалеют, что прилетели на эту планету.*

Перефразирование – *Margot finished reading her poem comparing the sun with a flower. At the same time, she could hear drops of the rain.*

Свободный ответ – *Ну и кому теперь верить?*

Этап 2. Выделение наиболее частотных или «ядерных» реакций в зависимости от типа текста

Для каждого из этих видов реакций были получены количественные показатели, характеризующие процентное соотношение их частоты на всем множестве имеющихся реакций. На примере двух текстов (художественного и публицистического) распределение видов реакций по этим их количественным показателям имеет следующий вид.

Как видно из Таблицы 3 ниже, для каждого типа текста выявлены наиболее частотные виды реакций, которые, на наш взгляд, детерминированы как индивидуальными особенностями восприятия, так и жанровыми характеристиками текстов. Такие типы реакций исследователями из Уфы определяются как «ядерные», т.е. входящие в ядро модели понимания в совокупности с компонентами периферийной части общего поля реакций на текст определенного функционального стиля. В целом, полученные нами результаты не противоречат разработанным в Уфе моделям понимания. Публицистический текст содержит актуальную информацию и воплощает функцию воздействия на читателя через лексические и стилистические средства, в связи с этим реакции вида «ориентировка», «оценка» и «мнение» вышли на первый план при восприятии данного текста. Художественное произведение, обладая образностью, эмоциональностью, выразительностью, предопределяет вид реакций: «ассоциации», «визуализации», «интертекст». Полученные данные представлены на Рисунке 1. Проведенный анализ показал зависимость стратегий восприятия от типа текста, что уже было неоднократно доказано. Поэтому в последующих экспериментах было решено сконцентрироваться на коллективных особенностях восприятия текстов.

Таблица 3 – Наиболее частотные виды реакций в зависимости от типа текста, %

Вид реакции	Публицистический текст	Художественный текст
Ориентировка	19,8	15,7
Ассоциация	5,8	21,3
Перефразирование	5,8	16,8
Оценка	14,0	5,2
Визуализация	2,3	10,8
Генерализация	8,1	4,8
Интертекст	0	12,6
Инфиксация	7,0	2,7
Вывод	6,9	2,1
Мнение	8,1	0,7
Предположение	5,8	2,1
Перевод	4,7	1,6
Свободный ответ	4,7	1,4
Констатация	4,7	1,2
Прогноз	2,3	1,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ТЕКСТА

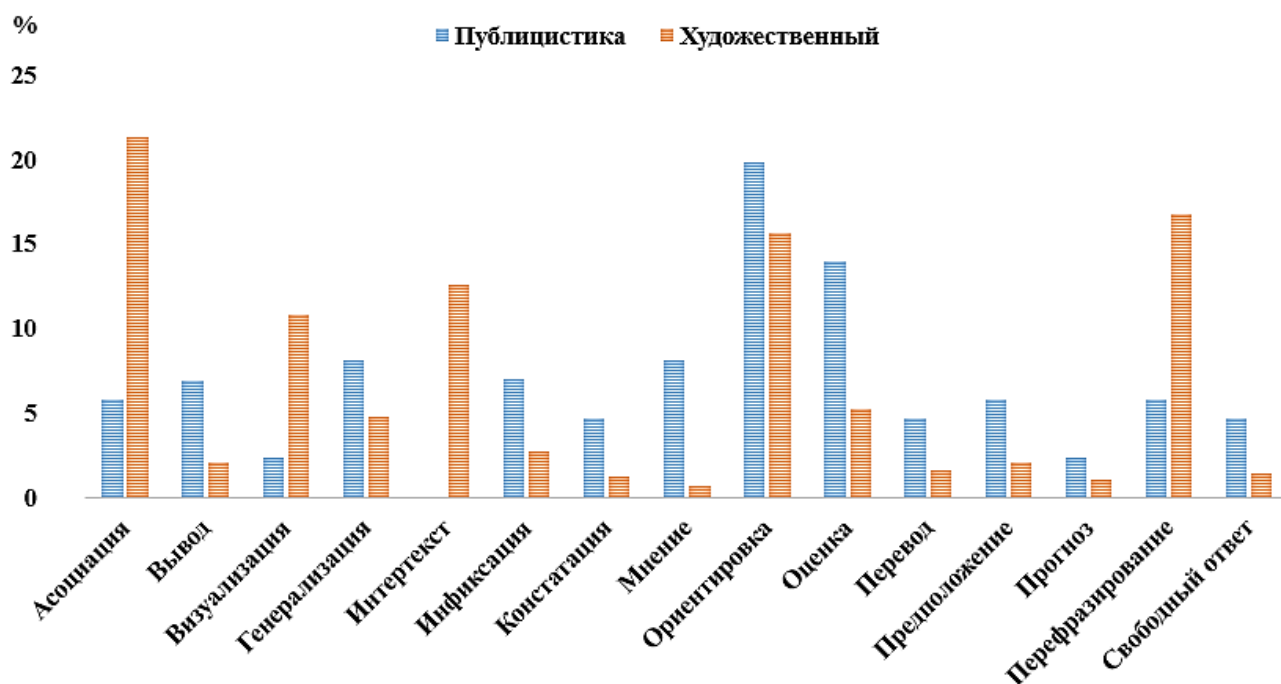

Рисунок 1 – Анализ распределения типов реакций в зависимости от текста

Этап 3. Сравнение «контртекстов» реципиентов различных групп

На следующем этапе эксперимента мы разделили реакции всех испытуемых на три группы по принципу аналогии: реакции учеников старших классов, реакции студентов-филологов и технических специалистов.

Для примера приведем отрывок из художественного текста, который в связи со своими специфическими особенностями (метафоричностью описания, имплицитностью) вызвал наибольший (по сравнению с публицистическим текстом) разброс реакций, и примеры «типичных» реакций реципиентов, относящихся к разным группам (Таблица 4).

Таблица 4 – Примеры индивидуальных реакций на отрывок из художественного текста «All Summer In a Day» представителей разных групп

<i>Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair</i>		
Реакции учащихся старших классов школы	Реакции студентов-филологов	Реакции технических специалистов
<ul style="list-style-type: none"> ● Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. ● Margot was a girl who had weakness and it seems that once she walked under the rain and it washed away all the bright colours from her face. ● Margot felt alone. She didn't have friends 	<ul style="list-style-type: none"> ● Myself! ● Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало. ● Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me. ● На Земле тоже есть такие люди, выстиранные и вымытые, потерявшие свое лицо. ● Awesome description 	<ul style="list-style-type: none"> ● Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки. ● It's not surprising... ● Печально! Безысходность. ● Девочка одинока и выглядит болезненно

Таблица 5 – Соотношение реакций, полученных от реципиентов разных групп, %

Вид реакции	Учащиеся школы	Студенты – лингвисты, филологи, переводчики	Технические специалисты
Ассоциация	2,9	27,4	9,8
Вывод	4,3	5,4	6,4
Визуализация	1,2	17,8	7,2
Генерализация	18,7	6,8	12,9
Интертекст	0	14,5	5,1
Инфиксация	0,9	9,1	3,6
Констатация	9,2	4,3	10,4
Мнение	2,3	11,8	8,3
Ориентировка	10,6	13,2	12,8
Оценка	2,5	10,4	7,9
Перевод	15,1	4,7	3,4
Предположение	3,1	1,2	4,8
Прогноз	2,9	2,7	1,7
Перефразирование	23,9	7,3	4,8
Свободный ответ	2,4	8,6	0,9

Итак, на данном этапе анализа была проведена классификация всех «контртекстов» и разделение их на три группы. Следующим шагом является детальный анализ «встречных текстов» с целью выявления типичных или доминантных для той или иной группы реципиентов реакций.

Проведенный количественный анализ реакций позволяет сделать предварительный вывод о том, что принадлежность человека к той или иной социальной или профессиональной группе обуславливает характер смыслового восприятия текста реципиентом. Характерные для той или иной группы (отражающие доминантность восприятия) реакции представлены в Таблице 5 и на Рисунке 2.

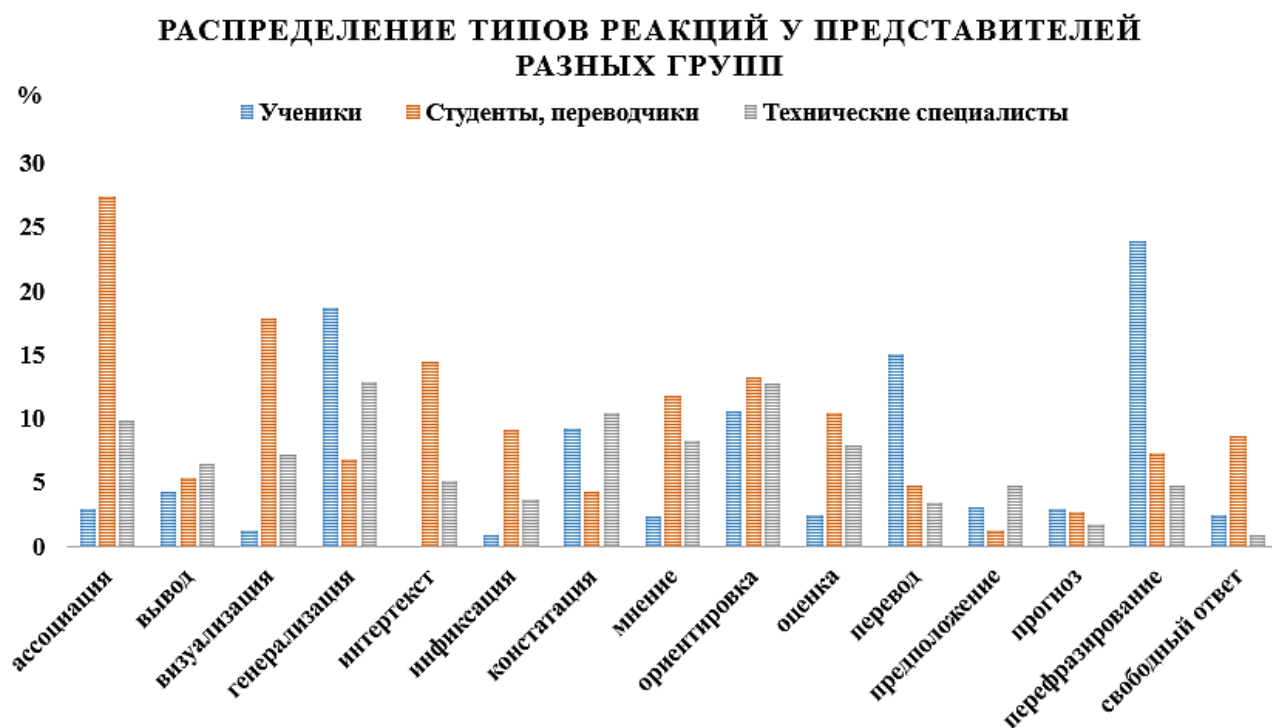

Рисунок 2 – Анализ распределения типов реакций по группам реципиентов

На последнем этапе психолингвистического эксперимента был проведен сравнительный анализ полученных «встречных текстов» и их интерпретация. Сравнительный анализ позволил выявить аналогичные характеристики в «контртекстах» испытуемых, относящихся к одной социальной группе. Приведем в качестве примера «контртексты», составленные одним испытуемым из каждой группы при чтении публицистического и художественного текста, чтобы рассмотреть, как принцип доминантности влияет на процесс понимания (Таблица 6).

Таблица 6 – «Контртексты» испытуемого 1-й группы (ученик 11-го класса)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
<p>1 What price can extend your life?</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Life expectancy in our country is growing. 2. Life expectancy is increasing by about two years a decade. 3. Life expectancy in the United States may begin to decline. 4. Children's health is at risk. 5. We are able to extend our life. 6. There are things we can do to make the most of our body's potential. 7. An optimal diet, lifestyle and physical activity can help you to extend your life 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Children were like flowers in the flowerbed. 2. It rained without end. 3. The rocket men and women had come to a raining world of Venus to live out their lives. 4. Children of nine years old can't remember a time when there wasn't rain, but may be they could ever do this. 5. Children wrote some stories in school about what sun is it 6. Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. 7. She lived here less than the other children, and she remembers the real sun. 8. The other children forget the sun, but Margot remembered. 9. It was the reason she was apart from all

Как можно заметить, испытуемый (назовем его типичным представителем своей группы) использует в основном пересказ своими словами, употребляя при этом неродной язык, стараясь не включать личное мнение, либо же собственные выводы. Со слов испытуемого, на ход эксперимента повлияла установка преподавателя на «отличный» результат, восприятие данного задания как этап подготовки к ЕГЭ по английскому языку, желание написать без ошибок. Можно сделать вывод, что груз ответственности выпускного класса, выпускные экзамены – это очаг доминанты, активный на данный момент. Реакции остальных участников этой группы были аналогичны: также использовались преимущественно лексика исходного текста¹⁵, полные предложения. В целом это был пересказ содержания. Это значит, что, согласно теории текста А.И. Новикова, испытуемые решали «задачу на содержание», не переходя на уровень смысла. Стратегии восприятия, характерные для данной группы, генерализация, ориентировка, перефразирование, перевод.

¹⁵ Использование так называемой «эндо-лексики» (термин А.И. Новикова), т.е. тех лексических средств, которые содержатся непосредственно в самом тексте. Данная лексика, согласно А.И. Новикову, свидетельствует о реализации стратегии «извлечения», направленной на передачу именно содержания текста.

В Таблице 7 представлены «контртексты» испытуемого 2-й группы.

Таблица 7 – «Контртексты» испытуемого 2-й группы
(студент-переводчик гуманитарного факультета)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
<p>1. Absolutely nothing, you could waste them too. 2. Something bad is yet about to be announced; уровень жизни человечества растёт, но упомянутая страна скорее всего относится к первому миру, предложение воспринимается скептически. 3. Popular science. К 2050 тают арктические ледники. 4. Какое происхождение этой фамилии? Визуально представляется график с резким падением линии. 5. Конфетти падают, открывается занавес, мрачная статистика. 6. Inspiring speech, new possibilities. 7. Yoga, spiritual stuff, mindfulness, bright light. 8. Картинки идеальной жизни, «американская мечта», отдых с детьми в парке, собака, спорт, пикники</p>	<p>1. Два человека готовятся к прыжку, но в итоге не прыгают. Ощущение недосказанности, тайна, интрига. 2. Падение метеорита, погаснет солнце, взорвется суперновая звезда, случится катастрофа. 3. Дети сидят в кустах, тесно, страшно, любопытно. Жарко, середина лета. 4. Как в рассказе у Брэдбери про бесконечный дождь, плюс образ моря, маяка и сильного шторма. Качает деревья, под ними лужи. 5, 6. На Венере не может быть дождя, там слишком жарко и слишком много CO₂, фантастика, отчаяние, дети не видели ничего, кроме дождя. 7. Как цветок папоротника. 8. Страх, моя картина мира совсем не похожа на их, в жизни этих детей все было очень по-другому. 9. Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало. 10. Все становится еще более грустно, хочется, чтобы эта девочка вернулась на Землю. На её месте я бы хотела обратно сильнее всего. 11. Марго трудно жить среди таких детей. Это как объясняться другим языком, как язык животных для людей, которые все равно не понимают и не осознают понятий, отличных от своих. 12. Если бы это было средневековье на Земле, её бы сожгли за такое. Дети как будто беснуются, завидуют ей. 13. Она как в тюрьме. Дождь стучит по окнам, все серое</p>

Как видим, процесс восприятия в этом случае имеет совершенно иной характер. В данном случае можно говорить, что испытуемый переходит на уровень смысла, это уже «проекция сознания на текст». Его «контртекст» представляет собой размышление, «перекладывание» данной ситуации на свой жизненный опыт. Понимание текста облегчено более высоким уровнем владения иностранным языком, а также тем фактом, что данное произведение ему знакомо. Характеристики остальных «встречных текстов», полученных в данной группе, были аналогичны: образное абстрактное мышление, обилие сравнений, стилистических оборотов,

эмоциональность. Студенты-филологи готовы к восприятию художественного текста на иностранном языке. Процесс восприятия шел параллельно с узнаванием. След в цепочке нейронных связей активизировал прошлый опыт, что привело к более активной свободной интерпретации текста. В формулировке реакций преобладает «экзо-лексика» (также термин А.И. Новикова – «отстраненная лексика, выражающая определенные концепты»), что, согласно его теории, и свидетельствует о переходе на смысловой уровень. Характерные виды реакций для данной группы реципиентов: ассоциация, визуализация, интертекст, мнение и ориентировка.

В Таблице 8 представлены «контртексты» испытуемого 3-й группы.

Таблица 8 – «Контртексты» испытуемого 3-й группы (инженер)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
1. Это какой-то слоган! Реклама витаминного препарата? 2. Япония? 3. Статья, видимо, научная. 4. Ну так и есть, это же Америка, у них неблагоприятные условия, неправильное питание. 5. Все про Америку верно, поколение гаджетов и Макдоналдса. 6. Разнообразить, изменить жизнь, измениться самому. 7. Все в твоих руках, каждый решает, что делать со своей жизнью. 8. Правильные слова. Я их поддерживаю. Добавил бы отсутствие алкоголя	1. Спортивное состязание. 2. Упадет метеорит? 3. Солнечное затмение? 4. Безысходность. Вспомнил фильм «Интерстеллар». 5. Венера что ли? На Венере жить точно нельзя. Там метановые дожди! 6. Они, наверное, жалеют, что прилетели на эту планету. 7. Представляю, как ребенок стоит возле доски с листком и описывает то, что никогда не видел. 8. Я теперь понял, что это девочка! 9. Печально! Безысходность. 10. Мне стала ясна причина ее грусти. Она лишилась того, что знала, в отличие от тех, кто не был на Земле. 11. Она была одна, потому что они друг друга не понимали. 12. То же самое. 13. Значит, солнце скоро взойдет. Она в предвкушения восхода солнца

В данном случае также можно говорить о «проекции сознания на текст», т.е. переходе на смысловой уровень. Однако «контртексты» этой группы испытуемых отличаются от «встречных текстов» студентов-филологов. Определяются иные характеристики, а именно краткость, точность формулировок, простые синтаксические конструкции, интерпретация содержания текста с научной точки зрения. Можно предположить, что такое восприятие текста объясняется техническим

складом ума специалиста, возможно, отсутствием интереса к заданию и сложностью в понимании текста на неродном языке. Как мы видим из анализа, в процессе восприятия также существенную роль играют знания специалиста. Скептицизм, сдержанность эмоций и соответственно лаконичность в употреблении языковых средств – основные характеристики «контртекстов» этой группы испытуемых. Возможно, при восприятии текста активизируется доминантный очаг реципиента, ответственный за научную картину мира. Доминирующие реакции в этой группе испытуемых: генерализация, констатация, ориентировка. Полученные в результате эксперимента данные позволяют заключить, что гипотетически мы можем говорить о некой коллективной доминанте, благодаря которой у испытуемых, принадлежащих одной социальной группе, формируется в какой-то степени общий смысл прочитанного.

Данный эксперимент был проведен согласно классической методике, разработанной А.И. Новиковым. На итоговом этапе психолингвистических экспериментов была проведена небольшая модификация процедуры и внесены изменения в классификацию реакций. Также было решено привлечь к исследованию в качестве испытуемых студентов ПНИПУ, обучающихся на разных направлениях подготовки, и отследить проявление принципа доминантности в этих условных группах реципиентов, отобранных по профессиональному признаку.

3.3. Второй этап психолингвистического эксперимента

3.3.1. Эксперимент на материале статьи «Microsoft's Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language»

Процедура эксперимента включала в себя несколько этапов: подбор текстового материала, соответствующего задачам исследования, выбор группы реципиентов технического и гуманитарного профиля, сбор и анализ полученных данных.

1. Подбор текстового материала, соответствующего задачам исследования. Критериями отбора послужили следующие аспекты: небольшой объем, текст на английском языке (иностраный язык, как уже отмечалось, играет роль своего рода барьера, который замедляет протекание процесса понимания и тем самым позволяет

исследователям проследить некоторые наиболее характерные моменты), а также тематика, которая в некоторой степени коррелирует с профессиональной деятельностью студентов обоих профилей. Нами была выбрана небольшая статья, представленная на интернет-портале Futurism, посвященном описанию новейших технологических разработок, – «Microsoft’s Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language» («Технологии компании Microsoft позволят вашей голограмме заговорить на иностранном языке»¹⁶). Основная идея статьи: компания Microsoft на конференции Microsoft Inspire показала голограмму-переводчика, созданную для очков дополненной реальности HoloLens 2. Голограмма в точности копировала внешность говорящего и переводила речь с английского языка на японский голосом докладчика. Статья интересна тем, что в ней публицистический рекламный текст переплетается с научно-популярной терминологией.

2. Испытуемые: в эксперименте участвовало 20 студентов гуманитарного профиля (Лингвистика. Перевод) и 20 студентов технической специализации (электротехнический факультет (ЭТФ) – IT-направление), обучающихся на момент проведения эксперимента в магистратуре ПНИПУ (с целью соблюдения единства терминологии при представлении данных в таблицах и графиках условно обозначим их как студенты гуманитарного и технического профиля). Необходимым условием для участия в эксперименте являлось владение английским языком на уровне не ниже B1 с целью более объективного представления полученных результатов. Для определения уровня владения языком на подготовительном этапе эксперимента были проведены стандартные тесты (Cambridge Assessment English).

3. Проведение эксперимента: непосредственная работа с испытуемыми занимает 15–20 минут. Студентам предъявляется лист с распечатанной инструкцией и текстом для восприятия (текст, как уже упоминалось, разделен на небольшие смысловые отрезки, которым присвоены номера). Реципиенты последовательно читают предложения, не забегая вперед, и записывают на отдельном листе буквально «все, что приходит им в голову»: ассоциации, воспоминания, идеи, вопро-

¹⁶ Перевод наш – А.К.

сы и т.д. В результате было получено 440 реакций и 40 контртекстов соответственно. Ниже представлены примеры¹⁷.

Предложение – стимул 1: You no longer need to speak another language to look like you're fluent in it – to anyone, anywhere.

Реакция студента гуманитарного профиля: 1. *Потому что я везде могу чувствовать себя как дома.*

Реакция студента технического профиля: 1. *Зачем я должен этого хотеть?*

Предложение – стимул 2: On Wednesday, Microsoft executive Julia White took the stage at the company's Inspire partner conference to demonstrate how it's now possible to not only create an incredibly life-like hologram of a person but to then make the hologram speak another language in the person's own voice.

Реакция студента гуманитарного профиля: 2. *Фантастика!*

Реакция студента технического профиля: 2. *При чем тут среда? Нельзя было указать дату? Голограмма – некорректное использование термина. Голограмма не может говорить.*

Предложение – стимул 3: This demo was possible thanks to a combination of two existing technologies – mixed reality and neural text-to-speech – and it foreshadows a future in which tech greatly diminishes existing barriers in human communication.

Реакция студента гуманитарного профиля: 3. *Современные технологии не знают границ.*

Реакция студента технического профиля: 3. *Демо ничего не доказывает, это просто реклама. Озвучивателей текста существует огромное количество.*

Очевидно, что реакции, полученные от разных реципиентов, отличаются значительно. Сравнительный анализ позволяет сделать предварительные выводы о том, что студенты гуманитарного профиля выражали больше энтузиазма по поводу информации, полученной из предъявленного текста, при этом студенты технического направления подготовки показали своего рода скептицизм и отнеслись к тексту и к этим данным с недоверием. Важным представляется тот факт, что в рамках одной целевой группы было обнаружено определенное сходство.

¹⁷ Здесь и далее в «контртекстах» сохранен авторский стиль, пунктуация и орфография.

4. Анализ результатов. Все полученные реакции распределялись по видам, а далее высчитывалось процентное соотношение каждого типа реакций к общему количеству. На последнем этапе высчитывались доминантные (т.е. характерные для этой группы) типы реакций во обеих группах испытуемых, которые, на наш взгляд, являются проявлением того, что А.А. Ухтомский называл «господствующим очагом возбуждения». Для данного этапа эксперимента было решено в незначительной степени модифицировать принципы распределения реакций по типам, некоторые из них были объединены в одну группу, другие, наоборот, конкретизированы. В частности, для целей эксперимента мы посчитали возможным разделить вид реакции «оценка» и «мнение» на положительную и отрицательную.

Итак, классификация реакций выглядит следующим образом.

1. Ассоциация – реакция, которую нельзя прямо соотнести с содержанием предложения-стимула. Тип реакции, в котором вербализованы воспоминания, визуализации, сравнения, все то, что возникает в сознании, но не имеет причинно-следственных связей с содержанием отрывка. Лексические средства, стандартные для данного типа реакций: будто, как, словно, вспоминается, на ум приходит и т.д. Также в «ассоциацию» мы включили реакцию «интертекст» по классификации А.И. Новикова. Примеры:

– *Напоминает историю из одной компьютерной игры.*

– *Уайт в зеленом, обтягивающем костюме на фоне зеленых стен, съёмочная команда старается сдерживать смех.*

– *Вспоминается, как дедушка читал мне сказки на ночь.*

2. Вывод/генерализация – сокращение содержания предложения до более общего значения, генерализация. Иногда банальное высказывание. Примеры:

– *Понимание другого языка без его знания.*

– *Это значит, что мы даже не будем замечать разницы в языках, все будет переводиться автоматически.*

3, 4. Мнение (согласие/констатация «+» и несогласие/критика «-») – как правило, личное отношение субъекта к сказанному в предложении. Более развернутое в сравнении с оценкой. Примеры:

– Наблюдая, как развивается искусственный интеллект, становится интересно и немного страшно, что способные люди могут воспроизвести внешность, мимику и голос существующего или несуществующего человека программой, написанной за полгода.

5. Ориентировка (предложения в вопросительной форме, уточнение или риторический вопрос-возглас). Примеры:

– *А в жизни-то как это будет работать?*

– *Почему больше не нужно добиваться свободного владения иностранного языка? Связано ли это с каким-то изобретением?*

6, 7. Оценка «+/-» (позитивная/негативная) реакция, связанная с оценкой воспринимаемой информации из стимульного отрывка (короткие ответы, иногда с восклицательным знаком). Примеры:

– *Забавно!*

– *Это круто!*

– *Это уже плохая новость.*

8. Перевод/перефразирование – это переформулировка содержания предложения-стимула с использованием других языковых средств, иногда в более краткой форме, что может рассматриваться как пересказ первоначального предложения «своими словами». В нашем случае мы относим к переводу также реакции, где английские фразы переданы русскими эквивалентами без какой-либо интерпретации. Примеры:

– *Представьте, что вы можете послушать мирового лидера или выдающегося ученого прямо у себя дома на понятном вам языке.*

– *Эта технология убирает многие барьеры между докладчиком и слушателем.*

9. Прогноз/предположение – это суждение о будущем или прошлом. Предложение может содержать слова «вероятно», «возможно» и может быть представлено в форме вопроса, в условном наклонении, в простом будущем времени. Примеры:

– *Кажется, это в будущем заменит смартфоны, и не нужно будет постоянно носить с собой кучу гаджетов.*

– *Переводчик может исчезнуть?*

– Это новое будущее, в котором не надо будет встречаться очно, общение будет происходить посредством голограмм.

В процессе анализа и распределения всех реакций по группам нами было принято решение ввести еще два дополнительных наименования: «размышление» и «актуализация профессиональных знаний» реципиента.

10. Размышление – наиболее вербально развернутая реакция. В случае, если у реципиента нет однозначного мнения, он сомневается и начинает размышлять по поводу проблемы. Мысли «вслух» на абстрактную тему.

«Конечно же создание таких условий общения – это какая-то фантастика. Представляю себе какой-то из голливудских фантастических фильмов, но в дубляже на русский, где у зарубежных коллег нет никакого национального акцента. Больше всё-таки нравятся фильмы в оригинале, потому что можно считать больше деталей из разговора. К тому же неужели нейролингвистические технологии уже настолько совершенны, а наш современный разговорный язык настолько прост, что будет устанавливаться однозначное соответствие между сказанным? Ведь люди могут забывать о потребности перевода, использовать локальные понятия или оперировать некими культурными особенностями... будут еще какие-то комментарии выводиться в связи с этим?»

11. Актуализация профессиональных знаний (узнавание) – реципиент отмечает, что уже знаком с данной проблематикой и демонстрирует свои знания и опыт в этой области.

«Опять “голограмма”, посмотрите в словарь! Голограмма – метод регистрации информации, основанный на интерференции волн, она неподвижна, видна как-бы внутри материала, на который записана».

В Таблице 9 представлен квантитативный анализ реакций реципиентов двух групп. Для каждого из этих типов реакций были получены количественные показатели, характеризующие процент их частоты во всем наборе вербализованных реакций реципиентов данной группы. Для текста «Microsoft's Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language» распределение типов реакций по этим количественным показателям представлено на Рисунке 3.

Таблица 9 – Квантитативный анализ реакций реципиентов двух групп на предъявляемые стимулы

Виды	Реакции студентов гуманитарного профиля на стимулы (220 реакций)														Реакции студентов технического профиля на стимулы (220 реакций)													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Σ	%	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Σ	%		
№ стимула																												
Ассоциация	4	2	4	2	3	6	1	2	3	6	0	33	15	1	1	2	2	3	1	0	2	1	1	0	14	6		
Вывод	6	8	5	4	3	0	4	6	5	2	1	44	20	2	2	6	4	3	4	4	4	5	1	2	37	17		
Мнение «+»	0	4	1	3	2	2	4	1	0	0	5	22	10	0	2	1	2	0	0	3	3	0	0	11	5			
Мнение «-»	0	0	1	2	0	0	1	0	2	0	0	6	3	4	3	2	5	3	5	5	5	6	5	3	46	21		
Оценка «+»	3	4	3	1	0	2	1	2	0	3	7	26	12	3	2	1	0	3	2	1	2	2	0	2	18	8		
Оценка «-»	1	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	4	2	1	3	2	2	3	0	2	0	2	3	4	22	11		
Ориентировка	2	0	1	2	1	3	1	2	1	2	1	16	7	3	1	1	2	1	0	1	1	0	0	10	5			
Перевод	4	2	3	3	2	6	1	4	6	3	1	35	16	0	3	2	3	1	4	1	1	0	0	4	19	9		
Прогноз	0	0	1	0	4	0	3	2	0	2	3	15	6	2	2	1	0	1	2	1	0	2	6	0	17	7		
Размышление	0	0	1	0	2	1	2	1	3	1	0	11	5	2	1	1	0	0	1	1	2	2	0	2	12	5		
Проф. знания	0	0	0	2	2	0	1	0	0	1	2	8	4	2	0	1	0	2	1	1	0	0	4	3	14	6		

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ ДЛЯ ТЕКСТА
«Microsoft's Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language»

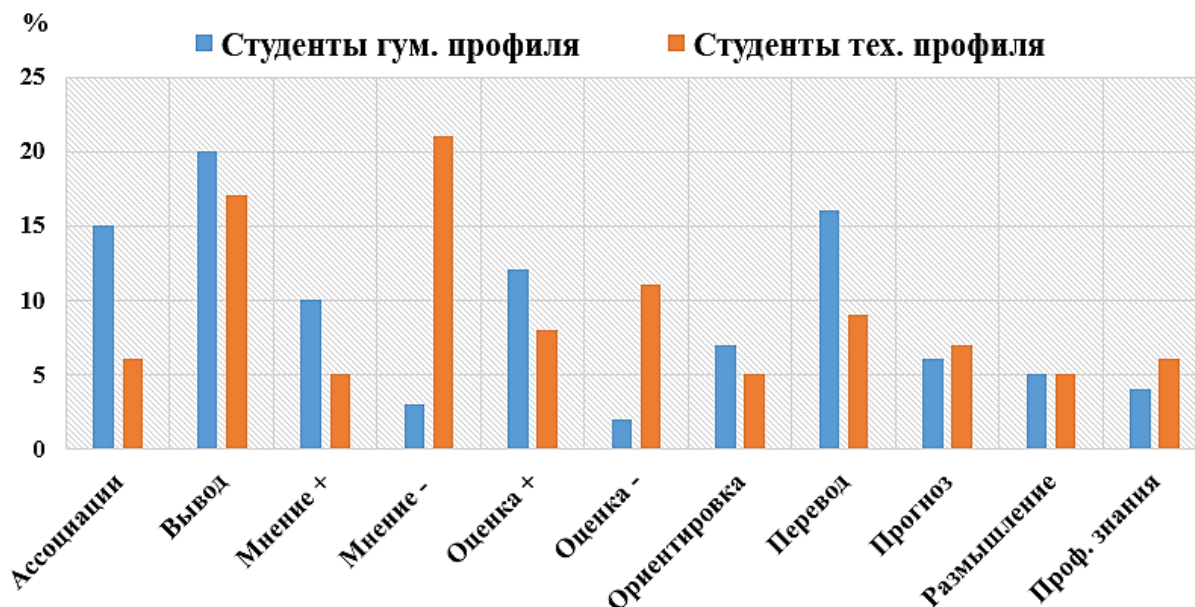

Рисунок 3 – Процентное соотношение типов реакций для статьи
 «Microsoft's Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language»

Как видно из гистограммы, некоторые виды реакций преобладают в группе студентов технической направленности, а некоторые более характерны для переводчиков. Доминантные виды реакций в группе студентов, обучающихся на лингвистическом направлении: вывод (20 %), перевод/перефразирование (16 %), ассоциация (15 %). По классификации А.И. Новикова они входят в категорию «содержательных». На наш взгляд, такое распределение реакций объясняется тем, что данные реципиенты не обладают профессиональными знаниями в сфере новейших технологий, поэтому они при выполнении задания остались на уровне «содержания» (в нашей работе под содержанием понимается фрагмент действительности /сама действительность).

В случае студентов технических специальностей (IT-направление), мы видим, что испытуемые при выполнении задания выходили на более высокий «смыслообразовательный уровень» (смысл – это оценка об этой действительности или мысль о ней), что отражено в доминантных видах реакций, представленных в их «контртекстах»: высказывание собственного развернутого мнения по вопросу, причем преимущественно отрицательного (21 %), т.е. реципиенты из группы инженеров скептически отнеслись к рекламному тексту и идеям, выдвигаемым в нем. Реакция «мнение» входит в категорию «релятивных».

Полученные данные позволяют сделать предварительный вывод о том, что, несмотря на сугубо индивидуальный характер понимания, принадлежность человека к той или иной профессиональной группе задает направленность восприятия, о чем и писал А.И. Новиков: «Смысл – это внутреннее, личностное, но которое может быть и общим через общее переживание жизни, быт, культуру» [Новиков 2007: 134]. Проанализировав результаты, полученные в ходе предыдущих экспериментов, мы приняли решение немного расширить анализ, а также разработать специальный рабочий лист для удобства работы экспериментатора и испытуемых, а также более прозрачного представления результатов.

3.3.2. Эксперимент на материале статьи

«An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy»

Эксперимент проводился по тому же алгоритму, что и предыдущие. В качестве испытуемых для финального эксперимента были также выбраны группы студентов (бакалавров и магистрантов), обучающиеся в ПНИПУ на базе гуманитарного (бакалавры 4-го курса кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода) и электротехнического факультетов (магистранты, обучающиеся по следующим программам: информатика и вычислительная техника, управление в технических системах, автоматизированные системы обработки информации и управления, информационная безопасность, инфокоммуникационные технологии и системы связи и т.д.). Таким образом, были сформированы две условные группы: гуманитарного (переводчики) и технического профиля (IT-специалисты), включающие в себя по 30 человек соответственно.

По возрастному принципу количественное распределение реципиентов показано на Рисунке 4. Эксперимент был проведен на группе студентов возрастом от 20 до 27 лет, большее число участников приходится на возраст 20–22 г. (88 % всех респондентов). На Рисунке 5 представлена гендерная принадлежность студентов-переводчиков (60 % реципиентов женского пола, 40 % – мужского) и студентов технического направления (57 % испытуемых мужского пола, 43 % – женского). Таким

образом, мы можем утверждать, что достигнута некая однородность в выборке испытуемых по гендерному и возрастному признаку.

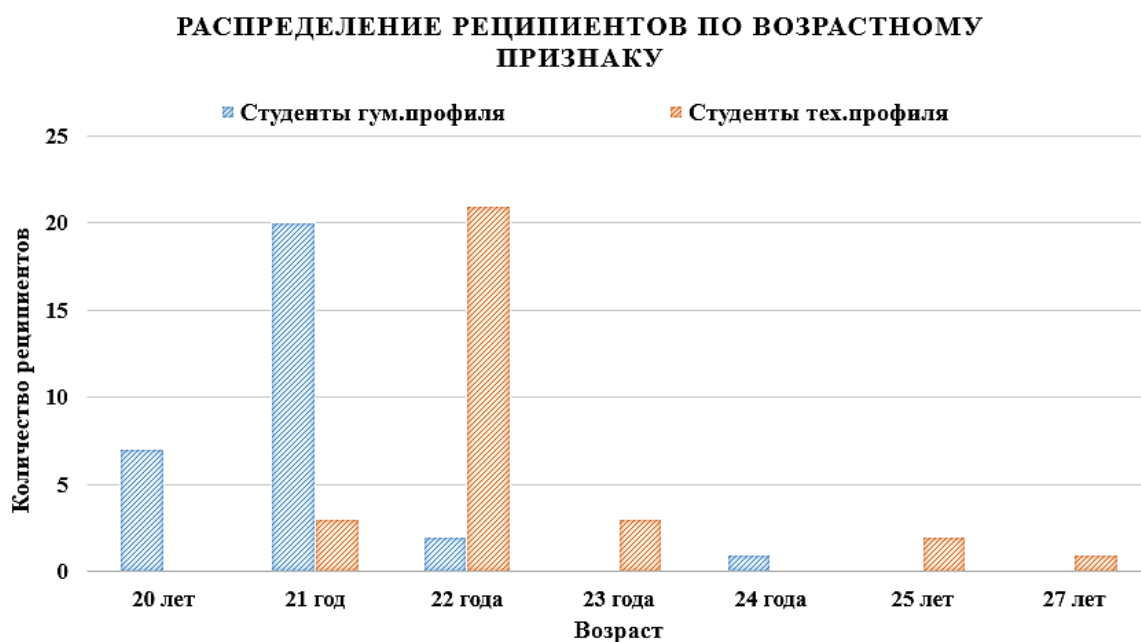

Рисунок 4 – Количественное распределение реципиентов по возрастному признаку

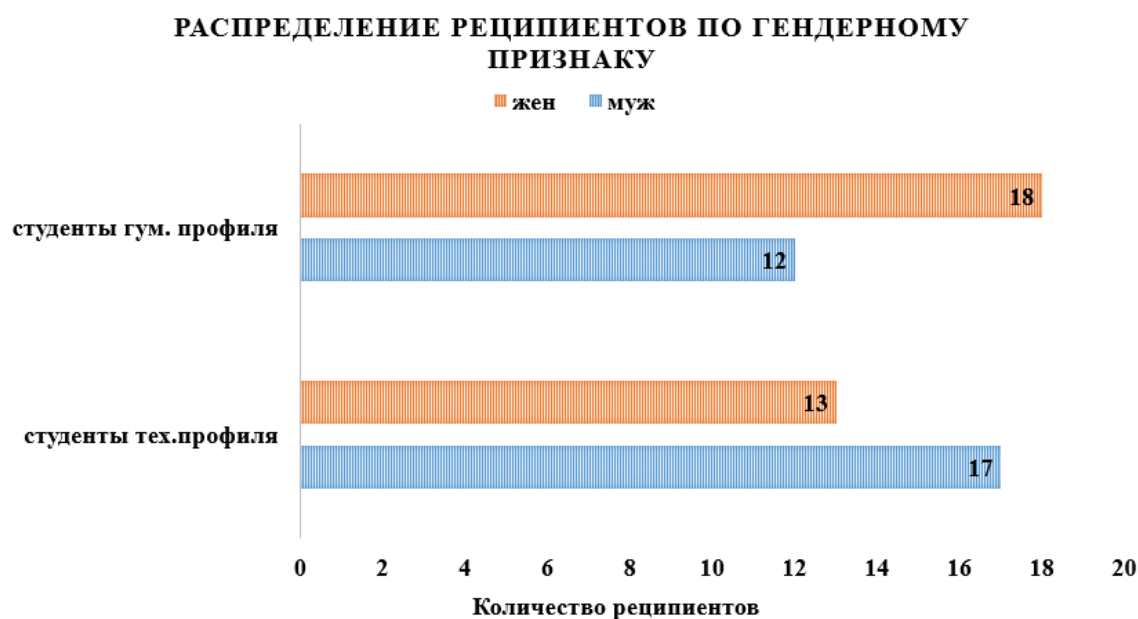

Рисунок 5 – Количественное распределение реципиентов по гендерному признаку

Целью эксперимента являлся сравнительный анализ «контртекстов», полученных от двух условных групп, количественный анализ всех полученных реакций и выделение доминантных типов, характерных для представителей той или иной группы, выделенной по аспекту профессиональной подготовки.

Материалом для проведения эксперимента послужил адаптированный нами текст статьи «An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy» («Картина, созданная искусственным интеллектом, выиграла конкурс. Художники в замешательстве»¹⁸) [Roose 2022], опубликованной на сайте The New York Times 2 сентября 2022 г., автором которой является Кевин Руз (Kevin Roose) – журналист, технологический колумнист и автор статей для колонки The Shift в вышеназванном издании. Его колонка посвящена описанию аспектов конвергенции искусственного интеллекта (ИИ), новейших технологий, бизнеса и социума в условиях современной неопределенности.

Статья представляет интерес прежде всего актуальностью темы и противоречивостью представленной проблематики с точки зрения этики. В ней говорится о ежегодном конкурсе изобразительного искусства, проходящим в Колорадо. В 2022 г. в одной из номинаций (digital art – цифровое искусство) выиграла картина под авторством Джейсона Аллена «Théâtre D'opéra Spatial». Позднее выяснилось, что данное произведение было создано с помощью Midjourney – алгоритма ИИ, функционал которого заключается в преобразовании текста в изображение.

Здесь было бы уместно сделать небольшую ремарку о принципе работы этой программы: конечный результат зависит от языка, на котором сгенерирован текстовый запрос. Наиболее точные изображения, по мнению пользователей, получаются при использовании английского языка. На одном из интернет-порталов можно найти статью, в которой описывается ситуация, когда один текстовый запрос «Девушка смотрит на закат» был сформулирован автором на пяти разных языках: английском, русском, китайском, корейском, японском. Удивительно, но Midjourney выдал совершенно разные изображения на все пять запросов, некоторое сходство можно было выделить только в картинах на базе китайского и корейского текста (т.е. ИИ принимает в расчет отличия, заложенные в менталитете представителей той или иной культуры)¹⁹.

¹⁸ Перевод наш – А.К.

¹⁹ Как пользоваться Midjourney или как не потратить впустую 25 круток (полный гайд). [Электронный ресурс]. – URL: <https://dtf.ru/s/595875-neyro-iskusstvo/1299811-kak-polzovatsya-midjourney-ili-kak-ne-potratit-vpustuyu-25-krutok-polnuu-gayd> (дата обращения: 12.01.2023).

Основной вопрос, поднимаемый в статье, этично ли присуждать награду «художнику» за работу, созданную искусственным интеллектом, и сможет ли ИИ заменить человека в сфере искусства? Текст содержит:

– лексику продвинутого уровня владения языком B2-C1 (*capable of conjuring, borderline magic, recoiled, backlash, indictment*);

– терминологию сферы искусственного интеллекта (ИИ) и информационных технологий (ИТ) (*hyper-realistic graphics, DALL-E 2, Midjourney, Stable Diffusion, digital image-manipulation tools, digital editing tools, computer-assisted design programs*);

– оценочную лексику (*impressed, nothing new, defended, beneficial, declined, how wonderful would it be to, accused him of, understandably, empathized*);

– лексику, усиливающую эмоциональное воздействие на читателя: метафоры, эпитеты, сравнения, образные выражения, просторечные фразы (*setting off a fierce backlash, generated fierce debates, a high-tech form of plagiarism, the bot spits back an image seconds later, demonically inspired, like some otherworldly force, this is so gross, saw as a debasement of human artistry*).

Особенность синтаксического аспекта текста заключается в обилии прямой и косвенной речи, основная масса предложений в Past и Present Simple, в активном и страдательном залоге. Также стоит упомянуть об абзацном делении: автор выделяет в отдельные абзацы смысловые отрезки в 2–3 предложения (подобное деление упрощает для нас адаптацию текста к процедуре эксперимента).

Исходя из относительной сложности текста для восприятия и понимания, было решено привлечь испытуемых с уровнем владения английским не ниже B2. Процедура эксперимента стандартная: экспериментатор выдает инструкцию в письменном виде и дублирует ее устно. Для этого эксперимента мы решили немного модифицировать процедуру, таким образом, в эксперимент входило три этапа.

1. Реципиентам на экране показывали картину, созданную ИИ, не давая при этом никаких комментариев, что это за произведение. Испытуемым было необходимо записать, о чем они думают, когда смотрят на эту картину. Это было сделано с целью включения механизмов антиципации, предвосхищения и смысловой

догадки. Интерес представляла реакция, сопровождающая момент своего рода «озарения», когда при последовательном предъявлении текста испытуемые вдруг понимали, что ранее они видели именно ту картину, о которой говорится в статье.

Ниже приведены примеры некоторых реакций на изображение (здесь и далее: Г – гуманитарный, переводческий профиль, Т – технический, IT).

T1 – Пытаюсь понять, что происходит в этом зале? Чем занимаются все эти люди? Что это за место? Что-то похожее на древнюю церковь.

T2 – Высокие потолки с художественным оформлением, обезличенные человеческие фигуры, похожие на манекенов и огромный портал в неизвестные людские миры. Интерьер напоминает лавку портного. Кругом развешаны красивые одеяния. Меня посещают мысли о божественной природе фигуры в центре. Всё это похоже на место, где создаются новые человеческие души, отправляемы через этот портал в мир людей.

T3 – Пейзаж дневного Марса в окне, на который смотрит королева в белом платье, думаю это недалекое будущее, в котором развитие цивилизации пошло сначала, и в данный момент оно на эпохе возрождения.

T4 – Первое, о чем я подумал, был "стимпанк" – направление в научной фантастике. Как будто окно – это большой экран, транслирующий что-либо. Но интерьер и внешний вид людей прямо намекает на времена далекого прошлого. Второе, о чем подумал – старинный город. Первое с чем произошла ассоциация – Вавилон, затем город Римской империи, Константинополь и несколько других, у которых не вспомнил название. Также, сразу вспомнился фильм «Джон Картер» 2012 г. Придворные дамы были в похожих одеяниях

T5 – Картина вызывает какие-то позитивные эмоции, чувство спокойствия, что это окно (круг), в светлое будущее, что скоро все устаканится и все будет хорошо, я думаю это связана с моими переживаниями.

T6 – В голове играет классическая музыка и представляется роскошный бал XVIII века.

T7 – Смотря на данную картину чувствуется дух магии и волшебства, но при этом и реальный мир, так как картина описывает еще и то, что выход из тьмы, луч света, есть всегда – это символично показано в виде «круглого святя-

щегося мира», будто подтверждая, что выход действительно всегда есть. Люди смотрят в это «окно», как на мечту, и будто чувствуется их дикое и уверенное желание идти к этой мечте.

Г1 – Картина похожа на королевские покои, а через большое окно (?) можно увидеть весь город, который напоминает Асгард – город из Скандинавских мифов.

Г2 – У меня возникают ассоциации, связанные с фильмом фэнтези, где были похожие пейзажи и декорации с красочными костюмами и порталами через пространство.

Г3 – Приятные ощущения, бал 19 века, красивая одежда, преобладание красного цвета привлекает внимание. Красный ассоциируется с любовью, уверенностью и богатством. Огромное окно ассоциируется со свободой, красивый пейзаж и уютная атмосфера помещения сильно контрастируют.

Г4 – Я одновременно представляю и прошлое, и будущее. Картина и размытая, и четкая. Мне кажется, что ее создал не человек.

Г5 – Висячие сады Семирамиды.

Г6 – Красота, эстетичность и элегантность. Яркие и темные цвета сразу цепляют взгляд. Появляется сравнение с античной эпохой, российской библиотеки 19-го века или же книга жанра фэнтези. Хочется помечтать и почитать свою любимую книгу в подобном месте, наслаждаясь ее атмосферой.

Г7 – Мне сразу вспоминается фильм «Дюна» по одноименному роману Фрэнка Герберта. Что-то за пределами нашей реальности, что-то неземное.

Представленные примеры дают яркую картину субъективности восприятия. Сложность задания состояла в том, что реципиентам было необходимо быстро (за 1–2 минуты) записать те мысли, которые возникли в их голове при просмотре картины. Процесс понимания здесь включал переход от одной знаковой системы к другой: от языка живописи, основными инструментами которого являются цвет и экспозиция, к языку вербальному, с помощью которого испытуемые излагают свои мысли. Мы провели анализ полученных реакций на изображение и выявили семантическое ядро, т.е. наиболее часто используемые слова для описания своих

ассоциаций (брали в расчет и падежные формы слов). Результаты представлены в Таблице 10.

Таблица 10 – Семантическое ядро реакций на предъявленное изображение

Студенты гуманитарного профиля	Процент реакций, содержащих данное слово	Студенты технического профиля	Процент реакций, содержащих данное слово
1. Картина	33	1. Картина	40
2. Фантастика	23	2. Окно	40
3. Окно	20	3. Мир	36
4. Красивый	20	4. Будущее	23
5. Мир	20	5. Чувство	23
6. Цивилизация	17	6. Вид	23
7. Космос	13	7. Фантастика	20
8. Религия	10	8. Девушка	20
9. Бал	10	9. Дворец	10
10. Портал	10	10. Портал	10

В результате количественного анализа становится ясно, что в целом можно выделить схожие образы, возникшие в сознании представителей обеих групп при восприятии этого изображения: *картина, фантастика (или фэнтези), окно, мир, портал*. Выделение в список наиболее частотных слов именно этих лексических единиц представляется очевидным, так как они соответствуют изображенным на картине объектам (на что указывает и слово «картина» как наименование самого объекта). Интерес представляют слова, не находящиеся в непосредственной связи с композицией картины, но все же довольно часто встречающиеся в ответах испытуемых. К примеру, в ответах затрагивается тема религии и вероисповедания, в реакциях выделяются слова: *храм, церковь, божественная природа, высшие силы, Библия* и т.д. Также прослеживается тема космоса, внеземных цивилизаций, путешествий в другие миры и вселенные: *портал в альтернативную реальность, внеземные империи, цивилизация с другой планеты, ощущение космоса и бесконечности* и т.д.

В реакциях некоторых испытуемых преобладают разного рода ассоциации с фильмами, литературными произведениями: *вспомнился фильм «Джон Картер» 2012 г., фильм «Дюна», как скриншот из фильма про древние восточные цивилизации, вспоминаются современные фэнтези-сериалы, компьютерные игры подоб-*

ной тематики. *Висячие сады Семирамиды, Асгард из скандинавских мифов, Star Wars.*

Общей чертой некоторых реакций можно обозначить попытку соотнести композицию с какой-либо исторической эпохой: *роскошный бал XVIII в., российская библиотека XIX в., бал XIX в., Средние века, средневековая Европа и стиль барокко, Вавилон, город Римской империи.* Также во многих ответах прослеживается дихотомия: *старый – новый, древний и современный, прошлое и будущее.*

Среди ощущений, которые картина вызвала у реципиентов, выделяются: *спокойствие (покой, умиротворение), надежда, любовь, восторг, противоречивые чувства, приятные ощущения, загадочность, интерес.*

Испытуемые не оставляют без внимания и колорит²⁰ картины: *обилие темных цветов подкрепляет данный антураж (загадочности), красный ассоциируется с любовью, яркие и темные цвета цепляют взгляд, контраст темного помещения и яркого света от окна, стены украшены «зловещими» красными занавесками, отсутствует текстура красок или холста.*

Отдельно хотелось бы выделить, что несколько испытуемых были знакомы с данной темой или уже использовали нейросети для создания изображений на основе текстовых запросов, поэтому они без труда догадались о «нечеловеческой» природе этой картины: *похоже на картину, созданную нейросетью, с виду красиво и элегантно, но, если присмотреться, детали непонятны.*

Таким образом, анализ реакций, полученных при показе изображения, позволяет нам заключить, что уже на этом предтекстовом этапе, можно выделить характерные для той или иной профессиональной группы черты восприятия зрительных образов и определить некоторые различия, свойственные для каждого отдельно взятого испытуемого и группы в целом.

2. Следующим этапом является сравнительный анализ «контртекстов», полученных от студентов-переводчиков и от магистрантов электротехнического фа-

²⁰ Колорит – это общая эстетическая оценка цветовых качеств произведения искусства, характер взаимосвязи всех цветовых элементов произведения, его цветовой строй.

культета, и распределение всех реакций по видам. Ниже приводятся примеры полученных «контртекстов».

«Контртекст» студента-переводчика (м.²¹, 21 год)

1. *Отрывок написан стандартно и безэмоционально, поэтому не вызывает особый душевный отклик.*

2. *Каким образом художник выдал картину нейросети за свою?*

3. *Справедливо ли давать приз производству бездушной машины?*

4. *Возможно, художник делал это ради эксперимента, или у него просто нет совести.*

5. *Интересно, какие слова в запросе легли в основу картины Midjourney,*

6. *Почему настолько невероятные произведения от машины посчитались демоническими даже самим художником?*

7. *Неужели человек заменим даже в области искусства?*

8. *Справедливо ли говорить о плагиате, если машина не обладает чувством стиля?*

9. *В случае, если машина обучилась стилю, художнику придется придумывать новые ухищрения, чтобы доказывать подлинность.*

10. *В отличие от ИИ воображение нельзя использовать в корыстных целях.*

11. *В технологиях нет этики, но без нее она быстро начнет работать против людей.*

12. *Машине никогда не заменить человека, ведь искусство не про формы и стиль, а чаще всего про передачу чувств и эмоций от художника к зрителю.*

«Контртекст» студента IT-направления (м., 25 лет)

1. *Искусство не зависит от мировой политики и мировой экономики, это прекрасно.*

2. *Хочешь жить, умей вертеться.*

3. *Победителей не судят.*

²¹ М. – здесь и далее реципиент мужского пола.

4. Однозначно, недоработка организаторов конкурса, но после результатов конкурса пересматривать правила не считаю правильным, искусство конечно очень сомнительное, но Аллен прав.

5. Искусство и умение пользоваться софтом – это разные вещи, моё мнение.

6. «...как будто в этом была задействована какая-то потусторонняя сила». Алгоритмы, написанные человеком, ничего потустороннего.

7. Разработчики данных программ, да и в целом теории нейросетей – профессионалы своего дела, и, в какой-то степени даже первооткрыватели. Но если это и будет приравниваться к искусству, то необходимо создать конкурсы именно для данного вида искусства, чтобы не обесценивать живопись.

8. Отчасти они правы.

9. Очевидно, этот вопрос необходимо решать на законодательном уровне и создавать «неприкосновенные» базы данных чтобы избежать нарушений авторских прав.

10. Сколько людей, столько и мнений.

11. Всё правильно, согласен.

12. Всё просто, люди автоматизируют многие процессы, и то, что раньше мог делать человек сейчас делает автоматика, это нормально. На счёт живописи и создания картин с помощью алгоритмов, могу сказать, что это разные стили и стоит рассматривать и оценивать их отдельно. Обвинять людей, создающих картины с помощью ИИ глупо, ведь имеет место быть, допустим, электронная музыка, но это не мешает певцам проводить концерты с живым звуком и собирать тысячи человек на них.

Итак, предварительный анализ содержательного аспекта этих «контртекстов» позволяет выделить некоторые различия:

1. «Контртекст» студента-переводчика содержит большее количество просительных предложений (что в нашем исследовании будет соотноситься со стратегией «ориентировки»).

2. В целом создается впечатление, что «контртексту» студента-переводчика присуща большая эмоциональность, выраженная в следующих фразах: *справедли-*

во ли; машине никогда не заменить человека; настолько невероятные; интересно; просто нет совести.

3. «Контртекст» магистранта ЭТФ выглядит более логичным по структуре, в нем представлены более серьезные и глубокие размышления *(на законодательном уровне, недочет организаторов, избежать нарушения авторских прав).*

4. Если проанализировать последнюю реакцию в обоих «контртекстах», становится очевидной разноплановость их позиций: студент-переводчик – критика и отрицание, магистрант ЭТФ – разграничение понятий и достаточно нейтральная позиция к проблеме.

Следующий шаг, который был предпринят для доказательства выдвинутой гипотезы, – проведение сравнительного анализа всей базы полученных реакций и оценка различий в стратегиях восприятия, реализованных реципиентами. Были определены доминантные реакции среди условных групп студентов гуманитарного и технического профилей. Для выполнения этой задачи мы распределили все реакции на типы. Ниже представлены примеры (за основу взята модифицированная классификация из предыдущего эксперимента).

1. Ассоциация:

Г1: *Схоже с лекцией ученого или оратора в каком-либо университете. Хочется быть серьезной.*

Г2: *Уилл Смит: «Робот может написать симфонию?»*

Г3: *Правила созданы, чтобы их нарушать!*

Т1: *В нашем мире все циклично.*

Т2: *Как говорится, «создается не новое». Создается новое на основе старого.*

Т3: *Победителей не судят.*

Стоит отметить, что среди реакций «ассоциация» и в той и другой группе встречаются пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты героев фильмов или знаменитых людей, т.е. проявляется интертекстуальность, которая у А.И. Новикова была выделена в отдельный вид.

2. Вывод/генерализация:

Г1: *Искусство – важная часть жизни.*

Г2: *Что-то новое, инновация.*

Г3: *Описание работы программы Midjourney.*

Т1: *Одержимость.*

Т2: *Оправдание своей работы, желание защитить свое искусство.*

Т3: *Аргументы в защиту.*

Вывод или обобщение прочитанного представлено краткими реакциями, чаще содержащими некие абстрактные и более емкие понятия, способствующие компрессии и сжатию текста.

3, 4. Мнение (согласие/констатация и несогласие/критика)

Г1: *Полностью не согласен с точкой зрения Аллана насчет замещения людей роботами, т.к. для того, чтобы определенный процесс автоматизировался, нужно в первую очередь человеческое вмешательство.*

Г2: *Согласна с художниками, которые обвинили главного героя в жульничестве. Я считаю, что в таких случаях нужно устраивать отдельные соревнования, где разрешено использование вспомогательных программ.*

Г3: *Это действительно так. Чтобы подобрать нужные слова, для того, чтобы нейросеть создала красивый рисунок, потребуется много усилий.*

Т1: *Парень был достоин участвовать в конкурсе, так как прогресс не стоит на месте, и современная 3Д графика тоже является видом искусства.*

Т2: *Пожалуй, соглашусь с данными высказываниями. Благодаря данным программам много художников останутся без работы.*

Т3: *Не согласен! Искусство не умерло.*

Категория «мнение» представлена двумя типами. Мнение «+» – это согласие с мыслью, обозначенной в стимуле, констатация, одобрение. Мнение «-» – критика сказанного, неодобрение, несогласие.

5. Ориентировка (вопрос, уточнение):

Г1: *Почему именно голубая лента?*

Г2: *Почему при вводе слов бот выдает картинку?*

Г3: *ИИ плагиатит чужое искусство?*

Т1: *Конкурентов? Значит, рисование для себя и своего удовольствия уже ничего не значит? Обязательно нужно что-то продавать?*

T2: Можно ли считать данный способ искусством?

T3: А дальше что?

6, 7. Оценка (позитивная/негативная):

G1: Вау!

G2: Ого, а это впечатляет!

G3: Не люблю Discord!

T1: Круто! Арт конкурс с призами

T2: Очень интересно! Прочту дальше.

T3: Необычный метод!

8. Перевод/перефразирование:

G1: Работа Аллена получила награду и стала одним из первых подобных произведений. Данный участник (Джейсон Аллен) с помощью какой-то программы создал очень реалистичное изображение из текстовых предложений.

G2: Арты ИИ существуют уже очень долго, но в этом году появились более продвинутые программы.

G3: Г-н Аллен сказал, что злость художников должна быть направлена на компании, а не на людей, которые пользуются приложениями.

T1: Картина получила высокую оценку, но другие художники были с этим не согласны.

T2: По мнению многих художников, если ты используешь программы в качестве инструмента, ты не можешь называть себя художником.

T3: Аллена пригласили в чат Discord для тестирования Midjourney, чтобы убедиться в корректности выполнения работы.

9. Прогноз/предположение:

G1: Скорее всего картинка, представленная нам в первом задании, тоже была создана в Midjourney.

G 2: Вероятно, в будущем мы услышим еще много об этом человеке.

G3: Возможно, художник делал это ради эксперимента или у него просто нет совести.

T1: Если действительно правила не были нарушены, то он выиграл.

T2: Allen оказывается молодой. Думал ему под 70.

T3: Прочитал 6 раздел, задумался, что Ален немного сошел с ума, хорошие программисты вряд ли бы стали сравнивать свои творения с потусторонними силами.

10. Размышление:

Г1: Критики, публика не всегда понимают своих современников. Оглядываясь в прошлое, мы вспомним десятки, сотни гениев, не признанных при жизни, раскритикованных, чьи искусство не ценилось. Спустя века – это классики, фигуры мирового масштаба, люди, чье имя на слуху у каждого.

Г2: Сложилось два мнения по данной ситуации: – во-первых, понимаю недовольных участников, ведь все их работы были выполнены ими, их руками. – но также стоит понимать, что мир развивается, и в каждую сферу приходит что-то новое, непривычное.

Г3: Возраст автора явно указывается не зря; интересно, что это возможно и в его возрасте, напротив тому, что иногда заявляют в обществе; искусственный интеллект помог ему выиграть, хотя он участвовал в чате вместе с такими же другими; невольно складывается впечатление, что ему повезло – шанс, выпавший на миллион.

T1: С одной стороны, да, правила не нарушил, так как нужно было предоставить работу, а работу он предоставил, неважно, что он ее не сам делал, но с другой стороны, он не прав, это просто обесценивает труд людей, правда они это делают для себя, но все-таки им обидно, что их обошел искусственный интеллект, а не живой человек, который трудился над своей работой.

T2: Текст был сложный, но как я понял, один из людей решил выделиться и создал свой способ рисования. Когда читал, резко стало интересно, что же такое новое придумал один из художников. Местами текст вызывает смешанные чувства, отвращение и любопытство, потому что не знал, как переводятся некоторые слова, из-за этого не было полной картины текста, но также и хотелось окончательно понять в чем все-таки смысл отрывка.

ТЗ: Очевидно, это вопрос необходимо решать на законодательном уровне и создавать «неприкосновенные» базы данных, чтобы избежать нарушений авторских прав.

11. Актуализация профессиональных знаний (узнавание):

Г1: Я знаю о подобных ботах в телеграме, которые могут выдавать картинки по ключевым словам

Г2: Хотелось бы самой испытать эту программу. Это не новая для меня вещь, я видела много примеров работы ИИ в интернете, но лично не пользовалась.

Г3: Как-то я уже переводила текст по подобной тематике.

Т1: Насколько мне известно, для получения необходимого результата в подобных программах, нужно очень долго описывать, что ты хочешь получить, возможно, данные программы помогут людям реализовать в картинку именно то, что у них в голове, потому что, могу сказать, как художник, далеко не всегда выходит сделать это руками.

Т2: Интернет изначально создавался как открытая база данных, которая должна помогать людям бесплатно совершенствоваться из удобного для человека места. Если художник позволил выложить свое творение в интернет, значит он формально согласился, что посмотревший на его творение мог что-то подчеркнуть для себя.

ТЗ: Я не согласна. Так как я сама рисую в фотошопе, могу сказать, что в отличие от данных интеллектуальных программ, в фотошопе даются только инструменты для реализации идей. Очень много времени уходит на задумку, создание композиции, рисование первоначального эскиза. В общем, для конечного результата художник буквально вкладывает душу в свою картину.

В этом виде реакций проявляется принципиальное различие между группой гуманитарных студентов и студентов технического профиля: первые отмечают, что они уже видели (читали) эту новость, работали с программой; вторые – углубляются в более серьезные размышления по поводу принципов работы ИИ, интернет-технологий в целом и делятся личным опытом.

Из приведенных выше примеров видно, насколько сильно реакции отличаются даже в рамках одной стратегии, что в очередной раз доказывает неоспори-

мую субъективность восприятия информации. Проанализировав все реакции, мы предприняли попытку распределить их по видам. Всего было обработано 60 «контртекстов», содержащих в общей совокупности 720 реакций на предлагаемые стимулы. В Таблицах 11, 12 представлено количественное и процентное соотношение реакций к общему числу полученных реакций. Цветом выделены выявленные доминантные типы реакций.

Результаты количественного анализа, представленные в Таблицах 11, 12, позволяют нам прийти к следующим выводам:

1. У многих реципиентов возможно выделить ведущую или доминантную реакцию индивидуального восприятия, в Таблицах 11, 12 такие показатели выделены красным шрифтом (засчитывались количественные показатели ≥ 5). Н.П. Пешкова обозначает подобное явление как «индивидуальный набор реакций»: «Индивидуальные стратегии понимания текста во многом определяются таким механизмом, который мы назвали “индивидуальным набором реакций”, возникающих в сознании реципиента на протяжении всего процесса восприятия информации. Многообразие индивидуальных стратегий, используемых реципиентами при понимании текста, порождает множество смыслов, связанных с особенностями индивидуального сознания языковой личности» [Пешкова 2006].

2. Среди реакций лингвистов-переводчиков доминируют следующие типы: «ассоциация» (14 %), «мнение +» (21 %), «мнение -» (13 %). Также достаточно большой процент реакций соответствует стратегиям «перевод/перифразирование» и «оценка +». Наименьший процент соотносится с реакцией «актуализация профессиональных знаний» (2 %).

3. Наиболее распространённые виды реакций среди студентов технического профиля (ИТ) также «мнение +», «мнение -», «перевод» и «оценка +» (Рисунок 6).

Таблица 11 – Квантитативный анализ реакций студентов гуманитарного профиля (30 контртекстов = 360 реакций)

Реакция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	Σ	%	
Ассоциация	2	–	1	1	–	2	–	–	–	–	12	12	–	1	12	–	1	–	–	–	–	–	2	–	1	–	1	1	–	–	49	14	
Вывод	1	–	–	3	–	3	–	2	–	1	–	–	–	5	–	1	1	1	–	–	–	5	1	3	–	–	–	2	–	–	29	8	
Мнение «+»	3	–	2	–	4	–	2	3	5	5	–	–	3	3	–	7	3	2	2	6	1	–	3	1	5	5	5	1	–	3	74	21	
Мнение «–»	–	3	4	4	2	–	3	1	–	2	–	–	1	–	–	1	4	2	1	2	6	–	–	1	3	2	–	2	–	3	47	13	
Ориентировка	3	6	1	1	–	–	2	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	7	–	–	1	1	–	–	1	4	1	–	2	32	8	
Оценка «+»	–	1	–	–	2	–	4	5	4	–	–	–	6	1	–	–	1	3	1	1	2	–	–	–	1	2	–	–	–	–	1	35	9
Оценка «–»	–	–	1	1	1	1	1	–	–	1	–	–	1	1	–	1	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	12	3
Перевод	–	2	1	1	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	1	–	5	–	5	–	–	1	2	12	–	36	10	
Прогноз	1	–	2	–	1	–	–	1	2	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	1	1	1	2	2	1	1	2	–	3	26	7	
Размышление	1	–	–	–	2	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	2	–	–	4	–	–	1	–	1	–	–	14	4	
Проф. знания	1	–	–	1	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	2	

Таблица 12 – Квантитативный анализ реакций студентов технического профиля (30 контртекстов = 360 реакций)

Реакция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	Σ	%
Ассоциация	–	–	–	2	–	–	3	–	–	–	1	–	3	3	1	1	–	1	3	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	–	21	6
Вывод	–	–	–	–	1	2	–	6	1	4	–	3	–	3	4	–	–	4	–	–	–	–	–	–	–	9	1	–	–	4	42	12
Мнение «+»	2	1	3	3	5	–	4	1	3	1	4	4	1	3	2	4	2	2	2	4	3	–	–	6	1	–	3	–	–	4	68	19
Мнение «–»	2	1	4	2	2	1	2	–	2	–	1	1	1	–	5	3	3	–	1	2	–	5	–	4	1	–	1	–	–	3	48	13
Ориентировка	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	4	–	–	1	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	12	3
Оценка «+»	1	2	3	1	3	–	–	–	2	4	–	2	2	–	–	1	–	2	–	–	2	1	9	–	–	3	–	8	–	–	46	13
Оценка «–»	–	1	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	2	3	–	–	–	1	4	–	–	15	4
Перевод	–	–	–	–	–	9	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	7	2	1	1	2	–	–	–	7	–	1	–	12	–	45	12
Прогноз	2	3	2	1	1	–	1	1	1	–	2	2	–	2	–	2	–	–	1	1	1	2	–	1	2	–	1	–	–	–	29	8
Размышление	3	1	–	1	–	–	2	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	3	2	1	–	–	–	–	2	–	–	1	22	6
Проф. знания	–	2	–	2	–	–	–	–	2	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	2	–	–	–	12	3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ ДЛЯ ТЕКСТА
«An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy»

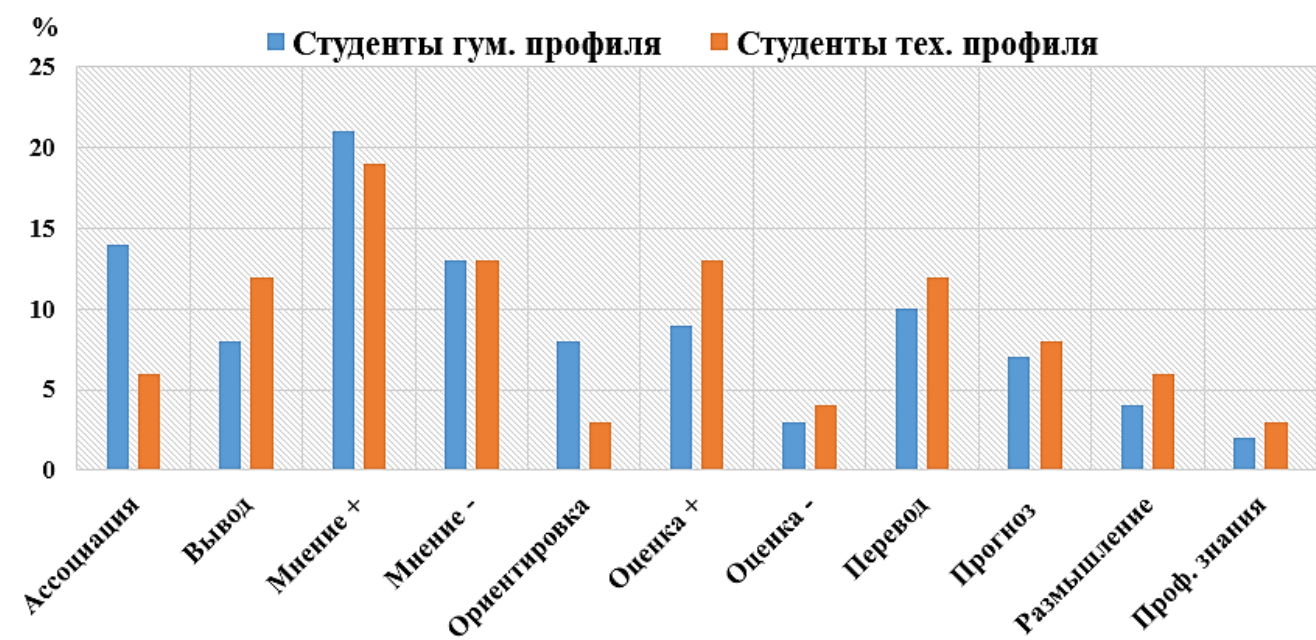

Рисунок 6 – Процентное соотношение типов реакций для статьи
 «An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy»

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что при преобладающей роли субъективного восприятия возможно выделить некие характерные черты механизма понимания, соответствующие той или иной группе людей, объединенных по профессиональному признаку. Так как нами не берутся в расчет возрастные и гендерные аспекты, мы можем гипотетически утверждать, что существуют некие особенности процесса восприятия и понимания, характерные для группы студентов гуманитарного (переводческого) и технического (IT) профилей.

Еще раз подчеркнем, что мы выделяем данные условные группы только на основании направления подготовки высшего образования, которое они получают на базе ПНИПУ.

Итак, отличия проявляются в том, что студенты гуманитарного профиля чаще используют реакцию «ассоциация», «мнение +» и «ориентировка», т.е. положительно реагируют на информацию, предъявляемую в виде отрывков текста или предложений-стимулов. Вероятно, подобная закономерность прослеживается в силу нескольких факторов, таких как:

1. Особенность тематики и функционального стиля текста. Публицистический текст изначально содержит языковые средства, направленные на побуждение ответной реакции у аудитории – положительной или отрицательной. Текст содержит довольно много резких высказываний, что также играет роль дополнительного стимула. Вопрос «Победит ли ИИ человеческий разум?» является одним из самых актуальных в последнее десятилетие.

2. Возможное отсутствие углубленных знаний по проблемам работы нейросетей, искусственного интеллекта и автоматизации той или иной деятельности.

3. В силу того, что студенты-лингвисты проходят подготовку по различным направлениям перевода, постоянно практикуются в этом виде деятельности, переключаясь с иностранного языка на русский, для них понимание подобных текстов упрощено, они имеют особую рабочую память, внимание и способность моментально переходить с одной задачи на другую. Для хорошего переводчика очень важна начитанность и умение проводить параллели между различными информационными паттернами. Ассоциация представляет собой вербализованную связь между отдельными фактами, событиями, предметами или явлениями, отражёнными в сознании человека и закреплёнными в его памяти. Ассоциативное восприятие и мышление человека приводят к тому, что появление одного элемента в определенных условиях вызывает образ другого, связанного с ним. Так как в данной классификации реакций категория «ассоциация» включает еще интертекстуальность, мы можем отметить богатый словарный запас и начитанность реципиентов этой группы.

«Контртексты» студентов, обучающихся по техническому профилю, содержат большой процент реакций вида «вывод», «оценка +», «актуализация профессиональных знаний», «размышление». Данный факт предположительно объясняется тем, что студенты чувствуют себя более уверенно при обсуждении новейших технологий, имеют соответствующее образование и профессиональный опыт в смежных сферах.

На следующем этапе необходимо было провести сравнительный анализ вторичных текстов, записанных реципиентами после завершения чтения (смысл и

содержание текста), и списков ключевых слов, которые также необходимо было составить каждому испытуемому.

Как было отмечено во второй главе, ключевые слова являются некими носителями смысла. Мы предполагаем, что вторичные тексты в виде формулировок смысла и содержания, также могут содержать «следы» некоторых «смысловых вех» и «семантических комплексов», так как при подобном кратком изложении в силу также вступает процесс компрессии текста: замена множества лексических единиц на малое количество более абстрактных и емких.

Стоит уточнить, что по теории А.И. Новикова и смысл, и содержание являются конечным результатом процесса понимания, но, по словам ученого, эти два явления не совпадают по ряду причин. Более подробно эта тема освещена в нашей статье 2020 г. «Две стратегии понимания» [Котельникова 2020]. А.И. Новиков делает попытку разграничения эти двух отождествляемых категорий и дает их операциональное определение: под содержанием понимается некое когнитивное образование – своего рода результат понимания, на формирование которого влияют языковые средства, содержащиеся в тексте-оригинале, в то время как ассоциативные, эмоционально-оценочные и конативные компоненты относятся к категории смысла. Продолжая работать в этом направлении, исследуя речемыслительные механизмы образования смысла, ученый обращается к анализу вторичных текстов, в которых «видит» косвенные следы этого имплицитного процесса. В ходе анализа полученных результатов А.И. Новиков приходит к выводу, что реципиенты, фиксируя свои реакции вербально, используют принципиально различные тактики. Именно на этом этапе ученый дифференцирует стратегии «приписывания и извлечения» и предлагает методику для анализа процесса осмысления с использованием так называемой «эндо-» и «экзо-лексики» [Новиков 2007: 114]. Общим моментом является то, что в процессе понимания текст подвергается сжатию и компрессии.

Согласно гипотезе ученого, при формулировании содержания мы можем говорить об «извлечении» или «проекции текста на сознание», когда испытуемые при формулировке ответа используют те лексические средства, которые содер-

жаты непосредственно в самом тексте автора, – «эндо-лексику». Это по сути краткий пересказ содержания, своего рода его реферат.

Наряду с этим, испытуемые используют и другую стратегию: реализация ответов осуществляется способом «приписывания» («проекция сознания на текст»). Суть его заключается в том, что в ответах используются лексические единицы, не принадлежащие вербальной структуре первичного текста, – «экзо-лексики». Компрессия в этом случае происходит за счет высокой степени обобщения, интеграции с внутренним миром реципиента, что, как нам кажется, наиболее характерно для процесса декодирования смысла [см. Котельникова 2020].

Приведем примеры реализации стратегий понимания в реакциях испытуемых разных групп.

Сравнительный анализ текстов «содержание» и «смысл»

«Содержание текста», сформулированное студентом технического профиля: *«Умный(хитрый) мужчина обошёл систему, показав на конкурсе искусств результаты работы программы, не скрывая этого. Тем самым удивил всех судей, а так как в наше время все любят что – то новое и необычное, а если это «новое и необычное» еще и противоречит прошлым нормам и моральным устоям – то, однозначно это понравится обществу, в частности, американскому и европейскому. Естественно, это стало резонансным и осуждаемым событием».*

Итак, данный текст содержит большой процент «экзо-лексики»: «хитрый мужчина», «моральные устои», «американское и европейское общество» – данные лексические единицы не встречаются в тексте оригинала. Соответственно, можно предположить, что испытуемый невольно сформулировал не содержание, а смысл текста, так как присутствует его личная оценка происходящего.

Для сравнения приведем пример «содержания», изложенного студентом-лингвистом: *«Джейсон М. Аллен получил приз за картину, сгенерированную при помощи ИИ, что вызвало споры и недовольство».* Очевидно, что реципиент правильно понял задание и сформулировал именно «содержание текста», используя лексику текста-оригинала, без выражения личного отношения к сюжету. Соответственно, мы видим пример использования стратегии «извлечения».

Рассмотрим вторичные тексты, в которых участники эксперимента должны были обозначить «смысл» текста-оригинала.

«Смысл текста», сформулированный студентами технического профиля:

1. *«Проблема этики в связи с использованием ИИ».*
2. *«Реакция общества на искусственный интеллект».*
3. *«Искусственный интеллект побеждает человека».*

Итак, как видно из приведенных примеров, при формулировке смысла текста студенты IT-направления используют «эндо-лексику», которая, согласно гипотезе А.И. Новикова, должна соотноситься с содержанием текста.

Конечно, среди работ магистрантов электротехнического факультета есть формулировки «смысла» и другого плана, к примеру: *«Смысл в том, что с одной стороны не нужно сдаваться и воплощать свои идеи. С другой стороны, что может пора задуматься о развитии своей сферы. И последнее, задуматься о том, что если ты не предашь свой идеал, а все будут идти на одних и тех же технологиях, то ты сможешь остаться и быть уникальным в своей сфере».*

Здесь мы видим диаметрально противоположную картину, автор абстрагировался от содержания текста и углубился в философские размышления, которые, вероятно, возникли в его сознании после прочтения.

Теперь рассмотрим примеры текстов на «смысл» студентов-переводчиков.

1. *«Прогресс – не всегда негативное событие».*
2. *«Я думаю, главный смысл в том, что человечество не стоит на месте. Оно движется вперед, развивается. В развитии нет ничего плохого. Человек по своей природе любопытен. Он всегда будет стараться постигать новое».*

Данные тексты содержат «экзо-лексику» и полностью соответствуют стратегии «приписывания», которая, на наш взгляд, сопутствует процессу смыслообразования.

Таким образом, сравнительный анализ вторичных текстов, содержащих формулировки содержания и смысла текста, показал следующее. Реципиенты восприняли задание «сформулировать содержание и смысл текста» сугубо субъективно, разделившись при этом на две условные группы: часть испытуемых ограничилась

пересказом содержания текста, другая же часть «отстранилась» от исходного текста, мы видим некое «преломление» того, что дано в тексте, некий смысловой сдвиг в личностную сферу участников эксперимента. Интересным открытием стало то, что не все реципиенты понимают правильно, чем отличаются смысл и содержание текста, поэтому, как показано в примерах, довольно часто выполняют задание некорректно.

Было принято решение высчитать, как соотносится частота использования стратегии «извлечения» и «приписывания» при формулировании содержания и смысла текста в обеих группах, и посмотреть, определяется ли какое-либо существенное отличие. Было проанализировано 120 вторичных текстов (Таблица 13).

Таблица 13 – Анализ типов стратегий при формулировке содержания и смысла

Формулировки	Извлечение (количество)	%	Приписывание (количество)	%
Студенты гуманитарного профиля				
Формулировка смысла текста	13	22	17	28
Формулировка содержания текста	25	42	5	8
Студенты технического профиля				
Формулировка смысла текста	9	15	23	38
Формулировка содержания текста	17	28	11	19

Таким образом, выходит, что большинство студентов-переводчиков при определении содержания текста применяли стратегию «извлечения» – 42 %, а при определении смысла – стратегию «приписывания» – 28 %. Анализируя тексты, полученные от студентов технической специальности, мы пришли к выводу, что в целом по соотношению процентов виден результат, близкий к данным, полученным в предыдущей группе: стратегия извлечения использовалась при формулировке «содержания» – 28 %, стратегия «приписывания» – при формулировке смысла – 38 %, но так как перед нами стояла задача выявить особенности понимания представителей этих двух профессиональных групп, мы можем отметить преобладание стратегии «извлечение» во всей совокупности вторичных текстов студентов-переводчиков – 63 %. Немного отличается картина у студентов электротехнического факультета – выделяется небольшое преобладание стратегии «приписывания» – 56 %. Если брать в расчет только смысловой аспект (формули-

ровки смысла текста), разница составляет около 10 % (28 против 38 %). Соответственно, мы можем говорить о некоторых различиях в переработке информации на смыслообразовательном уровне.

Анализ ключевых слов показал следующее. Из всего массива ключевых слов, полученных от 60 испытуемых (282), пять единиц выделяются чаще всего. Некоторые слова, особенно в группе студентов-переводчиков, были выделены из текста-оригинала непосредственно, т.е. записаны на английском языке. В данном анализе английский и русский эквиваленты одного и того же слова или фразы (а также аббревиатуры) засчитывались за одну лексическую единицу, т.е. Artificial Intelligence = AI = Искусственный интеллект = ИИ.

Количественные и процентные показатели высчитывались по соотношению к числу полученных наборов ключевых слов, т.е. 30 и 30 из обеих условных групп соответственно. Возьмем, к примеру, ключевое слово «искусство», 83 % испытуемых из группы студентов-переводчиков включили его в список ключевых слов, для группы технического профиля показатель составил 80 %.

Таблица 14 – Анализ ключевых слов

№ п/п	Гуманитарный профиль	Σ	%	Технический профиль	Σ	%
1	Искусство	25	83	ИИ	24	80
2	ИИ	23	77	Искусство	20	67
3	Художник	13	43	Художники	14	46
4	Картина	8	27	Midjourney	9	30
5	Этика	7	23	Картина	6	20

Как видно из Таблицы 14, испытуемые обеих групп выделяли одни и те же слова, соответствующие содержанию текста, т.е. пользовались «эндо-лексикой» по терминологии А.И. Новикова. Небольшое исключение составляет слово «этика» (встречались вариации слова – «этичность») и название самой нейросети Midjourney, что также, на наш взгляд, может говорить о разнице в механизмах смыслообразования и понимания. Говоря о принципе доминантности, мы можем предположить, что студенты гуманитарного факультета – переводчики акцентируют больше внимания на моральной стороне этого философского вопроса (про-

тивостояние человека и ИИ), чем технические студенты. Не исключено, что своеобразным триггером послужил страх всех переводчиков перед гипотетическим превосходством машинного перевода в их профессиональной сфере.

Г1: «Тут та же ситуация с машинным переводом. Да, программа может переводить предложения, но все-таки человек делает это осмысленно, подбирая верные слова, как художник краски» – реакция на 12-й отрывок текста студентом-переводчиком.

Выбранное студентами ИТ в качестве одного из ключевых слов наименование нейросети Midjourney, вероятно, объясняется профессиональным интересом реципиентов:

Г1: «К 5 фрагменту текста заинтересовало, что такое Midjourney, изучил, думаю, если он продолжит развивать свой проект, то его ждет успешное будущее. ИИ наше все».

Таким образом, мы рассмотрели особенности восприятия иноязычного текста представителями двух условных групп на всех этапах процесса понимания (восприятие, понимание и смыслообразование) путем анализа их реакций («контртекстов») на различного рода стимулы (изображение, отрывки текста, предъявляемые последовательно), выделенных испытуемыми ключевых слов, кратких формулировок смысла и содержания текста. Результаты, полученные в ходе нескольких серий психолингвистического эксперимента, подтверждают нашу гипотезу о том, что процесс понимания, несмотря на субъективный характер, имеет общие характеристики у представителей разных групп.

Выводы по главе 3

Проведенные эксперименты и анализ полученных данных позволяют нам заключить следующее. Использование метода «контртекста» как одной из вариаций ассоциативного эксперимента в психолингвистике доказало свою высокую эффективность при изучении процесса понимания текстов как на родном, так и на иностранном языке. В результате проведенных экспериментов получен массив

данных («контртексты», НКС, формулировки содержания и смысла), который представляет несомненный интерес для дальнейшего анализа и интерпретации.

Результаты эксперимента показали, что можно выделить определенные стратегии восприятия и понимания текста, превалирующие в реакциях каждого отдельного реципиента. «Контртексты» каждого реципиента отображают его индивидуальную стратегию восприятия. При этом для каждой условной группы можно обозначить доминантные виды реакций, проявляющие «следы» так называемой коллективной доминанты: как уже было отмечено, отличительной особенностью реакций студентов-переводчиков является использование стратегии «ассоциация», а также выражение развернутого мнения, как положительного, так и отрицательного. «Контртексты» студентов IT-направленности аналогично характеризуются доминантной реакцией «мнение», но и «оценка⁺», представляющая собой краткое (эмоциональное) высказывание (1–3 слова), «вывод» и «перевод» занимают лидирующие позиции по частоте использования. Анализ записей вторичных текстов – формулировок содержания и смысла выявил некоторые отличия в выборе стратегий понимания – «извлечения» или «приписывания». Наборы ключевых слов, составленные испытуемыми, представляют интерес с точки зрения включения в них «экзо-лексики», именно такие лексические единицы, напрямую никак не соотносящиеся с информацией, данной в тексте, актуализируют личностный смысл реципиентов.

Полученные результаты количественного анализа и сравнительный анализ «контртекстов» позволяют подтвердить гипотезу о том, что понимание и осмысление текста действительно подразумевают некую проекцию личностной сферы реципиента на содержание текста. Соответственно, если раскрыть более широко эту метафору, то можно предположить, что именно доминанта являет собой некую линзу (объектив), преломляющую действительность как для отдельного человека, так и группы людей в целом. Схема понимания смысла и содержания текста без учета принципа доминантности графически изображена на Рисунке 7. А с учетом принципа доминантности восприятия схема представлена на Рисунке 8.

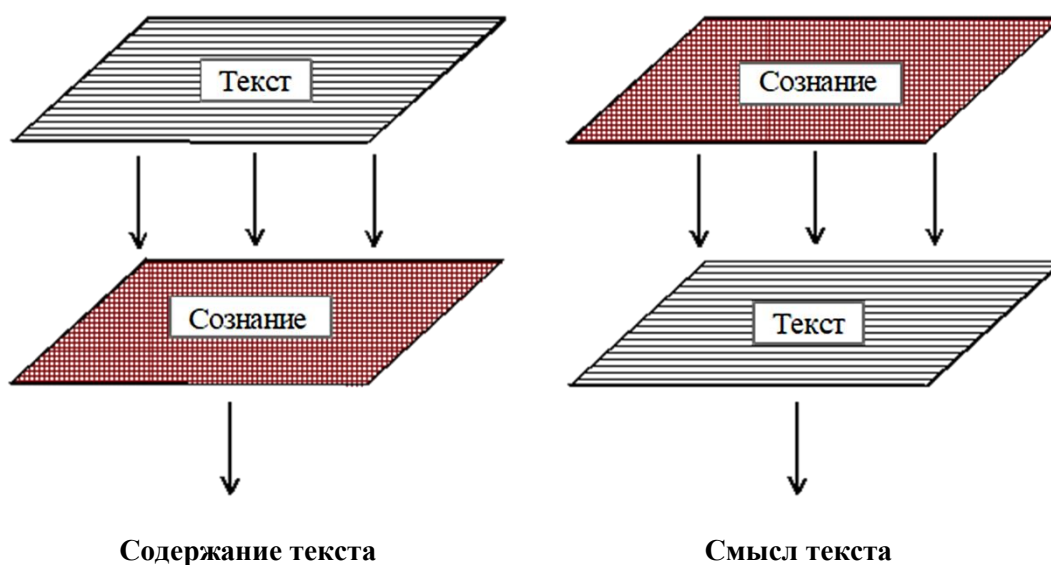

Рисунок 7 – Схема Н.М. Нестеровой «Формирование содержания и смысла»

Гипотетический очаг доминанты в сознании реципиента в момент восприятия текста, стягивающий все внешние раздражители

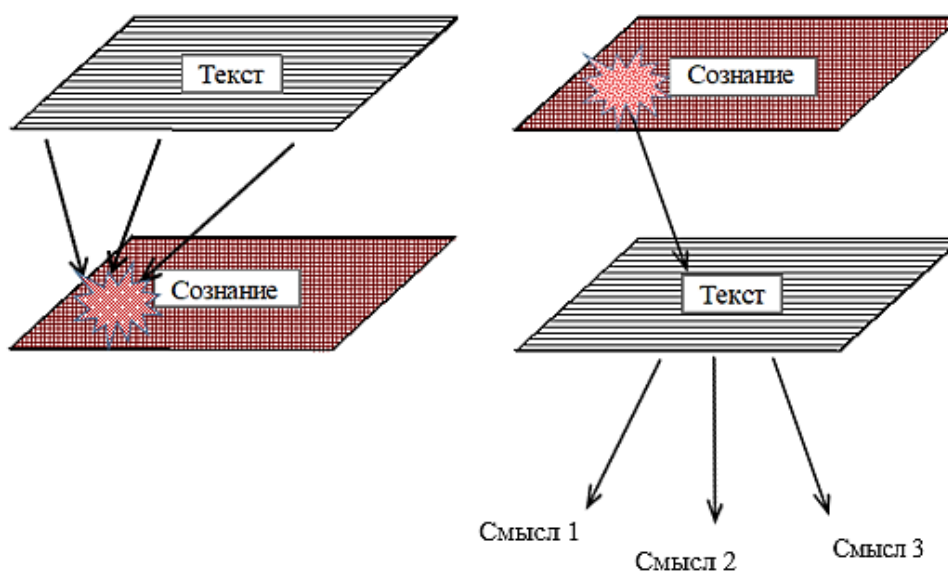

Рисунок 8 – Схема «Формирование содержания и смысла с учетом принципа доминантности»

Таким образом, на основании проведенного анализа теоретической базы и практических исследований было решено дополнить интерактивную модель понимания в русле психолингвистики текста А.И. Новикова принципом доминантности как фактором, детерминирующим процесс восприятия и смыслообразования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного диссертационного исследования является изучение закономерностей процесса понимания иноязычного текста с помощью психолингвистического метода, который заключается в последовательном чтении реципиентом определенных смысловых отрезков текста и регистрации своих реакций в письменной форме.

Проблема понимания в течение долгого времени не теряет своей актуальности по ряду причин: 1) сложность, многомерность, многоэтапность и имплицитный характер процесса, свойственный для всех мыслительных операций; 2) невозможность формализации и сложность построения единой интегративной схемы протекания этого процесса, несмотря на многочисленные труды, в которых ученые предпринимали попытки найти ответ на «загадку понимания», адекватного решения этой проблемы до сих пор не предложено; отсюда вытекает третья причина – 3) междисциплинарный характер вопроса: понимание относится к сфере сознания человека, а значит должны рассматриваться физиологические, психологические, когнитивные аспекты его личности в совокупности, собственно, такой конвергентный подход к исследованию вопроса мы попытались применить в нашем исследовании.

Современный этап исследований представляет собой попытки моделирования этого процесса и выявления закономерностей его механизмов. Общепринятой считается активная роль реципиента в процессе смыслового восприятия. При понимании того или иного текста реципиент переходит на уровень внутренней речи и воспроизводит своего рода диалог или даже полилог: миры автора, читателя и текста неизбежно накладываются друг на друга, пересекаются, что в конечном счете приводит к образованию субъективного смысла как результата данного процесса.

Несмотря на различные подходы к трактовке природы и протекания процесса понимания, ученые сходятся в одном: на понимание, а вместе с тем и на восприятие и смыслообразование, как этапы этого процесса, влияют как лингвистические свойства самого текста, так и экстралингвистические предпосылки личностной сферы

реципиента. Из этого следует, что необходимо исследовать не столько тексты, сколько саму личность, эти тексты воспринимающую, и приписывающую им подчас совершенно иные смыслы. Именно поэтому в нашей диссертационной работе предпринимается попытка экспериментального исследования механизмов понимания в «динамическом состоянии», т.е. в момент смыслового восприятия текста. Большой интерес для нас представляло то, что происходит в сознании индивида в момент чтения, а не после завершения этого процесса. Мы предположили, что метод «контртекста» позволит нам в какой-то степени «замедлить» процесс и отследить некоторые нюансы понимания иноязычного текста тем или иным реципиентом.

Итак, для достижения цели нашей работы нами был решен ряд задач, первой из которых было знакомство с трудами отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся изучением понимания на протяжении веков, начиная с диалогов Платона и заканчивая современными разработками интегративных моделей понимания. Анализ этих трудов позволил нам сделать ряд выводов, составивших теоретическую основу нашего исследования. Приведем основные из них.

1. Во всех работах подчеркивается опосредованный характер этого процесса, его многоэтапность и субъективность. Ученые и философы указывают на неразрывную связь категорий «понимание» и «смысл», на субъективность «приписывания» смысла тексту, на постепенность (сукцессивность) процесса раскрытия смысла, описывая его с помощью метафор «рассвета», «слияния горизонтов» и т. д. Также высказывается мысль о том, что любое понимание – это лишь «проекция» наших предрасположенностей на действительность. В рецепции текста выделяются процессы восприятия и понимания, осмысления и интерпретации. Восприятие и понимание рассматриваются как «две стороны одного явления – процессуальная и результативная» [Новиков 1983: 34]. В целом понимание трактуется как «сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование» [Новиков 1983: 46].

2. Анализ мнений ученых о природе смысла как явления, имеющего две противоположных, но в то же время смежных грани, позволяет считать, что смысл, яв-

ляясь сугубо индивидуальным проявлением внутреннего мира человека, несет в себе черты коллективного, общественного, социального бытия. Важной является идея о том, что для объяснения природы смысла необходимо обращение к такой философской концепции, которая смогла бы отразить всю многоаспектность и комплексность изучаемого явления. Одной из таких концепций можно считать гипотезу А.И. Новикова, который предположил, что принцип доминанты, описанный отечественным физиологом А.А. Ухтомским, может послужить интегративным признаком функционирования смысла. Именно это предположение мы попытались верифицировать экспериментальным путем в своем исследовании.

3. Анализ трудов А.А. Ухтомского и работ, подтверждающих верность высказанных им идей, позволил заключить, что принцип доминанты представляет собой концепцию, объясняющую не только физиологические, но и психологические, социальные и духовные процессы. Таким образом, можно считать, что обращение к принципу доминанты отвечает требованиям междисциплинарности, так как эта концепция сформулирована на стыке философии, физиологии, этики и психологии. Доминанта, описанная в ранних трудах физиолога как очаг возбужденных нейронов, позднее определяется им как связный тип мышления, который предопределяет мнение, выводы и оценки человека, являясь неким руководящим стержнем. Между человеком и переживаемой им реальностью стоят прежде всего его доминанты, которые, словно линза, преломляют действительность, равно как и реакции человека на эту действительность.

Не отрицая субъективного характера мировоззрения каждого индивида, автор подчеркивает, что чем больше индивидуализация и своеобразие каждого в отдельности, тем больше тяга к объединению, к сознанию общего. А.А. Ухтомский пишет, что сам язык нам дан для того, чтобы передать друг другу самое тонкое и глубокое, что знаем и чувствуем мы в отдельности, но что имеет смысл и принципиально лишь в нашем общем [Ухтомский 2022: 420]. Таким образом, доминанта А.А. Ухтомского играет в нашем исследовании роль некой призмы, сквозь которую исследуется процесс понимания текстов.

4. Анализ теоретических и экспериментальных трудов по теме диссертационного исследования также позволил заключить, что в процессе понимания смысла

текста происходит компрессия информации в некие «смысловые сгустки», «смысловые вежи», «опорные пункты», т.е. в сознании реципиента происходит своеобразная перекодировка, синтез воспринимаемых из текста вербальных компонентов в некие более крупные семантические комплексы, вероятно, посредством УПК, предложенного в свое время Н.И. Жинкиным. Однозначно лишь то, что реципиент в процессе понимания переходит в сферу внутренней речи, о чем писали Л.С. Выготский и А.Р. Лурия. Соответственно, перед нами стояла задача каким-то образом эксплицировать эту внутреннюю речь, чтобы проанализировать те «кванты смысла», которые образуются в процессе понимания текста тем или иным человеком.

5. Ввиду высокой сложности изучения мыслительных процессов (имплицитности, симультанности, зависимости от внешних факторов среды и внутренних аспектов личности) необходима была методика, позволяющая в какой-то мере одновременно замедлить процесс восприятия и понимания, а также позволить вербализовать некоторые моменты формирования этих «смысловых веж» в сознании реципиентов. Проведя анализ экспериментальных подходов в отечественной психолингвистике (свободный ассоциативный эксперимент, аналитическое или медленное чтение под протокол, «думание вслух», анкетирование, интервью), мы пришли к выводу, что метод «встречного текста», или «контртекста», является оптимальным вариантом для решения поставленных задач.

6. Для целей нашего исследования также было необходимо выделить те компоненты речевосприятия, которые бы одновременно являлись некими «концентрами субъективного смысла» и давали нам возможность проанализировать влияние личных и профессиональных доминант на процесс понимания. Оценка влияния доминанты проводилась путем вычисления процентного соотношения тех или иных видов реакций или стратегий, использованных реципиентами в процессе чтения. Также анализу были подвергнуты НКС и вторичные тексты – формулировки содержания и смысла после завершения чтения.

7. Материалом исследования для финального этапа эксперимента были выбраны аутентичные англоязычные публицистические тексты с элементами научно-популярного стиля, посвященные разработкам в сфере искусственного интел-

лекта и новейшим технологиям в области синхронного перевода и художественного творчества. Такой материал позволил, во-первых, замедлить процесс понимания, ввиду наличия незнакомой иностранной лексики, и во-вторых, «активизировать» некие доминантные очаги в сознании реципиентов, связанные либо с профессиональной деятельностью, либо с особенностями эмоциональной сферы испытуемых.

Стоит отметить, что параллельно с формулированием гипотезы и анализом литературы мы начали проводить первые пробные эксперименты с целью определения наиболее удачной тактики исследования. Как уже отмечалось, было проведено пять экспериментов с вовлечением 207 человек, получено и проанализировано 2040 реакций на 53 отрезка-стимула. Выводы, к которым мы пришли в результате проведения психолингвистических экспериментов, звучат следующим образом:

1. В ходе проведения эксперимента с использованием метода «контртекста» нами были получены разнообразные материалы вторичной текстовой деятельности испытуемых: наборы ключевых слов, формулировки основной мысли, смысла и содержания текста, сами «контртексты», представляющие собой некие размышления реципиентов в процессе понимания текста и развертывания смысла. Данные материалы представляют несомненную ценность для дальнейших исследований как с точки зрения лингвистики (лексические и синтаксические составляющие), так и психологии (эмоциональное состояние человека, оценка его общих моральных ценностей и устоев), а также и с точки зрения методики преподавания иностранного языка («контртексты» помогают раскрыть пробелы в знаниях по той или иной тематике, незнание некоторых коллокаций, устойчивых выражений, идиом и т.д.).

2. Анализ полученного материала подтвердил гипотезу об активном характере процесса восприятия, о постепенном наращивании смысла, а также о «диалогичности» этого процесса. В ходе восприятия информации у реципиентов включаются механизмы антиципации, прогнозирования с самого первого предъявляемого отрывка-стимула. В практическом плане эти процессы находят отражение в реакциях «ориентировка», «прогноз». Также в ходе восприятия информации ино-

гда срабатывает механизм «узнавания» того или иного описываемого события или явления, для обозначения подобного вида реакций нами был введен новый тип стратегий – «актуализация профессиональных знаний».

3. Наиболее распространенными видами реакций послужили «мнение» и «оценка», что соотносится с теми закономерностями, которые были выявлены ранее в исследованиях ученых из Уфы. Если воспользоваться классификацией А.И. Новикова, выделявшего «релятивные» и «содержательные» реакции, то, на наш взгляд, именно «релятивные» типы реакций (ассоциация, мнение, оценка) отражают проявления доминанты индивида, т.е. того личностного смысла, который реципиент «приписывает» тексту.

4. Каждая полученная реакция имеет особенности, отражающие индивидуальность восприятия реципиентом текста, особенно это прослеживается в типе реакций «ассоциация». «Оценка» и «мнение» также показывают, насколько разнообразны ценностные суждения, возникающие в сознании испытуемых в процессе чтения: одни идеи получают одобрение, другие – резкую критику.

5. Несмотря на такое разнообразие реакций, нам удалось выделить некие доминантные для каждого участника эксперимента типы реакций и общие характеристики процесса понимания, свойственные группам испытуемых. Нами была дополнена уже существующая интерактивная модель процесса понимания в русле психолингвистики текста А.И. Новикова. При описании модели понимания предлагается учитывать принцип доминантности восприятия информации представителями тех или иных профессиональных, возрастных и, возможно, национальных групп.

В качестве общего вывода исследования можно сказать, что понимание и осмысление текста действительно подразумевает некую проекцию личностной сферы реципиента на содержание текста. Соответственно, если раскрыть более широко эту метафору, то можно предположить, что именно доминанта являет собой некую линзу (объектив), преломляющую действительность для отдельного человека и группы людей.

В целом психолингвистический эксперимент с использованием метода «контртекста» имеет широкие перспективы для дальнейших научных разработок и исследования механизмов когнитивных процессов, которые могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, уточнение принципов классификации реакций с точки зрения лексических и синтаксических особенностей с перспективой создания программы для автоматического соотнесения всех полученных реакций к той или иной стратегии восприятия и расчета их процентного соотношения.

Во-вторых, исследование влияния принципа доминантности на формирование замысла текста перевода. Предполагается, что метод «встречного текста» позволит «отследить» ход мыслей конкретного переводчика и понять, как «следы прожитого» влияют на то или иное переводческое решение.

В-третьих, проведение интегративных исследований понимания иноязычных текстов с применением методов нейровизуализации, т.е. попытка верификации влияния доминантного очага именно в его физиологическом аспекте с помощью современных инструментов магнитоэнцефалографии (МЭГ), электроэнцефалографии (ЭЭГ), функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Данные, полученные в ходе таких экспериментов, позволят оценить активность тех или иных мозговых центров, соотношение центров возбуждения и торможения при применении метода «контртекста», т.е. последовательном восприятии предложений-стимулов. Предполагается проведение анализа и оценка записей на предмет наличия аналогичных «картин» работы мозга при предъявлении разного рода текстов реципиентам различных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакян, А.А. Стратегии и операции перекодирования при понимании иноязычного текста и его переводе / А. А. Авакян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. – М., 2007. – Вып. 541: Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты – С. 8–13.
2. Аврелий, А. Исповедь / Августин Аврелий. – М.: Республика, 1992. – 332, [3] с.
3. Автоматы и разумное поведение: Опыт моделирования / Н. М. Амосов, А. М. Касаткин, Л. М. Касаткина, С. А. Талаев. – Киев: [Наук. думка], 1973. – 375 с.
4. Автономова, Н.С. Познание и перевод: Опыт философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 736 с.
5. Акопов, Г.В. Проблема сознания в психологии: Отечественная платформа / Г.В. Акопов. – Самара: Сам. гос. пед. ун-т, фак. психологии, 2002. – 206 с.
6. Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания / Б. Г. Ананьев. – М.: Наука, 2001. – 279 с.
7. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: избранные труды / П.К. Анохин; отв. ред. Ф.В. Константинов, Б.Ф. Ломов, В.Б. Швырков; АН СССР, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1978. – 399 с.
8. Апухтин, В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Апухтин Вадим Борисович. – М., 1977. – 29 с.
9. Аристотель. Об истолковании / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. – С. 91–116.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Аристотель; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

12. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / В.А. Пищальникова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.С. Панарина [и др.] – М.: Р. Валент, 2019. – 200 с.
13. Бабайлова, А.Э. Роль «ключей» в авторском тексте для адекватного понимания и перевода / А.Э. Бабайлова // Перевод как моделирование и моделирование перевода: сборник научных трудов / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1991. – С. 58–64.
14. Бабушкин, В.У. О двух моделях понимания / В.У. Бабушкин // Загадка человеческого понимания: [сборник статей / Сост. В.П. Филатов]. – М., 1991. – С. 160–175.
15. Базылев, В.Н. Смысловая доминанта [Электронный ресурс] / В.Н. Базылев // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / М.Б. ред. Раренко. – М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2010 // IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/22501.html> (дата обращения: 10.05.2023).
16. Балдова, В.А. Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Балдова Вера Александровна. – Тверь, 1999. – 16 с.
17. Баринова, И.А. Ключевые слова в семантической структуре текста разговорной речи / И.А. Баринова // Живое слово в русской речи Прикамья: межвузовский сборник научных трудов / Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Пермь, 1992. – С. 35–41.
18. Баринова, И.А. Ключевые слова в смысловой структуре текста / И.А. Баринова // Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь, 2006. – С. 68–72.
19. Баринова, И.А. Ключевые слова текста как структурообразующий фактор его семантики / И.А. Баринова // С любовью к тексту: [монография]. – Уфа, 2006. – С. 15–22.

20. Баринаова, И.А. Особенности цельности и связности при построении текстов в разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Баринаова Ирина Александровна. – Л., 1988. – 15 с.
21. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1996. – 32 с.
22. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
23. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Работы 20-х годов / М.М. Бахтин. – Киев, 1994. – С. 9–69.
24. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1979. – 424 с.
25. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учебное пособие / К.И. Белоусов. – М.: Флинта, 2017. – 136 с.
26. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе / Валерий Белянин; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Фонд Чтения им. Н. А. Рубакина. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
27. Белянин, В.П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Моск. психолого-социальный ин-т, 2004. – 232 с.
28. Белянин, В.П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя / В.П. Белянин. – М.: Генезис, (Киров: Дом печати – Вятка), 2006. – 319 с.
29. Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура / В.С. Библер. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
30. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс]: монография / Г.И. Богин // Бим-Бад Борис Михайлович: офиц. сайт. – URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimanije.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
31. Богин, Г.И. Переход смыслов в значения / Г.И. Богин // Понимание и рефлексия: материалы Третьей Твер. терменевтической конф. – Тверь, 1994. – Ч. 2. – С. 8–16.

32. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. – 210 с.
33. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А.А. Брудный. – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
34. Брушлинский, А.В. Субъект: мышление, учение, воображение / А.В. Брушлинский. – М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии: Модэк, 1996. – 387, [3] с. – (Психологи Отечества: избранные психологические труды в 70-ти томах / гл. ред. Д.И. Фельдштейн).
35. Брушлинский, А.В. Мышление и прогнозирование / А.В. Брушлинский. – М.: Мысль, 1979. – 228, [2] с.
36. Бутакова, Л.О. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 2 (36). – С. 146–168.
37. Васильев, Л.Г. Три парадигмы понимания: Анализ литературы вопроса [Электронный ресурс] / Л.Г. Васильев // Newasp-omskreg.ru: [сайт]. – URL: <http://newasp.omskreg.ru/intellect/f54.htm> (дата обращения: 12.03.2023).
38. Васильев, С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. – Киев: Наук. думка, 1988. – 237, [2] с.
39. Василюк, Ф.Е. Структура образа / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.
40. Взгляд кота Шредингера. Регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / Т.В. Черниговская, С.В. Алексеева, А.В. Дубасова [и др.]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. – 226, [1] с.
41. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 295–361.
42. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699, [1] с.

43. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981 – 140 с.
44. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 470 с.
45. Гилязова, Д. Р. Исследование конфликтогенного потенциала медийного текста: на материале текстов масс-медиа и интернет-текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гилязова Диляра Рифовна. – Уфа, 2022. –197 с.
46. Глухов, В.П. Психолингвистика [Электронный ресурс]: учебник и практикум для вузов / В.П. Глухов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 419 с. // Юрайт: образовательная платформа: [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/511849> (дата обращения: 19.02.2023).
47. Голубева, Э.А. Индивидуальные особенности памяти человека: (Психологические исследования) / Э. А. Голубева. – М.: Педагогика, 1980. – 151 с.
48. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
49. Грудева, Е.В. Набор ключевых слов и устный пересказ как вторичные тексты (на материале вторичной речевой деятельности учащихся 6-х классов) / Е.В. Грудева, А.А. Губушкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 2 (95). – С. 56–72.
50. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
51. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
52. Гуссерль, Э. Феноменология / Э. Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12–21.

53. Давлетова, Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Давлетова Ярослава Александровна. – Уфа, 2012. – 193 с.
54. Деан, С. Сознание и мозг: как мозг кодирует мысли / С. Деан; пер. с англ. И. Ющенко. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 415 с.
55. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Рене Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654, [2] с.
56. Деррида, Ж. Позитивизм / Ж. Деррида; пер. с фр. В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект (Философские технологии), 2007. – 160 с.
57. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей; под ред. А.В. Михайлова, Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 531 с.
58. Доблаев, Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблема ее понимания / Л.П. Доблаев. – М.: Педагогика, 1982. – 176 с.
59. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.
60. Дроздова, Т.Ю. Ключевые слова и их просодические признаки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дроздова Татьяна Юрьевна. – Л., 1988. – 19 с.
61. Жинкин, Н.И. Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М., 1958. – С. 353–366.
62. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Язык – речь – творчество: избранные труды. – М., 1998. – С. 146–162.
63. Жинкин, Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов / Н.И. Жинкин // Известия Академии педагогических наук РСФСР. – М., 1956. – Вып. 78: Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи. – С. 34–42.
64. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации: монография / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 273 с.

65. Заводникова, Е.Л. «Встречный текст» как метод исследования смыслового восприятия иноязычного текста в процессе перевода / Е.Л. Заводникова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2022. – № 1 (459). – Вып. 127. – С. 154–165.
66. Заводникова, Е.Л. Принцип герменевтического круга в философии и переводоведении / Е.Л. Заводникова, Н.М. Нестерова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики = PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin. – 2020. – № 4. – С. 20–29.
67. Загадка человеческого понимания: сборник статей / Сост. В.П. Филатов; вступ. ст. В.А. Лекторского. – М.: Политиздат, 1991. – 351 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
68. Залевская, А.А. Некоторые пути исследования психологической структуры значения ключевых слов в целях оптимизации межнационального общения / А.А. Залевская // Перевод и автоматическая обработка текста: сборник научных трудов. – М., 1987. – С. 46–57.
69. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: учебник / А.А. Залевская. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2007. – 560 с.
70. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: учебник / А.А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1999. – 382 с.
71. Залевская, А.А. Понимание текста: учебное пособие / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.
72. Записные книжки Л.С. Выготского: избранное / под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. – М.: Канон+, 2017. – 606, [1] с.
73. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1: Философия культуры. – 671 с. – (Лики культуры).
74. Зимняя, И.А. Исследование речевого мышления в психолингвистике / И.А. Зимняя. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
75. Зинченко, В.П. Вклад А.А. Ухтомского в психологическую физиологию [Электронный ресурс] / В.П. Зинченко // Порталус: научная библиотека: [сайт]. – URL: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction

=showfull&id=1107417428&archive=1120045935&start_from=&ucat=& (дата обращения: 19.03.2023).

76. Зинченко, В.П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова): учебное пособие / В.П. Зинченко. – М.: Гардарики, 2002. – 431 с.

77. Знаков, В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания [Электронный ресурс] / В.В. Знаков // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogomernyy-mir-cheloveka-tipy-realnostiponimaniya-i-sotsialnogo-znaniya> (дата обращения: 12.03.2023).

78. Знаков, В.В. Психология понимания мира человека: [монография] / В.В. Знаков. – М.: Ин-т психологии РАН, 2016. – 448 с.

79. Знаков, В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М.: Ин-т психологии РАН, 2005. – 448 с.

80. Ибатуллина, Н.С. Ценностный аспект в английском юридическом дискурсе (на материале комментариев интернет-коммуникации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ибатуллина Наталья Сергеевна. – Уфа, 2022. – 186 с.

81. Иванов, В.В. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики / В.В. Иванов // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – Вып. VIII. – С. 5–44.

82. Ивин, А.А. Понимание и ценности – логическая структура понимания / А.А. Ивин // Вопросы философии. – 1986. – № 9. – С. 50.

83. Каминская, Э.Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия: Психолингвистическое исследование: монография / Э.Е. Каминская. – Новгород: Новгород. гос. ун-т, 1998. – 134 с.

84. Караулов, Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/as>

sotsiativnyy-analiz-novyuy-podhod-k-interpretatsii-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 15.01.2023).

85. Киосе, М.И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент / М.И. Киосе. – М.: Р. Валент, 2021. – 236 с.

86. Кирсанова, И.В. «Встречный текст» и текст перевода: психолингвистическое исследование механизмов смыслообразования / И.В. Кирсанова, А.А. Шияпова // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 2. – С. 184–188.

87. Кирсанова, И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кирсанова Инна Вячеславовна. – Уфа, 2007. – 194 с.

88. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

89. Корытная, М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Корытная Марина Леонидовна. – Тверь, 1996. – 20 с.

90. Котельникова, А.Н. «Встречный текст» как методика исследования механизмов понимания иноязычного текста в процессе перевода / А.Н. Котельникова // Индустрия перевода = Translation Industry: материалы IX Междунар. науч. конф. (Пермь, 13–15 июня 2019 г.) / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Перм. нац. исслед. политехн. ун-т. – Пермь, 2019. – Т. 1. – С. 92–97.

91. Котельникова, А.Н. Встречный текст как метод исследования механизмов понимания иноязычного текста / А.Н. Котельникова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы: материалы XX Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Рос. ун-т дружбы народов, Моск. междунар. акад., Моск. психолингв. школа. – М., 2022. – С. 72–73.

92. Котельникова, А.Н. Встречный текст как методика исследования механизмов понимания иноязычного текста в процессе перевода / А.Н. Котельникова

ва, Н.М. Нестерова // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов: в 9 ч. / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск, 2019. – Ч. 8. – С. 641–645.

93. Котельникова, А.Н. Две стратегии понимания / А.Н. Котельникова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 4. – С. 70–78.

94. Котельникова, А.Н. Доминанта Ухтомского как подход к изучению процесса восприятия текста / А.Н. Котельникова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов по материалам очной XV Междунар. студ. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 13 апр. 2017 г. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – М., 2017. – С. 8–13.

95. Котельникова, А.Н. Доминантность как универсальный принцип функционирования смысла / А.Н. Котельникова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 15–16 дек. 2017 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Ин-т языкознания РАН, Башкир. гос. ун-т. – Москва; Уфа, 2017. – С. 142–146.

96. Котельникова, А.Н. Контртекст как методика вербализации доминанты переводчика в процессе понимания иноязычного текста / А.Н. Котельникова // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей междунар. науч. конф., Вологда, 10–12 мая 2018 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Вологод. гос. ун-т, Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, Landessprachninstitut in der Ruhr-Universität Bochum. – Вологда; Нижний Новгород, 2018. – С. 48–50.

97. Котельникова, А.Н. О проблеме изучения механизмов восприятия и понимания иноязычных текстов: психолингвистический аспект / А.Н. Котельникова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 4 (103). – С. 42–53.

98. Котельникова, А.Н. О роли доминанты в процессе формирования смысла текста / А.Н. Котельникова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы V Междунар. науч.-

метод. конф. (г. Уфа, 1–2 дек. 2016 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2016. – С. 149–154.

99. Котельникова, А.Н. Об опыте использования методики «встречного текста» в исследовании восприятия мультимедийного текста / А.Н. Котельникова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 2–3 дек. 2020 г.) / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2020. – С. 152–158.

100. Котельникова, А.Н. Понимание как основной закон перевода / А.Н. Котельникова // Индустрия перевода = Translation Industry: материалы IX Междунар. науч. конф. (Пермь, 5–7 июня 2017 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Перм. нац. исслед. политехн. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 50–54.

101. Котельникова, А.Н. Проблема понимания в контексте наук / А.Н. Котельникова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы. VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию Башкир. гос. ун-та (г. Уфа, 2–3 дек. 2019 г.) / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2019. – С. 156–160.

102. Котельникова, А.Н. Язык и мышление. Осознанное восприятие / А.Н. Котельникова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 6–7 дек. 2018 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2018. – С. 142–147.

103. Кравченко, А.В. Эпистемологическая ловушка языка / А.В. Кравченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 14–26.

104. Крюков, А.Н. Понимание как переводческая проблема / А.Н. Крюков // Перевод и интерпретация текста: сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Кухаренко. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1988. – С. 65–76.

105. Крюков, В.И. Модель внимания и памяти, основанная на принципе доминанты / В.И. Крюков // Нейроинформатика-2002: IV Всерос. науч.-техн.

конф.: Лекции по нейроинформатике: По материалам школы-семинара «Современные проблемы нейроинформатики». – М., 2002. – Ч. 1. – С. 66–108.

106. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

107. Леонтьев, А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии / А.А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев, 1979. – С. 7–18.

108. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1 / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.

109. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 575 с.

110. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

111. Ломов, Б.Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1999. – 202, [2] с.

112. Лотман, Ю.М. Наследие Бахтина и актуальные проблемы семиотики / Ю.М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 147–156.

113. Лурия, А.Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие / А.Р. Лурия. – 8-е изд., стер. – М.: Академия, 2013. – 384 с.

114. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

115. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр., под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 603 с.

116. Мигранова, И.Х. Исследование гендерных особенностей восприятия текста (на материале научной литературы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мигранова Ирина Хамзиевна. – Уфа, 2017. – 200 с.

117. Моисеева, А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Моисеева Ангелина Валерьевна. – Уфа, 2017. – 242 с.

118. Морозов, С.М. Смыслообразующая функция психологического контекста / С.М. Морозов // Познание и личность. – М., 1984. – Ч. 2. – С. 56–64.
119. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.
120. Налимов, В.В. Вселенная смыслов / В.В. Налимов; беседовали Ж. Дрогалина, К. Зуев // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 122–132.
121. Налимов, В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В.В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 288 с.
122. Неретина, С.С. Аврелий Августин: исповедь как философствование. Онтология личности, знания, свободы / С.С. Неретина // Августин: pro et contra: Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб., 2002. – С. 757–799.
123. Нестерова, Н.М. «Встречный текст» как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста / Н.М. Нестерова, А.Н. Котельникова, Е.В. Поздеева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 4 (34). – С. 50–63.
124. Нестерова, Н.М. *Sensum de Sensu*: смысл как объект перевода / Н.М. Нестерова // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2009. – № 4. – С. 83–93.
125. Нестерова, Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Нестерова Наталья Михайловна. – Пермь, 2005. – 288 с.
126. Нестерова, Н.М. Контртекст как механизм формирования замысла текста перевода / Н.М. Нестерова, А.Н. Котельникова // Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног = Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного [Электронный ресурс]: Друга међународна научна конференција 16–19.03.2017 Бања Лука, Република Српска: материјали конференције, одржане на Паневропском универзи-

тету Апеирон / Ин-т за славистику, Руска академија наука, Паневропски универзитет Апеирон, Факултет филолошких наука. – Бања Лука, 2017. – 1 електрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с екрана.

127. Нестерова, Н.М. Об опыте использования методики «think-aloud protocols» при принятии переводческого решения / Н.М. Нестерова, Е.В. Поздеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. – М., 2007. – Вып. 541, ч. 2: Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – С. 155–163.

128. Нестерова, Н.М. Перевод *Sensum de sensu* в свете теории смысла А.И. Новикова [Электронный ресурс] / Н.М. Нестерова, А.Н. Котельникова // Теория речевой деятельности: вызовы современности: XIX Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, г. Москва, 6–8 июня 2019 г. / Ин-т языкознания РАН, Рос. ун-т дружбы народов, Моск. психолингв. школа. – М.; Ярославль, 2019. – С. 258–259. – URL: https://iling-ran.ru/web/ru/conferences/2019_zhizn_jazyka (дата обращения: 11.02.2021).

129. Нестерова, Н.М. Перевод в свете теории смысла А.И. Новикова / Н.М. Нестерова // Языковое бытие человека и этноса. – 2006. – № 11. – С. 141–148.

130. Нестерова, Н. М. Учение о доминанте А. А. Ухтомского и современная психолингвистика текста [Электронный ресурс] / Н. М. Нестерова, А. Н. Котельникова // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 70–77. – URL: <http://dokbsu.ru/archive/2023/2/9> (дата обращения: 16.09.2023).

131. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 679 с.

132. Нишанов, В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ / В.К. Нишанов; АН КиргССР, Ин-т философии и права. – Фрунзе: Илим, 1990. – 227 с.

133. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

134. Новиков, А.И. Смысл: семь дихотомических признаков / А.И. Новиков // Теория и практика речевых исследований: материалы III Всерос. конф., Москва, 14–18 сент. 1999 г. – М., 1999. – С. 68–82.

135. Новиков, А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста / А.И. Новиков // Проблемы прикладной лингвистики: сборник статей. – М., 2001. – С. 155–180.
136. Новиков, А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании / А.И. Новиков // Языковое сознание и образ мира: [сборник статей]. – М., 2000. – С. 33–38.
137. Новиков, А.И. Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования / А.И. Новиков, А.К. Зотова // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М., 2001. – С. 234–247.
138. Новиков, А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / А.И. Новиков // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64–76.
139. Новиков, А.И. Текст и его смысловые доминанты / А.И. Новиков; под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – 224 с.
140. Новиков, А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация / А.И. Новиков // Вопросы филологии. – 1999. – № 3. – С. 43–48.
141. Новиков, А.И. Текст: содержание и смысл / А.И. Новиков // Ярославский педагогический вестник. – 2000а. – № 1. – С. 16–20.
142. Нуруллина, Г.М. К вопросу о понимании и восприятии текста в психолингвистической науке / Г.М. Нуруллина // Поволжский педагогический вестник. – 2018. – Т. 6, № 4 (21). – С. 121–124.
143. Овчинникова, И.Г. Психолингвистическая интерпретация ошибок письменного перевода как отражение особенностей переводческого билингвизма / И.Г. Овчинникова, А.В. Павлова // Лики билингвизма: сборник статей. – СПб., 2016. – С. 153–202.
144. Огурцов, А.П. Понимание / А.П. Огурцов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет: пред. В.С. Степин [и др.]. – М., 2001. – Т. 3. – С. 279–283.
145. Оценка рекламных плакатов подростками и взрослыми: психолингвистическое исследование на материале русского языка / А.А. Коновалова, Т.Е.

Петрова, К.В. Беспалова, А.В. Митина // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 358–362.

146. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

147. Петрова, Л.М. Аксиологические доминанты в повести И.С. Тургенева «Фауст» / Л.М. Петрова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6 (69). – С. 201–205.

148. Петрова, Т.Е. Становление и развитие психолингвистики в Санкт-Петербурге / Т.Е. Петрова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). – М., 2021. – С. 81–95.

149. Петрова, Т.Е. Текст и его структура (психолингвистические исследования в русле школы Л.В. Сахарного и А.С. Штерн) / Т.Е. Петрова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). – М., 2021а. – С. 505–515.

150. Пешкова, Н.П. Психолингвистика текста: теория смысла А.И. Новикова [Электронный ресурс] / Н.П. Пешкова // Языковое бытие человека и этноса. – 2006. – № 11. – С. 154–161. – URL: <https://cy-berleninka.ru/article/n/psiholingvistika-teksta-teoriya-smysla-a-i-novikova> (дата обращения: 07.02.2023).

151. Пешкова, Н.П. «Встречный текст» как продукт понимания адресатом и отражение содержательно-смысловой структуры воспринимаемого сообщения / Н.П. Пешкова // Информационная структура текста: сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществен. наукам; отв. ред. Н.Н. Трошина. – М., 2018. – С. 54–63. – (Теория и история языкознания).

152. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 830 с.

153. Потebня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потebня // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973. – 503 с.

154. Пруст, М. В поисках утраченного времени / М. Пруст; пер. с фр. А.А. Франковского. – М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2004. – 923, [2] с.

155. Пульчинелли, О.Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / О.Э. Пульчинелли // Квадратура смысла / Под ред. П. Серию. – М., 1999. – С. 197–224.
156. Рафикова, Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография / Н.В. Рафикова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 144 с.
157. Рикер, П. Парадигма перевода [Электронный ресурс] / П. Рикер; пер. М. Эдельман // Электронная библиотека Одинцовского благочиния: [сайт]. – URL: http://odinblago.ru/filosofiya/riker/paradigma_perevoda/ (дата обращения: 14.06.2023).
158. Роднянский, В.Л. О роли ключевого слова в понимании текста / В.Л. Роднянский // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: сборник научных трудов. – Калинин, 1986. – С. 106–114.
159. Розанов, В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В. В. Розанов. – СПб.: Наука, 1994. – 539 с.
160. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2021. – 626 с.
161. Рубакин, А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря) / А.Н. Рубакин. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 204 с.
162. Рубакин, Н.А. Библиологическая психология / Н.А. Рубакин. – М.: Академический проект: Трикста, 2006. – 800 с.
163. Рубинштейн, С.Л. О понимании / С.Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн; отв. ред. Е.В. Шорохова. – М., 1973. – С. 236–237.
164. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.
165. Рубинштейн, С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1958. – 147 с.

166. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

167. Сахарный, Л.В. Набор ключевых слов как текст / Л.В. Сахарный, С.А. Сибирский, А.С. Штерн // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста иностранных языков: тезисы докладов республикан. науч.-техн. конф., Пермь, 26–29 июня 1984 года. – Пермь, 1984. – С. 81–83.

168. Сахарный, Л.В. Набор ключевых слов как тип текста / Л.В. Сахарный, А.С. Штерн // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1988. – С. 34–51.

169. Сахарный, Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М., 1991. – С. 221–237.

170. Семенов, В.Е. Трансцендентальные основы понимания (И. Кант и неокантианство) / В.Е. Семенов. – Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2008. – 228 с.

171. Сеченов, И.М. Элементы мысли / И.М. Сеченов // Элементы мысли / И.М. Сеченов. – СПб. [и др.], 2001. – С. 209–355. – (Психология-классика).

172. Сеченов, И.М. Рефлексы головного мозга / И.М. Сеченов // Элементы мысли / И.М. Сеченов. – СПб. [и др.], 2001. – С. 3–117.

173. Сиротко-Сибирский, С.А. Смысловое содержание текста и его отражение в ключевых словах (на материале русских текстов публицистического стиля): автореферат дис. ... канд. филол. наук / Сиротко-Сибирский Сергей Александрович. – Л., 1988. – 15 с.

174. Слюсарева, Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление / Н.А. Слюсарева // Как построить интересный урок иностранного языка: сборник статей. – М., 1963. – С. 78–91.

175. Смирнов, А.А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов // Избранные психологические труды: в 2-х т. – М., 1987. – Т. 2. – 344 с.

176. Смирнов, А.А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 423 с.

177. Смирнов, А.А. Психология запоминания / А.А. Смирнов. – М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – 328 с.

178. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): монография / И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе [и др.]; отв. ред. Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.

179. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М.: Просвещение, 1968. – 248 с.

180. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов; предисл. Е.И. Щеплановой. – 2-е изд. – М.: URSS, 2007. – 248 с. – (Психологические и физиологические исследования).

181. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и понимание / А.Н. Соколов // Учёные записки Государственного института психологии. – М., 1941. – Т. 2. – С. 217–260.

182. Соколов, А.Н. Психологический анализ понимания иноязычного текста [Электронный ресурс] / А.Н. Соколов // Известия АПН РСФСР. – М., 1947. – Вып. 7: Вопросы психологии понимания. – С. 163–190. – URL: http://elib.gnpbu.ru/text/izvestiya-apn_vyp7_1947/go,163;%20fs,0/ (дата обращения: 25.02.2023).

183. Сонин, А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Сонин Александр Геннадьевич. – М., 2006. – 42 с.

184. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 166 с.

185. Сорокоумова, Е.А. Психология детей младшего школьного возраста. Самопознание в процессе обучения [Электронный ресурс]: учебное пособие / Е.А. Сорокоумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 216 с. // Юрайт: образовательная платформа: [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/493017> (дата обращения: 23.06.2022).

186. Спиноза, Б. Политический трактат [Электронный ресурс] / Бенедикт Спиноза. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 103 с. // Университетская библиотека онлайн: [электронная библиотечная система]. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=38420&razdel=4 (дата обращения: 25.02.2023).
187. Сулейменова, Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике / Э.Д. Сулейменова. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
188. Тарасов, Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
189. Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка; под общ. ред. Н.П. Пешковой. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2010. – 268 с.
190. Титлова, А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Титлова Анастасия Станиславовна. – Уфа, 2017. – 232 с.
191. Трубникова, Р.С. Сила нервной системы как фактор произвольного запоминания: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.00 / Трубникова Римма Степановна. – М., 1972. – 124 с.: ил.
192. Ухтомский, А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2022. – 512 с.
193. Ухтомский, А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. Ухтомский. – СПб.: Петерб. писатель, 1996. – 525, [2] с.
194. Ухтомский, А.А. Доминанта / Алексей Ухтомский. – СПб. [и др.]: Питер, 2002. – 448 с. – (Психология-классика).
195. Ухтомский, А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука: [сборник] / А. А. Ухтомский. – Рыбинск: Рыбин. подворье, 1997. – 567, [2] с.
196. Филатов, В.П. Понимание [Электронный ресурс] / В.П. Филатов // Большая российская энциклопедия. – 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3157973> (дата обращения: 15.02.2023).

197. Филатов, В.П. Понимание в герменевтике и за ее пределами / В.П. Филатов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. 28, № 2. – С. 5–15.
198. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
199. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование / Г. Фреге // Философия. Логика. Язык: [сборник статей] / Сост. и предисл. В. В. Петрова; общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 18–47.
200. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / Мартин Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 445, [2] с. – (Мыслители XX века).
201. Черниговская, Т.В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? / Т.В. Черниговская // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. – М., 2009. – Вып. 4. – С. 13–37.
202. Черниговская, Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М.: АСТ, 2021. – 496 с.
203. Чечулин, В.Л. Об этимологии слова «смысл» в русском и некоторых европейских языках [Электронный ресурс] / В.Л. Чечулин // Приволжский научный вестник. – 2011. – № 3 (3). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-etimologii-slova-smysl-v-russkom-i-nekotoryh-evropeyskih-yazykah> (дата обращения: 06.08.2022).
204. Швырев, В.С. Понимание в структуре научного сознания / В.С. Швырев // Загадка человеческого понимания: [сборник статей]. – М., 1991. – С. 8–24.
205. Шехтман, Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н.А. Шехтман; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Оренб. гос. пед. ун-т». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 167 с.
206. Шлейермахер, Ф. Академические речи 1829 года / Ф. Шлейермахер; пер. Е.М. Ананьева // Метафизические исследования. — СПб., 1997. – Вып. 4: Культура. – С. 147–163.

207. Шпет, Г.Г. Мысль и слово: избранные труды / Густав Шпет; вступ. ст., ред. и сост. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2005. – 710, [2] с.
208. Штерн, А.С. Лингвистические факторы в восприятии речи / А.С. Штерн // Слух и речь в норме и патологии: сборник статей. – Л., 1980. – Вып. 3. – С. 10–16.
209. Штерн, А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности / А.С. Штерн. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. – 236 с.
210. Шутёмова, Н.В. Различные трактовки понятия «Доминанта»: от лингвистики текста к переводоведению [Электронный ресурс] / Н.В. Шутёмова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, вып. 1. – С. 114–124. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6984/1/10-Shutemova.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
211. Юркевич, Е.Н. У истоков герменевтической логики (трактат Аристотеля «Об истолковании») / Е.Н. Юркевич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2008. – № 1. – С. 554–558.
212. Яковлев, А.А. Что является объектом понимания / А.А. Яковлев // Загадка человеческого понимания: [сборник статей]. – М., 1991. – С. 53 – 71.
213. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс; пер. с нем. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
214. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: [сборник: пер. с нем.] / Карл Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527, [1] с. – (Мыслители XX века).
215. Baars, B.J. In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind / B.J. Baars. – New York: Oxford University Press USA, 1997. – 210 p.
216. Barsalou, L.W. Grounded cognition / L.W. Barsalou // Annual Review of Psychology. – 2008. – Vol. 59. – P. 617–645.
217. Barsalou, L.W. Situated simulation in the human conceptual system / L.W. Barsalou // Language and Cognitive Processes. – 2003. – Vol. 18, issue 5–6. – P. 513–562.

218. Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology / F.C. Bartlett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1932. – 317 p.

219. Bernardini, S. Using Think-Aloud Protocols to investigate the translation process: methodological aspects [Электронный ресурс] / S. Bernardini // CiteSeerX: [Электронная библиотека]. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.133.7481&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

220. Bradbury, R. All Summer in a Day [Электронный ресурс] / R. Bradbury // Ray Bradbury.RU: [site]. – URL: <http://raybradbury.ru/library/story/54/4/0/> (дата обращения: 25.02.2023).

221. Bransford, J.D. A sketch of cognitive approach to comprehension: Some thoughts about understanding what it means to comprehend / J.D. Bransford, N.S. McCarroll // Cognition and symbolic processes / ed. by W.B. Weimer, P.S. Palermo. – New Jersey, 1974. – P. 189–229.

222. Broek, P. van den. Comprehension and memory of narrative texts / P. van den Broek // Handbook of Psycholinguistics / ed. by M. A. Gernsbacher. – London, 1994. – P. 539–588.

223. Bruner, J.S. Acts of meaning / J.S. Bruner. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 179 p.

224. Bruner, J.S. Explaining and interpreting: Two ways of using mind / J.S. Bruner // Conceptions of the human mind: Essays in honor of George A. Miller / ed. by G. Harman – Hillsdale; New Jersey, 1993. – P. 123–137.

225. Buettner, D. Who's best at living longest? The secrets of longevity [Электронный ресурс] / D. Buettner // Blue zones: [site]. – URL: https://www.bluezones.com/wp-content/uploads/2011/02/Nat_Geo_Longevity.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

226. Chladenius, J.M. Einleitung zur richtigen Auslegung vernunftiger Reden und Schriften / J.M. Chladenius. – Düsseldorf: Stern-Verlag Janssen, 1969. – 346 p.

227. Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics / L. Meteyard, S.R. Cuadrado, B. Bahrami, G. Vigliocco // Cortex. –2012. – Vol. 48(7). – P. 788–804.

228. Creelman, M.B. *The Experimental Investigation of Meaning* / M.B. Creelman. – Heidelberg: Springer Berlin, 1966. – 228 p.
229. Crick, F.C. What are the neural correlates of consciousness? / F.C. Crick, C. Koch // *23 Problems in Systems Neuroscience* / ed. by L. van Hemmen, T.J. Sejnowski. – New York, 2006. – P. 474–490.
230. Damon, W. The Development of Self-Understanding from Infancy through Adolescence / W. Damon, D. Hart // *Child Development*. – 1982. – Vol. 53, issue 4. – P. 841–864.
231. Dannhauser, J.C. *Hermeneutica sacra* [Электронный ресурс] / J. Dannhauser. – URL: https://books.google.ru/books?id=sBZttQEACAAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions_r&cad=4 (дата обращения: 23.06.2023).
232. Dehaene, S. *Consciousness and the Brain* / S. Dahaene. – New York: Viking, 2014. – 352 p.
233. Dennis, S. The Syntagmatic Paradigmatic Model: A distributed instance-based / S. Dennis, M. Harrington // *The 2nd Workshop on Natural Language Processing and Neural Networks, Tokyo, Japan, 30 November, 2001: conference papers* / ed. By M. Isahara, Q. Ma. – 2002. – P. 38–45.
234. Dijk, T.A. van. *Strategies of Discourse Comprehension* / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York: Academic Press, 1983. – 427 p.
235. Dilthey, W. *Gesammelte Schriften. Bd. V. Die Geistige Welt: Einleitung in die Philosophie des Lebens. Bd. I. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften* / W. Dilthey. – Leipzig; Berlin: Verlag von B. G. Teubner, 1924. – 442 s.
236. Embodied Comprehension of Stories: Interactions between Language Regions and Modality-specific Neural Systems / H.M. Chow, R.A. Mar, Y. Xu [et. al.] // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2014. – Vol. 26, issue 2. – P. 279–295.
237. Fraser, B. Pragmatic Markers / B. Fraser // *Pragmatics*. – 1996. – Vol. 6, issue 2. – P. 167–190.
238. Gerloff, P. Second language learners' reports on the interpretive process: Talk aloud protocols of translation / P. Gerloff // *Interlingual and intercultural communication* / ed. by J. House, S. Blum-Kulka. – Tübingen, 1986. – P. 243–262.

239. Graesser, A.C. Constructing inferences during narrative text comprehension / A.C. Graesser, M. Singer, T. Trabasso // *Psychological Review*. – 1994. – Vol. 101 (3). – P. 371–395.
240. Grotius, H. *Parallelon rerumpublicarum* (Comparison of Constitutions; manuscript 1601–1602) [Электронный ресурс] / H. Grotius. – URL: https://books.google.ru/books?id=RVIDAAAAYAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.05.2023).
241. Harre, R. Personal meanings: semantic relations of the fourth kind / R. Harre // *Personal meanings* / ed. by E. Shepherd, J. Watson. – Chichester etc, 1982. – P. 9–22.
242. Harri-Augstein, S. Reflecting on structures of meaning: a process of learning-to-learn / S. Harri-Augstein // *Personal construct psychology 1977* / ed. By F. Fransella. – London etc., 1978. – P. 87–101.
243. Hart, J.T. Memory and the feeling-of-knowing experience / J.T. Hart // *Journal of Educational Psychology*. – 1965. – Vol. 56. – P. 208–216.
244. Hebb, D.O. *The Organization of Behavior. A Neurophysiological Theory* / D.O. Hebb. – New York: Wiley, 1949. – 335 p.
245. Heidegger, M. *Kant und das Problem der Metaphysik* / M. Heidegger. – Bonn: Verlag von F. Cohen, 1929. – 317 p.
246. Human single-neuron responses at the threshold of conscious recognition / R.Q. Quiroga, R. Mukamel, E.A. Isham, R. Malach, I. Fried // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. – 2008. – Vol. 105 (9). – P. 3599–3604.
247. Jääskeläinen, R. Investigating translation strategies / R. Jääskeläinen // *Recent trends in empirical translation research* / S. Tirkkonen-Conditand, J. Laffling (eds.). – Joensuu, 1993. – P. 99–120.
248. Johnson-Laird, P.N. *Deduction* / P.N. Johnson-Laird, R.M.J. Byrne. – Hillsdale: L. Erlbaum Associates, 1991. – 243 p.
249. Johnson-Laird, P.N. *Mental models* / P.N. Johnson-Laird, M.A. Posner // *Foundations of Cognitive Science*. – Cambridge, 1993. – P. 469–499.
250. Kintsch, W. *Comprehension: A paradigm for cognition* / W. Kintsch. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 405 p.

251. Kintsch, W. The role of knowledge in discourse comprehension: A Construction-integration Model / W. Kintsch // *Psychological Review*. – 1988. – Vol. 95. – P. 163–182.

252. Kneepkens, E.W. Emotions and literal text comprehension / E.W. Kneepkens, R.A. Zwaan // *Poetics*. – 1994. – Vol. 23. – P. 125–138.

253. Koch, Ch. *The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach* / Ch. Koch. – 1st edition. – Englewood: Roberts & Company Publishers, 2004. – 429 p.

254. Kotelnikova, A.N. «Counter-text» method in psycholinguistics: application and perspectives / A. N. Kotelnikova // *Инновационные процессы в исследовательской и образовательной деятельности*. – 2018. – Vol. 1. – P. 27–32.

255. Krings, H.P. *Repairing Texts: Empirical Investigations of Machine Translation Post-Editing Processes* / H.P. Krings; ed. by G. S. Koby. – Kent: The Kent State University Press, 2001. – 648 p.

256. Kurby, C.A. The activation of modality-specific representations during discourse processing / C.A. Kurby, J.M. Zacks // *Brain and Language*. – 2013. – Vol. 126. – P. 338–349.

257. Kuusela, H. A comparison of concurrent and retrospective verbal protocol analysis / H. Kuusela, P. Paul // *American Journal of Psychology*. – 2000. – Vol. 113(3). – P. 387–404.

258. Langston, M.C. A connectionist model of narrative comprehension / M.C. Langston, T. Trabasso, J.P. Magliano // *Understanding language understanding: Computational models of reading* / ed. by A. Ram, K. Moorman. – Cambridge, 1999. – P. 181–226.

259. Linell, P. Dialogicality in languages, minds and brains: is there a convergence between dialogism and neuro-biology? / P. Linnel // *Language Sciences*. – 2007. – Vol. 29 (5). – P. 605–620.

260. Locke, J. *An Essay Concerning Humane Understanding* [Электронный ресурс] / J. Locke // *The Federalist Papers*: [site]. – URL: <https://thefederalistpapers.org/wp-content/uploads/2012/12/An-Essay-Concerning-Human-Understanding.pdf> (дата обращения: 23.06.2023).

261. Lörcher, W. Thinking-aloud as a method for collecting data on translation processes / W. Lörcher // Empirical research in translation and intercultural studies. – 1991. – C. 67–77.

262. McClelland, J. An Interactive Activation Model of Context Effects in Letter Perception: Part 1. An Account of Basic Findings / J. McClelland, D. Rumelhart // Psychological Review. – 1981. – Vol. 88, № 5. – P. 375–407.

263. Meier, G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst / G.F. Meier. – Hamburg: Felix Meiner, 1996. – 287 p.

264. Mill, J.S. System der deduktiven und inductiven Logik / J.S. Mill, Übersetzt von J. Schiel. – Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn, 1868. – Bd. 1. – 573 p.

265. Modeling knowledge-based inferences in story comprehension / S.L. Frank, M. Koppen, L.G.M. Noordman, W. Vonk // Cognitive Science. – 2003. – Vol. 27. – P. 875–910.

266. Nijhof, A.D. Simulating Fiction: Individual Differences in Literature Comprehension Revealed with fMRI / A.D. Nijhof, R.M. Willems // PLOS ONE. – 2015. – Vol. 10 (2). – P. 1–17.

267. On Studying Text Comprehension Strategy Using the Counter-Text Method: Case-Study on Humanities and Engineering Students / I. Avkhacheva, I. Barinova, A. Kotelnikova [et. al.] // Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives: Proceedings of the Conference Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives, 2022 April 2022, St. Petersburg, Russia / Springer Nature Switzerland AG; Ed. Z. Anikina. – Cham, 2022. – P. 320–328.

268. Personal experience with narrated events modulates functional connectivity within visual and motor systems during story comprehension / H.M. Chow, R.A. Mar, Y. Xu [et. al.] // Human Brain Mapping. – 2015. – Vol. 36. – P. 1494–1505.

269. Petrova, T. Processing of static and dynamic texts: an eye-tracking study of Russian / T. Petrova, A. Dobrego // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts 2016. – 2016. – Vol. 1, № 1. – P. 991–997.

270. Phenix, P. *Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education* / P. Phenix. – New York etc.: McGraw-Hill, 1964. – 391 p.

271. Pulvermüller, F. *The Concept of Transcortical Cell Assemblies: A Key to the Understanding of Cortical Lateralization and Interhemispheric Interaction* / F. Pulvermüller, B. Mohr // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. – 1996. – Vol. 20, issue 4. – P. 557–566.

272. Pulvermüller, F. *Words in the Brain's Language* / F. Pulvermüller // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1999. – P. 253–279.

273. Rehbein, B. *Verstehen (Theorie und Methode)* / B. Rehbein, G. Saalman. – Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2009. – 196 s.

274. Roose, K. *An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy* [Электронный ресурс] / K. Roose // *The New York Times*. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (дата обращения: 29.05.2023).

275. Rumelhart, D.E. *Understanding and summarisation brief stories* / D.E. Rumelhart // *Basic processes in reading: perceptions and comprehension*. – New Jersey, 1977. – P. 265–303.

276. Russell, D. *Tapping into the interpreting process: Using participant reports to inform the interpreting process in educational settings* / D. Russel, B. Winston // *Translation & Interpreting*. – 2014. – Vol. 6 (1). – P. 102–127.

277. Saarni, C. *The Development of Emotional Competence* / C. Saarni. – NYC: The Guilford Press, 1999. – 381 p.

278. Schmalhofer, F. *A unified model for predictive and bridging inferences* / F. Schmalhofer, M.A. McDaniel, D. Keefe // *Discourse Processes*. – 2002. – Vol. 33. – P. 105–132.

279. Schnotz, W. *Construction and interference in learning from multiple representation* / W. Schnotz, M. Banner // *Learning and Instruction*. – 2003. – Vol. 13. – P. 141–156.

280. Séguinot, C. *Some thoughts about think-aloud protocols* / C. Séguinot // *Target*. – 1996. – Vol. 8, № 1. – P. 75–95.

281. Shotter, J. Social accountability and the social construction of «you» / J. Shotter // *Texts of identity* / ed. by J. Shotter, K.J. Gergen. – London, 1989. – P. 133–151.
282. Smith, A. Think aloud protocols: Viable for teaching, learning, and professional development in interpreting / A. Smith // *Translation & Interpreting*. – 2014. – Vol. 6, № 1. – P. 128–143.
283. Solso, R.L. *Cognitive Psychology* / R.L. Solso. – USA: University of Nevada, 1995. – 580 p.
284. Thomas L. *Learning and meaning* / L. Thomas // *Personal construct psychology 1977* / ed. by F. Fransella. – London etc., 1978. – P. 47–57.
285. Thomasset, A. Paul Ricœur. philosophe de la rencontre / A. Thomasset // *Études*. – 2005. – Vol. 403, № 7–8. – P. 5–8.
286. Thorndyke, E.L. *The Psychology of Wants, Interests and Attitudes* / E.L. Thorndyke. – New York: Appleton-Century Co, 1935. – 301 p.
287. Weaver, C.A. *Discourse comprehension: Essays in honor of Walter Kintsch* / ed. by C.A. Weaver, S. Mannes, C.R. Fletcher. – New York: Routledge, 1995. – 440 p.
288. Wildy, H. *Understanding Teaching or Teaching for Understanding* / H. Wildy, J. Wallace // *American Educational Research Journal*. – 1992. – Vol. 29, № 2. – P. 143–156.
289. Zwaan, R.A. *Embodied sentence comprehension* / R.A. Zwaan, C.J. Madden // *Grounding cognition: The role of perception and action in memory, language, and thinking* / ed. by D. Pecher, R.A. Zwaan. – Cambridge, 2005. – P. 224–245.
290. Zwaan, R.A. *Situation models in language comprehension and memory* / R.A. Zwaan, G.A. Radvansky // *Psychological Bulletin*. – 1998. – Vol. 123. – P. 162–185.
291. Zwaan, R.A. *Situation Models, Mental Simulations, and Abstract Concepts in Discourse Comprehension* / R.A. Zwaan // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2016. – Vol. 23, № 4. – P. 1028–1034.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Duden: Duden online. – Bibliographisches Institut GmbH, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: www.duden.de (дата обращения: 25.05.2023).
3. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.06.2021).
4. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / науч.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2000. – Т. 1–4. – 2659 с. – (2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1–4. – 2816 с.). – URL: <https://iphlib.ru/library> (дата обращения: 25.05.2023).
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
6. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с.
7. Oxford Learner's Dictionaries Online [Электронный ресурс]: Oxford University Press. – 2023. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/sense_1 (дата обращения: 24.06.2021).

Проведенные психолингвистические эксперименты и их краткое описание

№ п/п	Материал исследования (краткая характеристика)	Количественные показатели (объем, количество смысловых отрезков)	Группа испытуемых	Полученные реакции/ «контртексты»	Цель задания
1	Художественный текст Рэя Брэдбери «All Summer in a Day» (адаптированный)	447 слов, 1857 знаков (без пробелов), 13 смысловых отрезков	Учащиеся 10–11-х классов, инженеры, студенты-переводчики = 30 человек	30 контртекстов, 390 реакций на стимулы	Составить «контртексты», после прочтения сформулировать, «о чем этот текст», и перевести его на русский язык.
	Публицистический текст «Who’s Best at Living Longest?» (адаптированный)	230 слов, 978 знаков (без пробелов), 8 смысловых отрезков		30 контртекстов, 240 реакций на стимулы	Составить «контртексты», после прочтения сформулировать, «о чем этот текст».
2	Мультимодальный текст (визуальный нарратив) – короткометражный мультфильм «The Present» (2014 г.)	Длительность – 4: 18 мин, 5 смысловых отрезков	40 учащихся из 5-х и 10-х классов СОШ № 82 г. Перми	40 контртекстов, 200 реакций	Посмотреть все отрывки из видео последовательно, составить «контртекст», сформулировать, «о чем это видео».
3	Интернет-комментарий как вид контртекста (переводческий аспект), посты в сообществе переводчиков «ВКонтакте», играющие роль текста-стимула	4 поста в сообществе	Заинтересованные в сфере перевода люди: студенты, специалисты = 37 человек	50 комментариев-реакций	В постах авторы просят о помощи в переводе тех или иных отрезков текста (от одного предложения до одного абзаца), под постом переводчики предлагают варианты и обсуждают их. Цель: проанализировать комментарии как реакции на воспринятое.
4	Публицистический текст – статья на портале futurism.com Microsoft’s Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language научно-популярная тематика	394 слова, 2010 знаков (без пробела), 11 смысловых отрезков	20 магистрантов – «Лингвистика» (Теория и практика переводческой деятельности), 20 – магистранты ЭТФ (IT-направление)	40 «встречных текстов» = 440 реакций	Составить «контртексты»; кратко сформулировать смысл и содержание прочитанного текста (1–3 предложения).
5	Публицистический + картина (мультимодальный) An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren’t Happy. By Kevin Roose Sept. 2, 2022 The New York Times	497 слов, 2450 знаков (без пробелов), 12 смысловых отрезков	30 – магистранты ЭТФ (IT-направление), 30 – переводчики 4-го курса	60 контртекстов, 720 реакций	1. Взглянуть на картину – описать ассоциации. 2. Прочитать отрезки-стимулы, составить «контртекст». 3. Сформулировать содержание и смысл. 4. Выделить ключевые слова.
Итого	6 текстов	53 стимула	207 реципиентов	2040 реакций	–

ЭКСПЕРИМЕНТ № 3 Интернет – комментарий как вид «контртекста»

Пример поста, играющего роль стимула и комментариев – реакций к нему

Я – переводчик
16 янв 2021 в 21:52

Уважаемые коллеги, ищу русский аналог английскому "Close your eyes, point to the east, point to the west, point to the one you think is the best". Можно не про стороны света, но очень важно, чтобы присутствовало слово "лучший" (в любом падеже) и желательно в конце фразы. Любые считалочки/стишки, можно перефразированные, но по-возможности легко узнаваемые. Буду благодарна любым идеям.

[Наталья Демидова](#)

 11

 6

 6.1K

Сначала старые ▾

Маргарита Лавровская
А-ля "Каравай, каравай, кого хочешь выбирай?")
16 янв 2021 [Ответить](#) [Поделиться](#)

 9

Ирина Худиева
Закрой глаза,
Считай до ста.
На ком счет остановится,
Тот лучшим становится

Первое, что пришло в голову 🤔😄

 24

Даша Петрова 🤔

Глаза свои закрой,
Определись со стороной.
Отдай лишь сердце той,
Кто для тебя лучше другой. 😊

 7

Vera Sol
«Каравай» — очень хорошая идея в смысле узнаваемости, там в финале кто-то «лучше всех».

 6

Vera Sol
Можно преобразовать:
Каравай, каравай,
кого хочешь выбирай,
и кого-то ждёт успех,
ну а кто же хуже всех?

 2

Татьяна Демченко ответила Vera
Vera, ответ же есть: "я люблю вас всех, ну а ... (Марфушеньку-душеньку) больше всех"
:)

 2

Vera Sol
Вопрос уже сменился, на "кто хуже", см. ниже

 2

Сарра Иванова
Бок левый чеши, правый чеши, а теперь подумай, который лучши.

 2

ЭКСПЕРИМЕНТ № 4 на материале текста «Microsoft’s Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language»²²

1. You no longer need to speak another language to look like you’re fluent in it – to anyone, anywhere.

2. On Wednesday, Microsoft executive Julia White took the stage at the company’s Inspire partner conference to demonstrate how it’s now possible to not only create an incredibly life-like hologram of a person, but to then make the hologram speak another language in the person’s own voice.

3. This demo was possible thanks to a combination of two existing technologies – mixed reality and neural text-to-speech – and it foreshadows a future in which tech greatly diminishes existing barriers in human communication.

4. As for how Microsoft pulled off this remarkable demo, the first step was creating White’s seemingly identical, life-sized hologram. To do that, she visited one of the company’s Mixed Reality capture studios, where she was recorded delivering her presentation in English.

5. That would be enough to allow anyone wearing one of Microsoft’s HoloLens devices to feel like White was standing in front of them, delivering her speech.

6. To then make it seem like White was speaking Japanese, Microsoft used its neural text-to-speech technology to create White’s “personalized voice signature.” Once it had that, it could have the hologram say anything, in any language, and the audio would sound like White’s voice.

7. Of course, an international audience could still benefit from a presentation like White’s even if Microsoft didn’t turn her into a hologram or use AI to replicate her voice – they could watch her on their television or computer screen, and listen along as a human translator repeated White’s words in their native tongue.

8. But this technology removes so many of those barriers between the speaker and the audience.

²² <https://futurism.com/microsoft-hololens-hologram-speak-another-language>

9. *Imagine a world leader delivering a speech, and every person across the globe feeling like the leader was in the room with them and speaking the local language. Or a world-class professor giving a lecture that anyone could attend and understand – without leaving their homes and without learning their teacher’s language.*

10. *And then there’s the exciting possibility of what might come next. Mixed reality contact lenses that do away with the need for a headset altogether? AI that can translate speech in the native speaker’s voice in real-time?*

11. *As White put it at the end of her demo, “All of these technologies exist today. The future is here.”*

ЭКСПЕРИМЕНТ № 5 на материале текста «An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren’t Happy»²³

Добрый день! Спасибо за участие в эксперименте! Эксперимент состоит из трех этапов. Все ответы вы записываете на рабочий лист.

²³ <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html>

I. **Посмотрите на экран.** О чем вы думаете, когда смотрите на эту картину?
Запишите свой ответ.

II. Работа с текстом

Вашему вниманию представлен текст на английском языке.

Текст разделен на небольшие смысловые отрезки, которым присвоены номера. Ваша задача – составить «встречные тексты» на русском языке.

«Встречный текст» – это всё, что возникает в вашем сознании как результат понимания данного отрезка. Ответами могут быть, например, любые ассоциации, комментарии, оценки, критика, согласие и т.д., т.е. то, что первое пришло вам на ум в процессе чтения этого отрывка.

Вам необходимо:

1. На отдельном листе бумаги записать **номер отрезка текста** (здесь нумерация уже представлена на рабочем листе).

2. Под этим номером запишите все **реакции**, возникающие в вашем сознании в процессе чтения **данного** отрывка.

3. Важно записывать «реакции» **последовательно**, читая отрезок за отрезком, **не забегая вперед!**

4. Большая просьба писать разборчиво.

Совокупность ваших реакций и составит «**встречный текст**».

III. После составления «встречного текста» кратко сформулируйте **смысл и содержание** прочитанного Вами текста (1–3 предложения).

Выделите **пять ключевых слов**, лучше всего передающих **смысл** текста.

1. *This year, the Colorado State Fair's annual art competition gave out prizes in all the usual categories: painting, quilting, sculpture.*

2. *But one entrant, Jason M. Allen of Pueblo West, Colo., didn't make his entry with a brush or clay. He created it with Midjourney, an artificial intelligence program that turns lines of text into hyper-realistic graphics.*

3. *"Théâtre D'opéra Spatial," took home the blue ribbon – making it one of the first A.I.-generated pieces to win such a prize, and setting off a fierce backlash from artists who accused him of cheating.*

4. Mr. Allen defended his work. He said that he had made clear that his work – “Jason M. Allen via Midjourney” – was created using A.I. “I’m not going to apologize for it,” he said. “I won, and I didn’t break any rules.”

5. Mr. Allen, 39, began experimenting with A.I.-generated art this year. He got invited to a Discord chat server where people were testing Midjourney. Users type a series of words in a message to Midjourney; the bot spits back an image seconds later.

6. Mr. Allen became obsessed, creating hundreds of images and marveling at how realistic they were. “I couldn’t believe what I was seeing,” he said. “I felt like it was demonically inspired – like some otherworldly force was involved.”

7. A.I. art has been around for years. But tools released this year (DALL-E 2, Midjourney and Stable Diffusion), which are able to make super-realistic images, have made many human artists understandably nervous about their own futures.

8. They have also generated fierce debates about the ethics of A.I.-generated art, naming it a high-tech form of plagiarism.

9. Apps like DALL-E 2 and Midjourney are built by scraping millions of images from the open web, then teaching algorithms to recognize patterns and relationships in those images and generate new ones in the same style.

10. Some artists defended Mr. Allen, saying that using A.I. to create a piece was no different from using Photoshop or other digital image-manipulation tools. It’s still human creativity that matters.

11. Mr. Allen said he empathized with artists who were scared that A.I. tools would put them out of work. But he said their anger should be directed at companies that choose to replace human artists with A.I. tools. “It shouldn’t be an indictment of the technology itself,” he said. “The ethics isn’t in the technology. It’s in the people.”

12. And he urged artists to overcome their objections to A.I., even if only as a coping strategy. “This isn’t going to stop,” Mr. Allen said. “Art is dead, dude. It’s over. A.I. won. Humans lost.”

Рабочий лист**Укажите ваш:**

Возраст –

Пол –

Направление подготовки –

I. О чем вы думаете, когда смотрите на картину?

--

II. Ваши реакции на предъявляемые отрезки текста

№ отрезка	Ваша реакция
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	

9	
10	
11	
12	

**III. Сформулируйте содержание и смысл текста (1–3 предложения).
Выделите ключевые слова (5)**

Содержание текста	
Смысл текста	
Ключевые слова	

КОНТРТЕКСТЫ РЕЦИПИЕНТОВ. ПРИМЕРЫ**ТЕКСТ- СТИМУЛ «Who's Best At Living Longest» National Geographic****Контртекст № 1**

1. Как это может быть возможно? Наверное, цена будет слишком велика.
2. Это очень хорошая новость. Прогресс и развитие науки подняли уровень жизни.
3. Что именно вызывает такие благоприятные изменения? Как можно сохранить или даже ускорить увеличение средней продолжительности жизни?
4. Это может быть вызвано неправильным образом жизни или питания.
5. «Болезни XXI века» являются виновниками этого.
6. Звучит заманчиво. Мне будет предложено вести здоровый образ жизни и правильно питаться?
7. Какие вещи человек может сделать, чтобы полностью раскрыть потенциал своего организма?
8. Как было проведено исследование, позволяющее сделать такой вывод?

О чем этот текст?

Человечество в процессе развития с XIX века достигло культуры жизни, которая позволила увеличивать продолжительность жизни. Под культурой жизни я понимаю: развитие медицины, накопление знаний об устройстве мира, человека. Но в этот процесс вмешиваются другие факторы: культура потребления, которая привела к снижению уровня жизни самих же потребителей. Человечество делится на тех, кто «думает» и тех, кто бездумно потребляет. Те, кто думает, имеют шанс увеличить продолжительность жизни, потому что в их руках множество возможностей. А те, кто потребляет, сдвигается по нисходящей, и таких большинство, что мы и видим по Америке.

Контртекст № 2

1. Why not? I agree
2. In which country?

3. Wow! Great!
4. So what?
5. Bad news
6. Great words
7. What are they?
8. Good news!

О чем этот текст?

Scientists have found that on the one hand the life expectancy has grown up, but on the other hand it started to dip because of certain diseases. Many things depend on us, our lifestyle, diet and physical activity can help us to live longer.

ТЕКСТ-СТИМУЛ «All Summer In a Day» by Ray Bradbury

Контртекст № 1

1. Всегда готов!
2. Уже сегодня?
3. Дети – цветы жизни. Или сорняки?
4. Вымывая все плохое, остается... пустота?
5. Это был их выбор.
6. На Земле тоже есть своя Венера, только со снегом.
7. В ожидании «цветения» Солнца.
8. Воображариум маленькой Марго.
9. На Земле тоже есть такие люди, выстиранные и вымытые, потерявшие свое лицо.
10. Только воспоминаниями греется душа.
11. Забыть, значит – не помнить.
12. Верю – не верю, но она знает, она помнит, это и держит ее на плаву.
13. Потому что она видела солнце, она его помнит. А оно помнит о ней.

О чем этот текст?

Общий смысл и настроение текста - тоска по недостижимому. Как будто все люди слепы с рождения, и среди них есть один, который ослеп в детстве и еще знает, какой настоящий мир вокруг него.

Контртекст № 2

1. Диалог двух людей, которые затеяли что-то увлекательное.
2. Что может случиться сегодня?
3. Чем занимались эти дети?
4. Почему осадки длились так долго?
5. Почему для колонизации была выбрана Венера? В каком году происходит действие рассказа?
6. Каково это жить на планете, за плотными облаками которой почти никогда не видно Солнца?
- 7-8. Дети сравнивают Солнце с лимоном и цветком, т.к. ни разу не видели его, но хотят понять, как оно будет выглядеть.
9. Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки.
- 10-11. Между девочкой и остальными ребятами было существенное различие: она прилетела с Земли только 5 лет назад и поэтому еще помнила, как выглядит Солнце.
- 12-13. Ребята почему-то не верили, что девочка помнит, как выглядит Солнце, но ей было все равно.

О чем этот текст?

Из ребят, живших на Венере, только одна девочка помнит, как выглядит Солнце, так как она прилетела с Земли 5 лет назад.

ТЕКСТ-СТИМУЛ «Microsoft's Tech Can Make Your Hologram Speak Another Language»**Контртекст № 1**

1. Человек, с головой в виде симбиоза человека и Гугл-переводчика, будто в фотошопе вместо лица поставили иконку переводчика.
2. Эпизод из звездных войн, где показывался совет в аналогичной ситуации.
3. Картина, человек держит в одной руке изображение «нейронной сети», в другой очки виртуальной реальности и пытается соединить их перед собой, прикладывая невообразимые усилия.

4. Уайт в зеленом, обтягивающем костюме на фоне зеленых стен, съёмочная команда старается сдерживать смех.

5. Сразу появляется идея рекламы данного продукта.

6. Черный ящик, только вместо рисунка ящика пресловутая кривая линия, означающая, что голос записывается.

7. Быстрый откат назад во времени.

8. Разбивается бетонная стена, самим Уайтом.

9. Лидер южной Кореи призывает всех к славному коммунизму.

10. Вспоминается, как дедушка читал мне сказки на ночь.

11. Типично киношная картинка: оратор говорит громкую речь, вся публика восторженно кричит.

Общий смысл текста: неплохая презентация, конечно, возникли определенные вопросы в середине данного текста, стоило бы добавить определенную информацию. Проект перспективный и столкнуться с ним в реальной жизни очень хочется, желательно, чтобы данный продукт был доступен всем слоям населения.

Контртекст № 2

1. Вам больше не нужно постоянно разговаривать на другом языке с кем-то, чтобы знать язык на продвинутом уровне.

2. В среду на конференции генеральный директор компании Майкрософт Джулия Уайт рассказала о новой модели голограммы человека, которая теперь будет способна переводить предложения на другой язык, имитируя при этом голос говорящего.

3. Ученые смогли воплотить данную разработку в реальность благодаря двум технологиям – виртуальной реальности и технология преобразования текста в речь.

4. Для того, чтобы показать, как работает технология, команда Майкрософт показала голограмму выступления Джулии, которую они записали заранее на английском языке.

5. Этого было бы достаточно, чтобы любой, кто носит одно из устройств Microsoft HoloLens, почувствовал, что Уайт стоит перед ними, произнося свою речь.

6. Кроме того, ученые Майкрософт создали персонализированную модель голоса Джулии, что позволило голограмме говорить на разных языках её голосом.

7. Конечно, можно было бы обойтись намного проще, не используя голограмму, а просто записав выступление Джулии, показать его по телевизору или в Интернете, используя дублированный перевод.

8. Однако эта технология как раз и позволяет разрушить эти многочисленные барьеры между аудиторией и выступающим.

9. Только представьте будущее, где любой желающий может посмотреть выступление политика, или лекцию ученого и понять все то, о чем они говорят.

10. Эта технология определенно может дать начало и другим занимательным открытиям. Кто, знает, что еще человечество может изобрести. Контактные линзы виртуальной реальности, которые полностью устраняют необходимость в гарнитуре? Искусственный интеллект, который может переводить речь голосом носителя языка в режиме реального времени?

11. Как и сказала Джулия в конце своего выступления: «Все эти технологии развиваются в режиме реального времени. Будущее уже здесь».

Общий смысл текста: несмотря на то, что уже сейчас мы можем благодаря переводу смотреть и понимать множество различной информации, нужно развивать новые технологии, которые помогут преодолеть различные барьеры в будущем.

ТЕКСТ – СТИМУЛ «An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy» By Kevin Roose

Контртекст № 1

1. Искусство не зависит от мировой политики и мировой экономики, это прекрасно.

2. Хочешь жить, умей вертеться.

3. Победителей не судят.

4. Однозначно, недоработка организаторов конкурса, но после результатов конкурса пересматривать правила не считаю правильным, искусство конечно очень сомнительное, но Аллен прав.

5. Искусство и умение пользоваться софтом – это разные вещи, моё мнение.

6. «...как будто в этом была задействована какая-то потусторонняя сила».
7. Алгоритмы, написанные человеком, ничего потустороннего.
8. Разработчики данных программ, да и в целом теории нейросетей – профессионалы своего дела, и, в какой – то степени даже первооткрыватели. Но если это и будет приравниваться к искусству, то необходимо создать конкурсы именно для данного вида искусства, чтобы не обесценивать живопись.
9. Отчасти они правы.
10. Очевидно, этот вопрос необходимо решать на законодательном уровне и создавать «неприкосновенные» базы данных чтобы избежать нарушений авторских прав.
11. Сколько людей, столько и мнений.
12. Всё правильно, согласен.
13. Всё просто, люди автоматизируют многие процессы, и то, что раньше мог делать человек сейчас делает автоматика, это нормально. На счёт живописи и создания картин с помощью алгоритмов, могу сказать, что это разные стили и стоит рассматривать и оценивать их отдельно. Обвинять людей, создающих картины с помощью ИИ глупо, ведь имеет место быть, допустим, электронная музыка, но это не мешает певцам проводить концерты с живым звуком и собирать тысячи человек на них.

Содержание текста: текст, написанный в новостном стиле, повествует нам о истории конкурса, который изменил представление многих людей об искусстве, сделанном (не знаю есть ли здесь тавтология) искусственным интеллектом.

Смысл текста: данный текст заставляет задуматься над дальнейшим развитием технологий человечества. К чему это всё привет и как это отразится на деятелях культуры? Это не самый, как мне кажется, важный вопрос. Важнее: как человечество примет создание существа, которое является на самом деле механизмом, детищем результата человеческих технологий, в свою повседневную жизнь. Уже сейчас мы видим, как многие технологии стали приносить нам огромное удовольствие и оттягивать наше внимание. Но к этим технология прикладывается, в большей степени, человеческий труд и творчество. Как будет в будущем проис-

ходить создание различных произведений, используя их, можно прогнозировать по-разному.

Ключевые слова: эмоции, имитация, страх, развитие, перемены.

Контртекст № 2

1. Думаю, что художественные конкурсы потрясающе, так как можно увидеть потрясающих художников и их картины в различных стилях.

2. Можно ли считать данный способ искусством? Наверное, но это ближе к писательству.

3. Думаю, если бы я участвовала в конкурсе я бы тоже ругалась по этому поводу. Многие художники тратят годы, чтобы нарисовать, то что они представляют в голове. А тут, написал пару фраз – вот тебе и картина.

4. Сложно такое комментировать. Но, по моему мнению, в нем слишком много эгоизма и отсутствует уважение к работе художника.

5. В целом приятно, что технологии развиваются. Но при этом слишком обидно за художников.

6. Я слышала о подобных программах раньше. По факту искусственный интеллект берет несколько изображений реальных художников и соединяет их.

7. Пожалуй, я соглашусь с данными высказываниями. Благодаря данным программам много художников останутся без работы.

8. Я не согласна. Так как я сама рисую в фотошопе, могу сказать, что в отличие от данных интеллектуальных программ, в фотошопе даются только инструменты для реализации идей. Очень много времени уходит на задумку, создание композиции, рисование первоначального эскиза. В общем, для конечного результата художник буквально вкладывает душу в свою картину.

9. Возможно, что данные программы и помогут в более быстром создании игр, мультипликационных сериалов. Но при этом обесценится работа художника. Так же могу сказать так как ИИ берет изображения из определенной базы. То рано или поздно они начнут повторяться. Вот это действительно плагиат.

10. Сделать изображения платными? Звучит глупо... Когда художник вложил душу в свое творение, логично, что он хочет им поделиться, получить оценку

своей работы. Так же таким образом создаются резюме и ищутся потенциальные работодатели.

11. Данный абзац противоречит сам себе. Не надо бояться остаться без работы, если компании заменяют художников искусственным интеллектом?! Есть мысль что в будущем игры и мультфильмы, созданные с настоящими художниками, станут чем-то уникальным.

12. Не могу обвинять технологии. Это все же развитие общества. Думаю, что лучше было бы назвать работы, созданные с помощью данных программ – автоматическими. Т.е почти без участия человека.

13. Так же хочу сказать, что люди, создающие с помощью этих программ и считающие себя настоящими художниками слишком эгоистичны.

14. Думаю, что художники не перестанут протестовать. Все же они годы потратили, чтобы научиться рисовать красиво. Некоторые – всю жизнь.

15. Искусство никогда не умрет! Просто станет намного меньше людей, стремящихся к нему.

Содержание текста: данный текст о развитии технологии и уменьшении влияния искусства на жизнь человека. О спорах вокруг картин и эгоистичности людей.

Смысл текста: мне кажется я написала это выше.

Ключевые слова: Искусство, Картины, Программы, Спор, Эгоизм.